

**МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЦЕНТР НАУЧНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА
«НАУКА И ПРОСВЕЩЕНИЕ»**

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ: АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

**СБОРНИК СТАТЕЙ III МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ,
СОСТОЯВШЕЙСЯ 5 ФЕВРАЛЯ 2023 Г. В Г. ПЕНЗА**

**ПЕНЗА
МЦНС «НАУКА И ПРОСВЕЩЕНИЕ»
2023**

УДК 001.1
ББК 60
Ю73

Ответственный редактор:
Гуляев Герман Юрьевич, кандидат экономических наук

Ю73

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ: АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ:
сборник статей III Международной научно-практической конференции. – Пенза: МЦНС
«Наука и Просвещение». – 2023. – 122 с.

ISBN 978-5-00173-687-5

Настоящий сборник составлен по материалам III Международной научно-практической конференции **«ЮРИСПРУДЕНЦИЯ: АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ»**, состоявшейся 5 февраля 2023 г. в г. Пенза. В сборнике научных трудов рассматриваются современные проблемы науки и практики применения результатов научных исследований.

Сборник предназначен для научных работников, преподавателей, аспирантов, магистрантов, студентов с целью использования в научной работе и учебной деятельности.

Ответственность за аутентичность и точность цитат, имен, названий и иных сведений, а также за соблюдение законодательства об интеллектуальной собственности несут авторы публикуемых материалов.

Полные тексты статей в открытом доступе размещены в Научной электронной библиотеке **Elibrary.ru** в соответствии с Договором №1096-04/2016К от 26.04.2016 г.

УДК 001.1
ББК 60

© МЦНС «Наука и Просвещение» (ИП Гуляев Г.Ю.), 2023
© Коллектив авторов, 2023

ISBN 978-5-00173-687-5

Ответственный редактор:

Гуляев Герман Юрьевич – кандидат экономических наук

Состав редакционной коллегии и организационного комитета:

Агаркова Любовь Васильевна – доктор экономических наук, профессор
Ананченко Игорь Викторович – кандидат технических наук, доцент
Антипов Александр Геннадьевич – доктор филологических наук, профессор
Бабанова Юлия Владимировна – доктор экономических наук, доцент
Багамаев Багам Манапович – доктор ветеринарных наук, профессор
Баженова Ольга Прокопьевна – доктор биологических наук, профессор
Боярский Леонид Александрович – доктор физико-математических наук
Бузни Артемий Николаевич – доктор экономических наук, профессор
Буров Александр Эдуардович – доктор педагогических наук, доцент
Васильев Сергей Иванович – кандидат технических наук, профессор
Власова Анна Владимировна – доктор исторических наук, доцент
Гетманская Елена Валентиновна – доктор педагогических наук, профессор
Грицай Людмила Александровна – кандидат педагогических наук, доцент
Давлетшин Рашит Ахметович – доктор медицинских наук, профессор
Иванова Ирина Викторовна – кандидат психологических наук
Иглин Алексей Владимирович – кандидат юридических наук, доцент
Ильин Сергей Юрьевич – кандидат экономических наук, доцент
Искандарова Гульнара Рифовна – доктор филологических наук, доцент
Казданиян Сусанна Шалвовна – кандидат психологических наук, доцент
Качалова Людмила Павловна – доктор педагогических наук, профессор
Кожалиева Чинара Бакаевна – кандидат психологических наук

Колесников Геннадий Николаевич – доктор технических наук, профессор
Корнев Вячеслав Вячеславович – доктор философских наук, профессор
Кремнева Татьяна Леонидовна – доктор педагогических наук, профессор
Крылова Мария Николаевна – кандидат филологических наук, профессор
Кунц Елена Владимировна – доктор юридических наук, профессор
Курленя Михаил Владимирович – доктор технических наук, профессор
Малкоч Виталий Анатольевич – доктор искусствоведческих наук
Малова Ирина Викторовна – кандидат экономических наук, доцент
Месеняшина Людмила Александровна – доктор педагогических наук, профессор
Некрасов Станислав Николаевич – доктор философских наук, профессор
Непомнящий Олег Владимирович – кандидат технических наук, доцент
Орбец Владимир Александрович – доктор ветеринарных наук, профессор
Попова Ирина Витальевна – доктор экономических наук, доцент
Пырков Вячеслав Евгеньевич – кандидат педагогических наук, доцент
Рукавишников Виктор Степанович – доктор медицинских наук, профессор
Семенова Лидия Эдуардовна – доктор психологических наук, доцент
Удут Владимир Васильевич – доктор медицинских наук, профессор
Фионова Людмила Римовна – доктор технических наук, профессор
Чистов Владимир Владимирович – кандидат психологических наук, доцент
Швец Ирина Михайловна – доктор педагогических наук, профессор
Юрова Ксения Игоревна – кандидат исторических наук

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА	7
ОСНОВНЫЕ МЕХАНИЗМЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ МЕЖБЮДЖЕТНЫХ ОТНОШЕНИЙ ПРИ ДЕЛЕГИРОВАНИЕ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ПОЛНОМОЧИЙ САВРО ЕЛИЗАВЕТА ЭДУАРДОВНА	8
ВИДЫ ЭФФЕКТИВНОСТИ НОРМ ПРАВА МОРИН МАКСИМ ОЛЕГОВИЧ	12
ФЕДЕРАЛИЗМ КАК ОСНОВА ГОСУДАРСТВЕННОГО УСТРОЙСТВА РФ ИШКОВ ВЛАДИМИР СЕРГЕЕВИЧ, ИВАНЮШИНА ПОЛИНА ЕВГЕНЬЕВНА	15
КОНСТИТУЦИОННОЕ И МУНИЦИПАЛЬНОЕ ПРАВО	19
ПРИБРЕТЕНИЕ ГРАЖДАНСТВА РФ: СОВРЕМЕННАЯ ПРАКТИКА И АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЗЕНИНА ВИКТОРИЯ ОЛЕГОВНА	20
ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО	23
НАСЛЕДОВАНИЕ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНОГО ПРАВА НА ТОВАРНЫЙ ЗНАК ЛИЦОМ, НЕ ЯВЛЯЮЩИМСЯ ИНДИВИДУАЛЬНЫМ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕМ ЗАЙКО ЛЮБОВЬ АЛЕКСАНДРОВНА	24
РАЗВИТИЕ ПРАКТИКИ ВЫСШИХ СУДОВ ПО ВОПРОСУ О ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИИ ПРАВОМ ДОЛЖНИКОМ- ИНДИВИДУАЛЬНЫМ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕМ САЛМАНОВА ГЮЛЛУ ШАХВАЛАД КЫЗЫ	27
ОБХОД ЗАКОНА, КАК ФОРМА ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯ ПРАВОМ ДОЛЖНИКОМ-ИНДИВИДУАЛЬНЫМ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕМ В ПРОЦЕДУРАХ БАНКРОТСТВА САЛМАНОВА ГЮЛЛУ ШАХВАЛАД КЫЗЫ	30
О НЕКОТОРЫХ ФОРМАХ НЕЮРИСДИКЦИОННОЙ ЗАЩИТЫ ГРАЖДАНСКИХ ПРАВ МАГОМЕДОВ МАГОМЕД АБДУЛЛАЕВИЧ	33
ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ И ТРУДОВОЕ ПРАВО	36
ПРОБЛЕМЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПОНЯТИЯ «СУБЪЕКТЫ МАЛОГО И СРЕДНЕГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА» КАЗАРЯН НАРЕК ДАВИТОВИЧ	37
О СИСТЕМЕ ФИНАНСОВЫХ НЕНАЛОГОВЫХ МЕР ПОДДЕРЖКИ МАЛОГО И СРЕДНЕГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В РОССИИ КАЗАРЯН НАРЕК ДАВИТОВИЧ	40
ФИНАНСОВОЕ, НАЛОГОВОЕ И БЮДЖЕТНОЕ ПРАВО	43
ПОНЯТИЕ НАЛОГОВОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ И ЕЕ ЗНАЧЕНИЕ В СФЕРЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КАЛАШЕВА МАДОННА МИХАЙЛОВНА	44

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ. УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО. УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС	47
ВОПРОСЫ КОМПЕТЕНТНОСТИ ПЕРЕВОДЧИКА В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ РУДЬ ЕКАТЕРИНА ДМИТРИЕВНА.....	48
КОРРУПЦИОННЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ В ВООРУЖЕННЫХ СИЛАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ КОЛЕСНИКОВ СТЕПАН ЮРЬЕВИЧ	51
СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ В СФЕРЕ АНТИКОРРУПЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ РФ ОРЛОВ АЛЕКСАНДР ВАЛЕРЬЕВИЧ	54
ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОРГАНОВ И УЧРЕЖДЕНИЙ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ ПО ДОКУМЕНТИРОВАНИЕ ПРЕСТУПНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КРИВОВА ПОЛИНА ДМИТРИЕВНА	58
ПРОЦЕССУАЛЬНАЯ СУЩНОСТЬ И ДОКАЗАТЕЛЬСТВЕННОЕ ЗНАЧЕНИЕ ЗАКЛЮЧЕНИЯ И ПОКАЗАНИЙ СПЕЦИАЛИСТА В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ КИРЕЕВА ЕЛИЗАВЕТА АЛЕКСАНДРОВНА.....	61
МЕРЫ РЕАБИЛИТАЦИИ И ПОМОЩЬ В СОЦИАЛЬНОЙ АДАПТАЦИИ ОСУЖДЕННЫМ, ОСВОБОЖДЕННЫМ ОТ НАКАЗАНИЯ В СВЯЗИ С БОЛЕЗНЬЮ МАТРОСОВА АНАСТАСИЯ ЕВГЕНЬЕВНА	67
ПОНЯТИЕ И ХАРАКТЕРИСТИКА КОРРУПЦИИ В СИСТЕМЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ МУСАЕВ ЭЛВАР.....	71
STUDY OF FOREIGN EXPERIENCE IN THE FRAMEWORK OF CRIMINAL LIABILITY FOR CAUSING DEATH BY NEGLIGENCE SOBITOVA UMIDAXON MUROD QIZI	74
К ВОПРОСУ О ВОЗМЕЩЕНИЕ ИЗДЕРЖЕК НА ПРЕДСТАВИТЕЛЯ ПОТЕРПЕВШЕГО В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ КОРЯКИН АНТОН РУСЛАНОВИЧ	79
МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО	82
МЕЖДУНАРОДНЫЕ СТАНДАРТЫ ЗАЩИТЫ ПРАВ РЕБЕНКА БРЕДНЕВ ЕВГЕНИЙ АНДРЕЕВИЧ.....	83
СУДЕБНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ, ПРОКУРОРСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ, ПРАВОЗАЩИТНАЯ И ПРАВООХРАНИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ	86
ПРАВОВОЙ СТАТУС СЕКРЕТАРЯ СУДЕБНОГО ЗАСЕДАНИЯ И ПОМОЩНИКА СУДЬИ В АРБИТРАЖНОМ ПРОЦЕССЕ КОЖЕВНИКОВА ЯНА ЕВГЕНЬЕВНА	87
КАКУЮ РОЛЬ ПРОКУРАТУРА ИГРАЕТ В СИСТЕМЕ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ФЕДЧЕНКО СВЕТЛАНА СЕРГЕЕВНА, МЕЛЕНЦОВА АЛИНА АЛЕКСАНДРОВНА	90

КРИМИНАЛИСТИКА. СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ. ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ	93
ПРОБЛЕМЫ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ САМОДЕЛЬНЫХ ВЗРЫВНЫХ УСТРОЙСТВ САЙФУТДИНОВ РУСТАМ ГИБАДУЛЛОВИЧ	94
MEASURES OF RESPONSIBILITY FOR CRIMES RELATED TO INTERNET ANVAROV OLIMJON RUSTAM UGLI	98
ИНФОРМАЦИОННОЕ ПРАВО	101
ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ОТНОШЕНИЙ В ИНТЕРНЕТЕ ГАВРИЛОВ ВЛАДИМИР ПАВЛОВИЧ	102
LEGAL DESIGN – ЧТО ЭТО И С ЧЕМ ЕГО ЕДЯТ? ПИВЦАЙКИН АРТУР ВАСИЛЬЕВИЧ	105
ГРАЖДАНСКИЙ ПРОЦЕСС. АРБИТРАЖНЫЙ ПРОЦЕСС	108
ИСТОРИЧЕСКАЯ ЗАМЕТКА О ПРОФЕССИОНАЛЬНОМ СУДЕБНОМ ПРЕДСТАВИТЕЛЕ В ИМПЕРСКОМ И СОВЕТСКОМ ПРАВЕ КОЛОМИЕЦ ВИКТОР АЛЕКСАНДРОВИЧ	109
АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ СОВРЕМЕННОЙ ЮРИСПРУДЕНЦИИ	111
СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ РОССИИ И ДАНИИ В ОБЛАСТИ АНТИКОРРУПЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ ПОПОВА ВЛАДА ВЛАДИМИРОВНА	112
НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ РЕГЛАМЕНТАЦИИ РЕЗУЛЬТАТОВ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПАВЛОВ НИКИТА СЕРГЕЕВИЧ	115
К ВОПРОСУ О КРИТЕРИЯХ ДОПУСТИМОСТИ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ САДОВСКАЯ КСЕНИЯ АНАТОЛЬЕВНА	118

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА

УДК 342.5

ОСНОВНЫЕ МЕХАНИЗМЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ МЕЖБЮДЖЕТНЫХ ОТНОШЕНИЙ ПРИ ДЕЛЕГИРОВАНИЕ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ПОЛНОМОЧИЙ

САВРО ЕЛИЗАВЕТА ЭДУАРДОВНА

магистрант

ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный технический университет»

Аннотация: Проблема разделения власти по вертикали в федеративном государстве не ограничивается исключительно вопросами такого разделения между федеральным центром и субъектами Российской Федерации. Новая государственная программа в области регулирования межбюджетных отношений субфедерального уровня ставит важный вопрос – сможет ли новая институциональная основа изменить текущую ситуацию, особенно в части выполнения национальных проектов.

Общий успех от реализации национальных проектов и государственных программ, заложенных в такие проекты, будет зависеть от того, насколько результативно и эффективно национальные проекты будут реализовываться на субфедеральном уровне.

Ключевые слова: Государственная власть, органы местного самоуправления, делегирование полномочий межбюджетные отношения, национальные проекты.

THE MAIN MECHANISMS OF REGULATION OF INTER-BUDGETARY RELATIONS IN THE DELEGATION OF STATE POWERS

Savro Elizaveta Eduardovna

Abstract: The problem of power sharing of vertical separation of power in a federal state is not limited exclusively to the issues of such separation between the federal center and the subjects of the Russian Federation. The new state program in the field of regulation of inter-budgetary relations at the sub-federal level raises an important question - whether the new institutional framework will be able to change the current situation, especially in terms of the implementation of national projects. The overall success of the implementation of national projects and state programs embedded in such projects will depend on how effectively and efficiently national projects will be implemented at the sub-federal level.

Keywords: State power, local self-government bodies, delegation of authority, inter-budgetary relations, national projects.

Анализ эволюции моделей межбюджетных отношений в различных странах показывает, что большая часть стран идет по пути децентрализации межбюджетных полномочий. Есть четыре фактора, на которых должна основываться разумная бюджетная децентрализация. Во-первых, четкое распределение политических обязанностей между различными уровнями правительства. Во-вторых, распределение расходных полномочий должно сопровождаться стабильной системой финансирования на субфедеральном уровне. Кроме того, следует также рассмотреть вопрос о надлежащем объеме налоговой автономии в соответствии с расходными полномочиями, предоставленными нижестоящим уровням

государственного управления с тем, чтобы избежать вертикальных бюджетных дисбалансов и содействовать совместной фискальной ответственности. Кроме того, надлежащее функционирование механизмов контроля и правоприменения, призванных следить за функционированием схем расходования средств и поступлений и обеспечивать неукоснительное соблюдение бюджетных целевых показателей для всех уровней государственного управления, является важнейшей чертой децентрализованной бюджетной системы. Тем не менее, практика показывает, что все государства, избравшие для себя децентрализованные модели, данное правило игнорируют. Наконец, дополнительный элемент, который, на наш взгляд, должен поддерживать институциональные рамки, регулирующие бюджетные отношения между уровнями государственного управления, относится к бюджетным правилам. Надлежащим образом разработанные правила могут устанавливать пределы, которые должны будут соблюдаться на всех уровнях государственного управления – чем больше у субъектов субфедерального уровня автономии в отношении бюджета, тем строже должна быть отчетность за такими субъектами.

Новая государственная программа в области регулирования межбюджетных отношений субфедерального уровня ставит важный вопрос – сможет ли новая институциональная основа изменить текущую ситуацию. С момента начала реализации программы прошло уже более двух лет, а каких-либо существенных изменений в регулировании межбюджетных отношений субфедерального уровня не происходит. Прошлые ошибки могут повториться, если существование эволюционных процессов и их последствия не будут серьезно приняты во внимание: экономическая реформа никогда не имеет систематических последствий, одна мера федерального регулирования может повлечь за собой множество проблем. И, наоборот, различные средства институционального регулирования, по факту, могут генерировать один и тот же уникальный эффект. То есть одни и те же институциональные функции (координация, снижение неопределенности, содействие) могут быть реализованы в различных институциональных формах. Еще один вопрос, который пока остается без ответа, связан с текущей экономической ситуацией в мире, испытывающей на себе последствия пандемии, вызванной коронавирусом нового типа Covid-19 – могут ли регионы сейчас влиять на свой доступ к центральному финансированию? Совершенно очевидно, что на федеральном уровне заранее предвидеть текущую ситуацию не могли, и большая часть бюджетных ассигнований федерального бюджета на текущий 2020 год и плановые 2021 и 2022 годы, начиная с лета 2019 года, напрялась в виде межбюджетных трансфертов в конкретные регионы. Если оценивать текущую ситуацию с экономической точки зрения, то становится ясным, что одни регионы пострадали больше, а другие – меньше. С учетом институционального обеспечения, необходимо «содействие» в решении таких вопросов межбюджетных отношений, как: «Будут ли отозваны средства у менее пострадавших регионов и перераспределены в наиболее пострадавшие?» и «Есть ли вообще возможность отозвать средства, если они уже обеспечены соответствующими обязательствами, например, государственными и муниципальными контрактами, находящимися на стадии исполнения?» При этом речь идет о тех обязательствах, от которых невозможно отказаться без ущерба для региона – строительство школ, больниц, дорог и прочих объектов социальной инфраструктуры. Думается, что ответы на эти вопросы можно будет получить тогда, когда будут в полной мере оценены последствия от текущей экономической ситуации в стране и в мире.

В настоящее время, существуют значительные возможности для повышения уровня, эффективности и результативности проектных расходов. Прогресс в этой области и текущая политика в области межбюджетных отношений сейчас сдерживаются из-за ограниченности данных о функциональных категориях проектных расходов. Было бы правильным при включении тех или иных сведений в программы национальных проектов, чтобы цели их реализации были реалистичными, простыми для мониторинга и подкреплялись базовым анализом. В большей части программы особо выделяются меры социальной защиты, однако, информация об их воздействии на целевые группы населения является скудной.

Тем не менее, общий успех от реализации национальных проектов и государственных программ, заложенных в такие проекты, будет зависеть от того, насколько результативно и эффективно национальные проекты будут реализовываться на субфедеральном уровне.

Отсюда мы сталкиваемся с некоторыми новыми вызовами в вопросах межбюджетного финансирования в части пропорционального разделения средств между субъектами муниципальных уровней

внутри регионов и решения проблем соотношения расходных и доходных обязательств муниципально-го и субфедерального уровней. Еще одной, по мнению автора исследования, ключевой задачей при реализации национальных проектов видится соблюдение баланса между тем, какое количество финансовых ресурсов доводится до субфедерального уровня и какие планируемые результаты на таком уровне достигаются. Иными словами, должны быть четко обозначены какие-то значения показателей, которые, думается, могут быть выражены минимальными и максимальными значениями.

1. Современные методики формирования бюджетов субфедерального и муниципального уровней основываются преимущественно на методических разработках Министерства финансов РФ и корректируются в каждом субъекте РФ с учетом общности факторов, определяющих особенности развития конкретной территории.

Исходя из сказанного, видится необходимым выработка новых методических подходов в сфере управления межбюджетными отношениями на субфедеральном уровне, которые должны быть построены с учетом основополагающей роли бюджета и бюджетного процесса. Так, финансовые риски, в том числе условные обязательства, должны быть четко определены, объяснены и классифицированы по видам с тем, чтобы обеспечить информирование о рассмотрении и обсуждении соответствующего курса бюджетной политики, принятого в бюджете, а также, по возможности, количественно оценены. Механизмы же управления этими рисками должны быть четко определены и представлены в контексте годового регионального бюджета.

2. В современных условиях межбюджетные отношения нуждаются в соответствующей модели регулирования. Исходя из общего подхода институциональной экономики к построению институциональных моделей, автор исследования пришел к выводу о необходимости построения двух моделей институционального развития межбюджетных отношений – модели макроуровня и модели микроуровня.

3. Алгоритм модернизации системы регулирования межбюджетных отношений в контексте обеспечения реализации национальных проектов предполагает необходимость выработки системы оценки эффективности работы и подотчетности местных органов власти в ее соотношении с доведением лимитов бюджетных обязательств и полученными результатами в рамках реализации национальных проектов и государственных программ. Это будет еще одним стимулом к повышению уровня подотчетности.

Право на получение межбюджетных трансфертов, в рамках национальных проектов трансфертов, должно зависеть и от результатов оценки эффективности работы. В результате чего в интересах субфедерального уровня и местных органов власти – придерживаться требуемых институциональных рамок и осуществлять реализацию национальных проектов на основе широкого участия и транспарентности.

Ежегодная оценка эффективности деятельности местных органов власти должна способствовать их вовлечению в реализацию национальных проектов и стимулировать прозрачность расходования проектных средств с помощью ряда стратегий среди которых необходимо выделить следующие:

- публичные уведомления о выделении трансфертов и их направлении использования;
- четкие проектные показатели, определяющие, кто направляет бюджетные средства и кому конкретно их направляет с детализацией до органа власти, ответственного за осуществление мероприятий;
- раскрытие результатов оценки эффективности;
- показатели в системе оценки местных органов власти, которые стимулируют открытость местных органов власти и вовлечение граждан во все фазы цикла реализации национального проекта или государственной программы, включая создание комитетов общественного надзора на субфедеральном уровне.

Федеральному центру потребуется также финансовая информация для принятия решения о будущей дальнейшей децентрализации функций или для внесения каких-либо изменений в формулы распределения трансфертов в рамках национальных проектов, а также для определения того, как решения местных органов власти о расходовании лимитов бюджетных обязательств в рамках национальных проектов влияют на цели национальной политики.

4. На государственном уровне оценка инструментов межбюджетных отношений при реализации национальных проектов на субфедеральном уровне сводится к количественной оценке объема исполненных трансфертов с плановыми показателями по исполнению трансфертов. При этом если исполнение межбюджетных трансфертов близко к плановым показателям, то реализация национальных проектов (программ проектов) считается эффективной. Тем не менее, даже на уровне контролирующих органов (например, Счетной палаты РФ) отмечается необходимость совершенствования существующих методик оценки инструментов межбюджетных отношений в части их соотношения с показателями национальных проектов (программ), измеримости таких показателей, своевременной отчетности об исполнении трансфертов и своевременного перераспределения в течение финансового года.

5. Институциональные резервы оптимизации межбюджетного регулирования являются важной частью политики, направленной на достижение лучших финансовых результатов субъектами межбюджетных отношений. Учитывая тот факт, что результаты процессов принятия политических решений систематически формируются институциональной средой, в которой эти процессы развиваются, необходимо дальнейшее совершенствование основ бюджетных отношений с целью выявления новых институциональных резервов. Однако это не означает, что изменение правовых норм механически приводит к оптимизации межбюджетного регулирования.

6. РФ в последние несколько лет преуспела в радикальном изменении процесса достижения национальных целей и задач – с программного на проектный. Сделано это было за относительно короткое время и уже началось увеличение объемов средств, выделяемых на жизненно важные инвестиции и сокращение расходов на борьбу с нищетой.

Тем не менее, проблемы реализации бюджетных полномочий при реализации национальных проектов остались аналогичны тем, что существовали при реализации государственных программ. Так, например, в первоначальном видении, ориентированном на результаты, должен был быть достигнут определенный уровень подотчетности, однако, полноценная система учета реализации национальных проектов не создана. Дальнейший переход к ориентации на результаты и совершенствование результатов, с учетом объемов финансирования, доведенных до субфедерального уровня, является текущим направлением развития управления межбюджетными отношениями на субфедеральном уровне при реализации национальных проектов.

Список источников

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.) // Российская газета. 4 июля 2020 г. № 144
2. Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2003. – № 40. – Ст. 3822.
3. Федеральный закон от 21 декабря 2021 г. № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2021. – № 52. – Ст. 897.
4. Местное самоуправление: учебник для академического бакалавриата / под ред. Н. С. Бондаря. – Москва: Издательство Юрайт, 2022. – 386 с.

УДК 346.9

ВИДЫ ЭФФЕКТИВНОСТИ НОРМ ПРАВА

МОРИН МАКСИМ ОЛЕГОВИЧ

магистр

ОЧУ ВО «Международный инновационный университет» г. Сочи

Аннотация: Автор данной статьи проводит анализ проблем эффективности правовых норм с точки зрения определения их классификационных и видовых характеристик.

Ключевые слова: право, норма права, эффективность, результативность, общество, закон, классификация, виды.

TYPES OF EFFECTIVENESS OF LEGAL NORMS

Maureen Maxim Olegovich

Abstract: The author of this article analyzes the problems of the effectiveness of legal norms in terms of determining their classification and specific characteristics.

Keywords: law, rule of law, efficiency, efficiency, society, law, classification, types.

Проблема эффективности правовых норм является одной из самых дискуссионных в правовой доктрине и, одновременно, практикопримимой.

Категория «эффективность» имеет латинские корни и в дословном переводе означает действенность. Полагаем, что в данном случае синонимом действенности должно рассматриваться такое понятие как «оптимальность».

Эффективность правовых норм предполагает, на наш взгляд, оптимальное соотношение целей, которые ставит законодатель в момент принятия правового акта и его результатом, имеющим место на практике, причём, конечно, рассматриваемым со знаком «+». [1] Данный подход к эффективности норм права получил в правовой доктрине название «целевой».

Несмотря на то, что именно целевой подход к пониманию эффективности правовых норм является преобладающим, ряд исследователей, в частности С.А. Жинкин и С.И. Пунченко полагают, что далеко не всегда законодатель указывает на те цели, которые он ставит перед собой изданием того или иного законодательного акта. Для конкретно же взятой нормы цель можно выделить лишь посредством логического умозаключения. [2]

Интересной представляется точка зрения на понимание эффективности норм права, предложенная современным исследователем В. П. Казимирчуком. Он полагает, что эффективность правовых норм является «лакмусовой бумажкой» тех потребностей (экономических, политических, духовных), которые имеют место в обществе на той или иной ступени его развития. Однако ключевым фактором результативности норм права данный автор считает их направленность на всемерную охрану прав и свобод человека. [3]

Положительное воздействие правовой нормы на отношения в социуме предполагает наличие на выходе такого показателя эффективности как улучшение условий жизни общества.

Факторов, которые влияют на эффективность правовых норм множество, причём как объективно, так и субъективного характера.

Видовая характеристика эффективности правовых норм имеет своей целью, с одной стороны, определение ожидаемого эффекта в той или иной сфере жизнедеятельности общества и государства, а с другой, понимания основополагающих векторных инициатив, направленных на увеличение результативности правовых норм, принимаемых законодателем. [4]

В качестве элементов эффективности правовых норм большинство исследователей предлагают выделять: качество нормативного акта (закона); эффективность правореализации и правоприменения; уровень правосознания и правовой культуры общества. [5]

Исследователи проблем видовой характеристики эффективности правовых норм предлагают в зависимости от факторов, оказывающих влияние на эффективность правовых норм выделять следующие виды эффективности:

1. Юридическая эффективность правовых норм обеспечивает возможности данных норм для их реальной реализации на практике;
2. Социальная эффективность правовых норм предполагает успешность удовлетворения потребностей общества в тех или иных благах;
3. Политическая эффективность правовых норм направлена на достижимость государством своего функционала, а также поставленных им целей и задач;
4. Формальная эффективность правовых норм определяется формой выражения правовой нормы как источника права;
5. Процедурная эффективность отражает степень владения законодателем юридической техникой;
6. Материально-организационная эффективность предполагает, что для того, чтобы принимаемая норма была действенной, она должна быть ресурсно обеспечена.

Интересной представляется точка зрения исследователя М.Д. Шаргородского, который отмечает, что эффективность правовых норм во многом зависит от той объективной реальности, в которой предстоит действовать принятым законодателем нормам. [6]

В связи с этим, следующим классификационным критерием эффективности правовых норм хотелось бы выделить их дифференциацию в зависимости от разграничения сфер правотворчества и правореализации.

1. Прогнозируемая (потенциальная) эффективность – это тот эффект, который бы хотел достичь законодатель, принимая ту или иную правовую норму.

Потенциальная эффективность во многом зависит от того насколько законодатель учёл все факторы, связанные с принятием той или иной правовой нормы: это и уровень развития общественных отношений, и потребности социума в правовом регулировании тех или иных общественных отношений. Потенциальный эффект зависит также и от уровня законодательной техники, и от того насколько верно выбраны им предмет и метод правового регулирования.

2. Реальная эффективность – это тот самый достигнутый эффект, рассмотренный в практической плоскости, он может быть как ниже, так и выше ожидаемого, в зависимости от совокупности целого ряда влияющих на него обстоятельств. Реальная эффективность опосредуется правореализационным механизмом, к которому следует отнести «обеспеченность тех или иных предписаний материальными и организационными ресурсами, соответствие принятых норм общественному мнению, четкую работу правоприменительных органов и др.».

Ещё одним классификационным показателем, видовой характеристики эффективности правовых норм, который выделяют исследователи на сегодняшний день, является форма реализации права, а также характер самих правовых норм: эффективное соблюдение правовых норм; эффективное исполнение правовых норм; эффективное использование правовых норм; эффективное применение правовых норм.

В данном случае эффективность напрямую связана с особенностями правовых норм и с тем, в каком ключе будут действовать субъекты, отношения которых данные нормы подвергают регулированию.

Следует отметить, что психологические факторы субъектов права также напрямую оказывают влияние на эффективность его реализации. Осознанное отношение к правовым нормам и их принятие во многом положительно влияют на результативность их исполнения.

Психологический фактор эффективности реализации правовых норм зависит от степени сформированности в обществе правовой культуры и правосознания. В связи с этим, полагаем, что право оказывает информационно-ориентирующее воздействие на членов социума, тем самым формируя уровень их правосознания.

Отраслевая эффективность правовых норм – это ещё одно направление их видовой характеристики. Специфика данной эффективности зависит от дифференциации целеполагания, присущей различным отраслям права.

В рамках данной статьи необходимо также упомянуть о таком направлении исследования эффективности норм права как отрицательная эффективность правовых норм. В частности, по мнению В.И. Никитина, отрицательная эффективность выражается, прежде всего, в снижении уровня законности, в росте социального насилия и социальной конфликтности, увеличении напряжения в отношениях между социальными, в т.ч. этническими.

Список источников

1. Иконицкая И.А. Проблемы эффективности в земельном праве. М., 1979.
2. Жинкин С.А., Пунченко С.И. Вопросы классификации видов эффективности норм права // Пробелы в российском законодательстве. 2015. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/voprosy-klassifikatsii-vidov-effektivnosti-norm-prava> (дата обращения: 27.01.2023).
3. Казимирчук В. П. Социальный механизм действия права // Советское государство и право. 1970. № 10. С. 37.
4. Герасимова Н.Р., Дёмин А.В. Эффективность норм права // Социально-политические науки. 2012. №3.
5. Шаргородский М.Д. Наказание, его цели и эффективность. Л., 1973
6. Никитин В.И. Отрицательная эффективность в праве: понятие и основные характеристики // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2017. №4.

УДК 342.24

ФЕДЕРАЛИЗМ КАК ОСНОВА ГОСУДАРСТВЕННОГО УСТРОЙСТВА РФ

ИШКОВ ВЛАДИМИР СЕРГЕЕВИЧ

студент

«Курганский государственный институт»

ИВАНЮШИНА ПОЛИНА ЕВГЕНЬЕВНА

студентка

ФГБОУ ВО «Уральский государственный аграрный университет»

Аннотация: Стабильная деятельность государственно правовых институтов, а также устойчивость государства находится в зависимости от многих условий. Значительную роль среди них представляет форма государственно-территориального аппарата, костяк государства. Вот почему конституции (государству) традиционно придавалось особое значение в науке права.

В нынешнем формировании модели российского федерализма возможно отметить последующие характерные черты: социально-политическая идея федерализм не вызывает отторжения в обществе, а также перспектива российского федерализма не вызывает колебаний. Но отчетливо сформулированной парадигмы федерализма нет, а также вплоть до этих пор не имеет цельной стратегии государственного правового строительства. В разных областях российского общества нынешняя и будущая модели федеративного государства выглядят по-разному, но мало кто сомневается в том, что федеративное устройство России нуждается в реформировании.

Ключевые слова: государственный федерализм, субъекты, власть, реформа, государственное устройство.

FEDERALISM AS THE BASIS OF THE STATE STRUCTURE OF THE RUSSIAN FEDERATION

**Ishkov Vladimir Sergeevich,
Ivanyushina Polina Evgenievna**

Abstract: The stable activity of state legal institutions, as well as the stability of the state, depends on many conditions. A significant role among them is the form of the state-territorial apparatus, the backbone of the state. That is why the constitution (the state) has traditionally been given special importance in the science of law.

In the current formation of the model of Russian federalism, it is possible to note the following characteristic features: the socio-political idea of federalism does not cause rejection in society, and the prospect of Russian federalism does not cause hesitation. But there is no clearly formulated paradigm of federalism, and also up to these days it does not have an integral strategy of state legal construction. In different areas of Russian society, the current and future models of a federal state look different, but few doubt that the federal structure of Russia needs to be reformed.

Keywords: state federalism, subjects, government, reform, state structure.

До 1990-х годов российское государственное общество имело двустороннее отношение к федерализму. В то же время его внимание сосредоточено на работе государственных структур, которые продолжают распространять политические и правовые идеи в мире. С другой стороны, значительная часть ученых, особенно дореволюционных, подозрительно оценивала перспективы федерализма в Российской Федерации.

Понятие и признаки федерализма

Понятие "федерализм" происходит от французского слова *federalism* и латинского *feodus*, что означает договор, союз. Литературу можно рассматривать с разных сторон. Например, Гоптарева И.Б. считает, что российский федерализм «практически невозможно дефинировать: классическое определение ему не подходит, а особенности его таковы, что не укладываются в общепринятое понятие федерализма, поэтому пока о нем можно говорить лишь в отдаленной перспективе»

Федеративное устройство - это основные принципы и устои политической основы нескольких современных государств и структуры государственной территории. В соответствии со своим назначением федеральная конституция может предусматривать возможность вертикального распределения власти для консолидации всего территориального сообщества. Федеральные методы, цели и поручения выражаются в совокупности конституционно-правовых норм и принципов, которые определяют пределы концентрации и распространения власти и административных функций государства путем проведения различия не только между государством и его субъектами, но и между органами власти [2].

Федеративное государство - это, среди прочего, гарантия и защита национального единства, территориальной целостности, учет и интеграция различных интересов страны и ее частей, самоорганизация и саморегулирование, а также противодействие региональной и этнической изоляции. Мировой опыт показал, что в определенных исторических случаях федеративные государства, сочетая национальные факторы с территориальными и другими факторами, обеспечивают единое демократическое, экономическое и правовое пространство для федерации и ее управления с помощью различных механизмов.

Определяющим критерием для признания федеральной системы сложным национальным механизмом принятия решений является наличие конституционных полномочий между федерацией и ее частями по изменению предмета власти.

Чтобы полностью понять суть федерализма, необходимо определить его особенности. При определении особенностей федерализма следует заметить, что они исходят из практических и эмпирических показателей, из объективной реальности определенных стран и обществ, которые развивались под влиянием федеративного строительства. Это вызвало различные мнения среди ученых об особенностях федерализма.

Например, Родионова А.К. предложила свою собственную классификацию характеристик, подчеркнув их организационные и функциональные характеристики [4].

Организационные характеристики:

1. Определить факты создания федерации в конституции/договоре;
2. Утверждение принципов федерализма;
3. Определение формирования и статуса на уровне правительства
4. Определить объем полномочий на правительственном уровне;
5. Организация государственных организаций в соответствии с установленным уровнем управления.

Функциональные характеристики:

1. Осуществление власти на основе консенсуса - договорных, политических и юридических технологиях;
2. Повышение эффективности государственного управления и его реализации в федеративных отношениях в соответствии с принципами федерализма;
3. Распределять властные ресурсы в соответствии с уровнем образования правительства;
4. Осуществлять мероприятия по сохранению всей страны в едином государстве [1].

Следовательно, в соответствии со своими целями и задачами федеративное государство не ограничивается структурными принципами, поскольку оно охватывает широкий спектр общественных отношений и взаимосвязей, связанных со строительством и внедрением гражданского общества, политических, экономических, социальных и других систем. По сути, федеративное государство отражает стремление к территориальной, этнической и иной интеграции обществ и взаимовыгодному сотрудничеству.

Конституционные основы и принципы федерализма.

Конституция Российской Федерации направлена не только на общее понимание федеральных

принципов российского права, но и на консолидацию принципов. Чтобы определить форму и характер государственно-федеративного устройства, необходимо понять принципы федеративного устройства, характер разделения государственной власти между центром и его субъектами, а также модель развития [5].

Основные черты российского федерализма упомянуты в его принципах. Конституционные и правовые принципы создания федеративного государства должны быть поняты путем определения основных идей, содержащихся в Конституции и законодательных органах федеративного государства, того, как это государство организовано, структуры и характеристик, связанных с другими федеративными государствами [6].

Основные принципы федеративного устройства стабильны, но Конституция не только правильно устанавливает принципы федеративного устройства, но и предопределяет ситуацию во всех сферах федеративных отношений. Она формирует практический уровень решения проблем федерального устройства, определяет эффективные методы регионального управления и обеспечивает логичный путь развития правовой практики непосредственно в субъектах Российской Федерации [7].

Анализ статей Конституции РФ (ст.ст.4,5) позволяет выделить такие принципы Российской Федерации, как государственная целостность, единство системы государственной власти, построение Федерации по смешанному национальному и территориальному принципу, разграничения предметов ведения и полномочий между органами государственной власти РФ и ее субъектов, равноправия субъектов.

Важнейшее значение имеет статья 1 Конституции РФ, поскольку она дает определение Российской Федерации, перечисляя ее важнейшие признаки, которые затем конкретизируются в Основном законе. Россия определяется как демократическое, федеративное, правовое государство.

Важнейшими для понимания основ федерализма являются нормы, сформулированные в ст.5 Конституции РФ, в которой по сути и закреплены принципы российского федерализма.

Так, согласно ст. 5 Конституции РФ

«1. Российская Федерация состоит из республик, краев, областей, городов федерального значения, автономной области, автономных округов - равноправных субъектов Российской Федерации.

2. Республика (государство) имеет свою конституцию и законодательство. Край, область, город федерального значения, автономная область, автономный округ имеют свой устав и законодательство.

3. Федеративное устройство Российской Федерации основано на ее государственной целостности, единстве системы государственной власти, разграничении предметов ведения и полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти субъектов Российской Федерации, равноправии и самоопределении народов в Российской Федерации.

4. Во взаимоотношениях с федеральными органами государственной власти все субъекты Российской Федерации между собой равноправны».

Таким образом, в части 1 ст. 5 предусматриваются структурные особенности России как федеративного государства. Разнообразие форм институтов и особенности государственного устройства, составляющих федерацию, итог исторического развития Российской Федерации.

Часть 2 ст. 5 Конституции закрепляет различия между субъектами Российской Федерации в этом контексте с наиболее важные государственно-правовые характеристики государства. Республики, даже в скобках, называются государствами. В прошлом эти правила изначально были 90-х годов. С этой способностью республика может иметь свою собственную конституцию и законы.

Часть 3 ст. 5 определяет принципы устройства Российской Федерации. Понятие "федеративное устройство" не использовалось в предыдущей Конституции России. Эти нововведения сосредоточены на форме российского государственного устройства. Это означает, что его составные части, как неотъемлемая часть целого, являются относительно независимыми национальными образованиями; в отличие от отдельной страны, это гарантирует большую степень вертикального разделения и децентрализации. Правовая основа Федеральной конституции изложена в части 3 ст. 5. Национальная целостность Российской Федерации считается одним из них [3]. Это означает, что Россия - это не простой союз ее составляющих, а единая страна, гарантирующая свою территориальную целостность и следовательно, гарантирует единое экономическое пространство и единую валютную единицу- рубль и т.д.

Одним из главных принципов организации Российской Федерации является равнозначность

народов. Этот принцип общепринят по отношению к России, где проживает более ста народов, и имеет особое значение.

Таким образом, Российская Федерация характеризуется асимметрией, а Конституция Российской Федерации гарантирует равноправие субъектов. Конечно, большая разница в географии, демографии, политическом и социальном плане не позволяет нам уверенно говорить о сходстве тематики Российской Федерации. Другая часть Российской Федерации - это вертикальный центр и укрепляющаяся власть. На протяжении большей части истории Россия была единственной страной с сильным центральным правительством. Однако в обычной реальности идеи федерализма, которые на самом деле подвергаются большому реформированию и развитию, кажутся более уместными и логичными, но идея возрождения унитаризма неоднократно высказывалась.

Подводя итог, можно сказать, что конституционные основы и конституционные принципы Российской Федерации предназначены для совместных действий в рамках федеративных отношений. Федеральные принципы не только служат основой государственного регулирования, но и обеспечивают разумный контроль внутри государства.

Список источников

1. Ирхин И.В. Концепция федерализма и практика ее воплощения в современном мире// Конституционное и муниципальное право, 2013-№3-с.51
2. Гоптарева И.Б. Федеральная государственность и проблема регионализации: политико-правовой аспект// Право и политика, 2006-№1-с.59.
3. Знаменщиков Р.В. Принципы федерализма в России и Германии (сравнительное конституционно-правовое исследование): автореф. дис. канд.юр.наук Тюмень, 2003, с.14.
4. Родионова А.К. Организационные и функциональные признаки федерализма// Конституционное и муниципальное право, 2011-№1-с.24.
5. Проект федерального закона N 96700167-2 "О принципах федерализма в России"//
6. Симонян Г.Р. Общие конституционные принципы устройства современного российского федеративного государства//Законы России: опыт, анализ, практика, 2007-№3-с.90.
7. Андриченко Л.В. Конституционные основы российского федерализма // Журнал российского права, 2013-№6(198)-с.5.

КОНСТИТУЦИОННОЕ И МУНИЦИПАЛЬНОЕ ПРАВО

УДК 342

ПРИБРЕТЕНИЕ ГРАЖДАНСТВА РФ: СОВРЕМЕННАЯ ПРАКТИКА И АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

ЗЕНИНА ВИКТОРИЯ ОЛЕГОВНА

студентка

ФГАОУ «Волгоградский государственный университет»

*Научный руководитель: Кононенко Данил Валерьевич**к.ю.н., доцент**ФГАОУ «Волгоградский государственный университет»*

Аннотация: Гражданство выступает одним из наиболее важных прав человека, которое является неотъемлемой частью его взаимоотношений (политико-правовой связи) с государством. В рамках статьи исследованы изменения в законодательстве о гражданстве Российской Федерации, проанализированы проблемные аспекты и предложены изменения, которые могли бы способствовать усовершенствованию Закона о гражданстве.

Ключевые слова: гражданство, миграция, правовой статус, иностранные лица, Конституция Российской Федерации.

ACQUISITION OF CITIZENSHIP OF THE RUSSIAN FEDERATION: MODERN PRACTICE AND CURRENT PROBLEMS

Zenina Victoria Olegovna*Scientific adviser: Kononenko Danil Valerievich*

Abstract: Citizenship is one of the most important human rights, which is an integral part of his relationship (political and legal connection) with the state. The article examines changes in the legislation on citizenship of the Russian Federation, analyzes problematic aspects and suggests changes that could contribute to the improvement of the Law on Citizenship.

Keywords: citizenship, migration, legal status, foreign persons, Constitution of the Russian Federation.

В последнее время тема гражданства приобретает исключительную актуальность. Причинами тому выступают как политическое положение государства в целом, так и усовершенствование законодательства. Несмотря на изменения в жизни страны, порожденные международными отношениями, продолжается формирование гражданского общества, основой которого является свобода народа и новое государство, признающее приоритет прав человека [1][2]. Одна из главных целей, при достижении идеальной формы соответствующего общества, прежде всего выступает максимально полное обеспечение прав каждого гражданина Российской Федерации и уменьшение внутренних и внешних угроз для устойчивого развития общества. Исторический аспект, законодательное совершенствование и зарубежный опыт «рука об руку» формировали настоящий институт гражданства Российской Федерации. Но насколько идеально существующее, свободное гражданское общество, как в рамках буквы

закона, так и в практической составляющей? Вопрос, которым на протяжении долгого времени задаются ученые и специалисты.

По мнению начальника Главного управления по вопросам миграции МВД России генерал-лейтенанта Казаковой В.Л., изменения, внесенные в законодательство о гражданстве, имеют существенное значение для упрощения процедуры приобретения гражданства РФ.

Анализируя прогноз Казаковой В.Л. можно сделать вывод, что большинство людей из зарубежных стран, которые имеют виды на жительство как основание проживания на территории РФ, с учетом изменений об отказе от уже приобретенного гражданства теперь, скорее всего, обратятся с заявлениями на получение гражданства РФ [3].

В связи с изменениями, иностранному гражданину не нужно предоставлять документы, подтверждающие источник средств существования, поскольку такое удостоверение осуществляется при подаче документов на вид на жительство. Граждане Украины, Белоруссии, Молдовы и Казахстана, получая вид на жительство, вправе, без срока проживания, предоставить документы на получение статуса гражданина России. На 2020 год это более 240 тысяч человек, пребывающие в России с видом на жительство и попадающие под упрощенную процедуру приобретения гражданства.

Поток людей прибегают к услугам миграционных органов в рамках приобретения гражданства даже в период Covid-19[4, с. 58-65]. Более 300 тысяч человек только за первое полугодие 2020 года приобрели гражданство РФ. Данной статистике способствует сокращение срока рассмотрения заявления на приобретение гражданства с 6 до 3 месяцев.

Процесс миграции России претерпел глобальные изменения. Беспокойство общества, отрицательная динамика экономики, социальное благополучие, вызванное состоянием геополитических процессов в мире, способствуют массовому отъезду людей.

По сообщению Федеральной службы государственной статистики за 2021 год только за первое полугодие миграционный прирост составил более 200 тысяч человек, а покинуло страну около 191 тысяч человек. Показатели за 2022 год вызывает удивление: число мигрантов, покинувших страну, составляет 445 тысяч человек, а прибывших в Россию 406 тысяч человек. Статистика свидетельствует о том, что прирост населения снизился на 39 тысяч человек[5].

По данным МВД России, данная тенденция не повлияла на приток иностранной рабочей силы, а наоборот, только за 2022 год число трудовых договоров составило 1,5 миллиона единиц, в свою очередь, показатели за 2021 год едва превышало 1,1 миллион. Тенденция повышения данного показателя объясняется увеличением востребованности трудовых мигрантов[6].

Член Экспертного Совета по информационной политике и информационным технологиям Молодёжного парламента при Госдуме, эксперта Центра ПРИСП, эксперта Ассоциации НОМ Эдуард Антонов прогнозирует, что отрицательная динамика миграции России сохранится и в 2023 году.

Причины отказа от въезда в Россию: политическое напряжение, уход брендов и производств, сокращение торговых представительств крупных компаний, массовые невыплаты зарплат, мобилизация.

Увеличение числа мигрантов в России можно ожидать не раньше 2024 года, которому может способствовать прекращение специальной военной операции[7].

В связи со сложившимся положением страны, и не менее важным регулярным совершенствованием законодательства о гражданстве, необходимо акцентировать внимание на некоторых актуальных проблемах:

1) во-первых, обязательное наличие законного источника средств к существованию. Суть проблемы заключается конкретно установленном размере источника средств (например, минимальный прожиточный минимум или размер оплаты труда) [8, с. 207], а также в части признания законности этих средств [9, 65-71];

2) во-вторых, как упоминалось ранее, определения «выдающихся достижений» и «особых заслуг». Отсутствие таких разъяснений может стать распространением для коррупционных действий, а иногда для необоснованных отказов в приобретении гражданства;

3) в-третьих, двойное и множественное гражданство – прямое обесценивание политико-правовой связи с государством;

4) в-четвертых, ужесточение законодательства в рамках отмены решения на выдачу гражданства РФ тем, кто подозревается в совершении актов террористического или экстремистского характера, без учета пояснительной записки с положениями о недопустимости утраты осужденными гражданства РФ, если не имеют политико-правовой связи с иным государством.

Альтернативные решения вышеуказанных проблем:

- 1) подтверждение о наличии работы в России у лица без гражданства или иностранного гражданина;
- 2) упразднение пункта «а» части 2 статьи 13 Федерального закона "О гражданстве Российской Федерации" или внесение определений «высокие достижения» и «особые заслуги»;
- 3) проработать определенные ограничения, чтобы лица не злоупотребляли предоставленными правами;
- 4) заимствование положительного зарубежного опыта, который видится в создании подобного британскому механизму ТЕО (этот метод выглядит наиболее гуманным).

Таким образом, исследование показало, что законодательство о гражданстве Российской Федерации, не смотря на старательное усовершенствование, все же имеет некоторые моменты, на которые необходимо обратить внимание и осуществить детальное редактирование. Анализ пробелов способствует ускорению к процессу пересмотра Федерального закона о гражданстве РФ и искоренению пробелов законодательства.

Список источников

1. "Конституция Российской Федерации" (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020)
2. Федеральный закон от 31.05.2002 N 62-ФЗ (ред. от 28.12.2022) "О гражданстве Российской Федерации"
3. Петров, И. Что изменилось в процедуре получения гражданства РФ // Интернет-портал «Российской газеты» - Москва. 2020. URL: <https://rg.ru/2020/07/26/chto-izmenilos-v-procedure-polucheniia-grazhdanstva-rf.html>
4. Кононенко, Д.В. "Большие вызовы" как фактор трансформации государственно-правовых отношений // Legal Concept. - 2021. - Vol. 20. №. 3 - С. 58-65. EDN: CFAAIL
5. Статистические данные демографии России [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики. Официальный сайт. – Режим доступа: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781> (дата обращения: 05.02.2023)
6. Сводка основных показателей деятельности по миграционной ситуации в Российской Федерации за январь - ноябрь 2022 года [Электронный ресурс] // Министерство внутренних дел Российской Федерации. Официальный сайт. – Режим доступа: <https://мвд.рф/dejatelnost/statistics/migracionnaya/item/34428645/> (дата обращения: 05.02.2023)
7. Малиновская, Р. Международная миграция-2022 — в официальной статистике // Интернет-портал «Медиа-МИГ» - Москва. 2023. URL: <https://media-mig.ru/industry/rossiya-sohranit-v-2023-godutendenciyu-otricatel-nogo-migracionnogo-prirosta/>
8. Ванюшин, Я.Л. Конституционное право на гражданство и роль органов Федеральной миграционной службы в его реализации: дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2006. 207 с.
9. Балаян, Э. Ю. Современные конституционно-правовые аспекты проблем института гражданства в Российской Федерации // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2017. № 3. С. 65-71. 001:10.21603/2542-1840-2017-3-65-71.

© В.О. Зенина, 2023

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО

УДК 349

НАСЛЕДОВАНИЕ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНОГО ПРАВА НА ТОВАРНЫЙ ЗНАК ЛИЦОМ, НЕ ЯВЛЯЮЩИМСЯ ИНДИВИДУАЛЬНЫМ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕМ

ЗАЙКО ЛЮБОВЬ АЛЕКСАНДРОВНАмагистрант юридического факультета
Волгоградский институт управления-филиал РАНХиГС

Аннотация: в статье обозначены особенности наследования исключительных прав на товарные знаки для лиц, не осуществляющих предпринимательской деятельности.

Ключевые слова: гражданское право, интеллектуальные права, наследование, товарный знак, отчуждение права собственности.

INHERITANCE OF THE EXCLUSIVE RIGHT TO A TRADEMARK BY AN INDIVIDUAL ENTREPRENEUR

Zaiko Lyubov Alexandrovna

Abstract: the article outlines the features of the inheritance of exclusive rights to trademarks for persons who do not carry out entrepreneurial activities.

Keywords: civil law, intellectual rights, inheritance, trademark, alienation of property rights.

В специальных исследованиях отмечается, что особую сложность в практическом применении вызывают вопросы распоряжения и смены правообладателя в отношении результатов интеллектуальной деятельности, регистрируемых в качестве средств индивидуализации [1, с. 93]. Ни разделы первой части ГК РФ, ни нормы части четвертой Кодекса не содержат единого сводного комплекса норм относительно перехода прав на все объекты индивидуальной собственности в порядке правопреемства (в том числе, и в результате наследования).

На наш взгляд, возможность наследования прав на товарный знак обуславливается и общими положениями об объектах гражданских прав, так как ст. 128 ГК РФ средства индивидуализации в составе имущественных прав на них могут переходить в порядке универсального правопреемства (согласно ст. 129 ГК РФ). При этом нужно отметить некоторые позиции правоприменительных органов, согласно которым в наследовании исключительного права на товарный знак отказывается. Например, согласно Решению Арбитражного Суда Пермского края, правовая охрана товарных знаков прекращается в результате принятия уполномоченным органом исполнительной власти соответствующего решения, в том числе, и в случае, если индивидуальный предприниматель прекращает свою экономическую деятельность [2].

Особые правила о наследовании прав на средства индивидуализации закреплены и в Постановлении Пленума Верховного Суда «О судебной практике по делам о наследовании». Правоотношения в сфере наследования прав на товарные знаки данным судебным актом определены конкретными рамками, связанными с особенностями правового статуса наследодателей, а также наследников, которые могут получить в порядке универсального правопреемства исключительные права на средства индивидуализации.

Поскольку сама юридическая природа товарного знака непосредственно связана с его использованием при осуществлении предпринимательской деятельности, соответственно, и наследником может выступать только гражданин, зарегистрированный налоговым органом в качестве индивидуального предпринимателя, не утративший своего статуса на момент открытия наследства. В соответствии с п. 85 рассматриваемого Постановления, если в составе наследственной массы оказываются исключительные права на товарный знак, а наследник не является индивидуальным предпринимателем, соответствующее право должны быть обязательно отчуждено гражданином-наследником не позднее одного года со дня открытия наследства. Отметим, что данное установление в полной мере соответствует правилу ст. 238 ГК РФ, согласно которому лицо, получившее по законным основаниям объект гражданских прав, который не может принадлежать ему в силу закона, обязан произвести отчуждение такого имущества в течение одного года с момента возникновения права собственности – за исключением случаев, когда законом предусматривается иной срок принудительного отчуждения.

При этом в судебном толковании норм ГК РФ предусматривается возможность ситуации, при которой лицо в течение года с момента открытия наследства (и соответствующего приобретения исключительных прав на товарный знак) регистрируется в статусе индивидуального предпринимателя и начинает вести экономическую деятельность с использованием унаследованного товарного знака. Отметим, что до 2019 г. такого специального указания Постановления Пленума не содержало. С.М. Качалов и М.О. Качалова отмечают по данному поводу, что Пленумом отдельно акцентируется отдельно вопрос о моменте получения наследником статуса индивидуального предпринимателя для дальнейшей официальной перерегистрации права на товарный знак, поэтому такая возможность присутствует – в отличие от прав на коммерческое обозначение, при наследовании которого субъект изначально должен обладать статусом индивидуального предпринимателя [3, с. 71]. Соответственно, действующая формулировка п. 85 является дополнительной гарантией осуществления наследником своего права на ведение предпринимательской деятельности в любой момент – в том числе, и с использованием полученного товарного знака. Согласно ст. 1232 ГК РФ, переход права на товарный знак также должен быть официально зарегистрирован.

Также необходимо разрешить вопрос о наследовании прав на товарный знак, когда на стороне наследника выступает несколько лиц, не все из которых имеют статус индивидуального предпринимателя. Согласно п. 87 Постановления «О судебной практике по делам о наследовании», «Исключительное право на результат интеллектуальной деятельности или на средство индивидуализации, перешедшее к нескольким наследникам, принадлежит им совместно и осуществляется ими в соответствии с п. 3 ст. 1229 ГК РФ). При этом данный вывод высшей судебной инстанции во многом противоречит правовой природой средств индивидуализации, которые могут принадлежать только одному субъекту, осуществляющему предпринимательскую деятельность. В этом случае стоит согласиться с Э.П. Гавриловым, отмечающим, что такое право должно переходить только к наследнику-индивидуальному предпринимателю, что «соответствует духу закона, а также необходимости непрерывного осуществления экономической деятельности» [4, с. 411].

Интересно привести позицию авторов, которые предлагают расширить действие использования товарного знака не только при осуществлении предпринимательской деятельности, но и при выполнении гражданином иных видов экономической деятельности, разрешённых Конституцией и федеральными законами. В частности, в контексте развития государственной политики по стимулированию и поддержке самозанятости (осуществлении гражданином экономической деятельности в определённых видах без регистрации в качестве индивидуального предпринимателя и без найма работников) некоторые исследователи предлагают распространить возможность регистрации товарного знака, а также иных действий по его распоряжению (в том числе, и передачи по наследству, а также непосредственно наследованию) самозанятым. Нужно отметить в качестве положительного шага принятие в июне 2022 г. Федерального закона, которым дополняются положения параграфа 2 главы 73 ГК РФ, предоставляющие возможность регистрации и использования товарного знака самозанятым [5]. Данные нормы вступают в силу с 29 июня 2023 г., распространяясь также и на знаки обслуживания.

Список источников

1. Косиков В.В. Наследование интеллектуальных прав: дис. ... кандидата юридических наук: 12.00.03. Саратов, 2017. 227 с.
2. Решение Арбитражного Суда Пермского края от 7 декабря 2019 г. № А50-22898/19 [Электронный ресурс] // Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 12.01.2023).
3. Качалов С.М., Качалова М.О. К вопросу о наследовании исключительного права на место происхождения товара // Инновационная экономика и право. 2021. № 1. С. 67–74.
4. Гаврилов Э.П., Близначев И.А. Право интеллектуальной собственности: учебник. М.: Проспект, 2023. 576 с.
5. Федеральный закон от 28 июня 2022 г. № 193-ФЗ «О внесении изменений в часть четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2022. № 27. Ст. 4594.

© Л.А. Зайко, 2023

УДК 349

РАЗВИТИЕ ПРАКТИКИ ВЫСШИХ СУДОВ ПО ВОПРОСУ О ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИИ ПРАВОМ ДОЛЖНИКОМ-ИНДИВИДУАЛЬНЫМ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕМ

САЛМАНОВА ГЮЛЛУ ШАХВАЛАД КЫЗЫмагистрант юридического факультета
Волгоградский институт управления-филиал РАНХиГС

Аннотация: в статье обозначено содержание основных позиций высших судов по вопросам регулирования противодействия злоупотреблению правом должником-индивидуальным предпринимателем на различных стадиях процедуры его банкротства.

Ключевые слова: предпринимательское право, банкротство, индивидуальный предприниматель, злоупотребление правом, обход закона.

DEVELOPMENT OF THE PRACTICE OF THE SUPREME COURTS ON THE QUESTION OF ABUSE OF THE RIGHT OF THE DEBTOR-INDIVIDUAL ENTREPRENEUR

Salmanova Gullu Shahvalad kyzy

Abstract: the article outlines the content of the main positions of the highest courts on the regulation of counteracting the abuse of the right by the debtor-individual entrepreneur at various stages of the bankruptcy procedure.

Keywords: business law, bankruptcy, individual entrepreneur, abuse of the right, circumvention of the law.

В отличие от зарубежного развития законодательства, отметим, что отечественная практика применения норм о банкротстве была сильно «заторможена» в течение прошлого века, в связи с фактическим запретом частной предпринимательской инициативы в условиях огосударствления экономики. Банкротство при командной экономике рассматривалось только как последствие экономически необоснованного поведения руководящих органов и должностных лиц, последствия носили только «внутриорганизационный» характер (например, репрофилирование, сокращение или полная ликвидация отдельного хозяйствующего субъекта, неспособного выполнить свои экономические обязательства); факты недобросовестного поведения рассматривались только в контексте уже противоправных деяний – например, посредством привлечения к уголовной или дисциплинарной ответственности. Средние и крупные предприятия «поддерживались» по сути только на основе административного управления, исключая обращение к банкротству в его гражданско-правовом смысле.

Уже в постсоветский период достаточно либеральное законодательство на самом раннем этапе становления рыночных экономических отношений повлекло за собой большое количество случаев банкротства – в том числе, и преднамеренного, фиктивного, связанно с недобросовестным и заведомо неправомерным поведением должников. Как отмечается в теории, «фактическая неподготовленность отечественных предпринимателей к рыночной реальности способствовала не только развитию практики банкротства и эффективной защиты интересов должника и кредитора, и но и резкому росту недобросовестного и неправомерного поведения при несостоятельности хозяйствующего субъекта» [1, с. 16].

В рассматриваемый период активно совершенствовалось и законодательство о банкротстве, не в последнюю очередь реагируя на злоупотребления и случаи обхода закона со стороны должника (здесь нужно отметить Законы о несостоятельности (банкротстве), принятые в 1992 и 1998 годах), отражая усложнение процедур банкротства, предотвращение и профилактика всё новых и новых форм злоупотребления правом.

Одновременно с принятием разветвлённой системы законодательства о несостоятельности (банкротстве) развивалась и судебная практика по вопросам квалификации недобросовестного поведения должника в конкурсных процедурах.

Изначально злоупотребления в практике Высшего Арбитражного суда связывались, прежде всего, с заключением отдельных сделок. Так, согласно п. 10 Постановления Пленума ВАС РФ от 30 апреля 2009 г. № 32 [2], прямо указывалось, что злоупотребление правом устанавливается в случае признания недействительными сделок, которые направлены на нарушение прав и законных интересов кредиторов – например, уменьшение конкурсной массы имущества, подлежащей реализации, продажа имущества должника по заниженной в договоре цене и т.д.

Через совершение сделок недобросовестное поведение участников конкурсного производства раскрывалось и в Постановлении Пленума по вопросам применения положений главы ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)», регулирующей вопросы оспаривания сделок должника. В соответствии с данным судебным актом, при установлении факта злоупотребления правом со стороны должника, соответствующие сделки могут быть оспорены не только по основаниям главы III.1 Федерального закона, но и на основе общих положений, предусмотренных частью первой ГК РФ [3].

Существенным образом не изменялась практика и вне руководящих положений ВАС РФ – так, «явно недобросовестным поведением должника» признавались действия должника по реализации собственного имущества по заниженным ценам, заведомо зная о ближайшем наступлении обстоятельств, позволяющих подать заявление в арбитражный суд. Своё положительное влияние оказало и совершенствование ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» - частности ст. 61.1. нормативного акта была дополнена положением о праве оспаривания сделок должника по общим и специальным основаниям, на что указывал ранее ВАС РФ.

Только в 2012 г. к числу субъектов, которые в ходе конкурсного производства могут допустить действия, подпадающие под признаки злоупотребления правом, на уровне руководящих положений ВАС РФ были отнесены и арбитражные управляющие. Так, недобросовестным является поведение арбитражного управляющего в случаях, когда такие функции в конкурсном производстве выполняет субъект, компетенция, независимость и добросовестность которого вызывает достаточные и существенные сомнения у арбитражного суда [4].

Анализ правоприменительной практики по вопросу о выявлении недобросовестного поведения со стороны должника-индивидуального предпринимателя в процедурах банкротства позволяет сделать положительный вывод о распространении такого выявления и на другие стадии и этапы процедуры несостоятельности (банкротства). В частности, факт злоупотребления правом устанавливался судом в совместном поведении должника и представителей его работников при погашении обязательств, с целью сокращения части суммы долга, которая подлежала уплате кредиторам-банковской организации [5]. Определённым образом развивались и единые критерии для выявления злоупотреблений и в сделках должника. В частности, определено, что заведомая неисполнимость обязательств, а также отсутствие намерения исполнить принятые обязательства прямо свидетельствуют о наличии в действиях должника признаков недобросовестности.

В единой «связке» с критерием добросовестности суд устанавливает в действиях должника и соответствие требованиям разумности – в частности, арбитражным судом округа выявлено, что условия договора, предоставление одной стороны по которому существенно превышает обычную рыночную цену, которая уплачивается в схожих гражданско-правовых сделках, указывает на наличие недобросовестного и неразумного поведения, являющегося основанием для признания сделки должника недействительной.

Таким образом, важным условием для современного развития предпринимательского права яв-

ляется усложнение форм и видов злоупотреблений при банкротстве, реагирования на них в законодательных актах и судебной практике.

Список источников

1. Баранец О.А. Становление и развитие законодательства о несостоятельности (банкротстве) в России // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена, 2017. № 6. С. 11–17.
2. Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 30 апреля 2009 г. № 32 «О некоторых вопросах, связанных с оспариванием сделок по основаниям, предусмотренным Федеральным законом "О несостоятельности (банкротстве)" (с изменениями и дополнениями) // Вестник ВАС РФ. 2009. № 7.
3. Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 23 декабря 2010 г. № 63 «О некоторых вопросах, связанных с применением главы III.1 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» // Вестник ВАС РФ. 2011. № 3.
4. Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 22 июня 2012 г. № 35 «О некоторых процессуальных вопросах, связанных с рассмотрением дел о банкротстве» // Вестник ВАС РФ. 2012. № .
5. Постановление Пленума ВАС РФ от 27.07.2011 №3990/11 по делу №А10-1176/2010 // Вестник ВАС РФ. 2011. №11.

© Г.Ш. кызы Салманова, 2023

УДК 349

ОБХОД ЗАКОНА, КАК ФОРМА ЗЛУОПОТРЕБЛЕНИЯ ПРАВОМ ДОЛЖНИКОМ-ИНДИВИДУАЛЬНЫМ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕМ В ПРОЦЕДУРАХ БАНКРОТСТВА

САЛМАНОВА ГЮЛЛУ ШАХВАЛАД КЫЗЫмагистрант юридического факультета
Волгоградский институт управления-филиал РАНХиГС

Аннотация: в статье установлено содержание обхода закона, как специфической формы злоупотребления права должником-индивидуальным предпринимателем, в целях получения необоснованных преимуществ в процедурах банкротства.

Ключевые слова: предпринимательское право, банкротство, индивидуальный предприниматель, злоупотребление правом, обход закона.

BYPASSING THE LAW AS A FORM OF ABUSE OF THE RIGHT BY A DEBTOR-INDIVIDUAL ENTREPRENEUR IN BANKRUPTCY PROCEDURES

Salmanova Gullu Shahvalad kyzy

Abstract: the article establishes the content of the circumvention of the law, as a specific form of abuse of the right by the debtor-individual entrepreneur, in order to obtain unreasonable advantages in bankruptcy proceedings.

Keywords: business law, bankruptcy, individual entrepreneur, abuse of the right, circumvention of the law.

Классифицируя формы недобросовестного поведения должника в процедурах банкротства в зависимости не от целей, а от содержания действий, следует выделить обход должником закона с противоправной целью, а также проявление иных форм заведомо недобросовестного осуществления прав в конкурсном производстве. Так, касательно обхода закона в теории сложилась определённая позиция, согласно которой обход закона не является злоупотреблением правом, а представляет собой разновидность недействительной сделки (например, мнимой). Так, Е.А. Суханов указывает, что в результате обхода закона подвергается сомнению сам режим законности гражданского оборота, нарушается цель принятия обходимой правовой нормы – соответственно, обход закона – это гражданское правонарушение, которое обладает собственными признаками (например, совершение сделки с противоправной целью является основанием для признания её недействительной, согласно ст. 168 ГК РФ) [1, с. 398].

По мнению Ю.С. Гамбарова, обход закона с противоправной целью также является разновидностью правонарушения, поскольку через совершение притворных сделок не только затрагиваются интересы других участников правоотношений, но и прямо нарушаются предписания кодекса [2, с. 741]. Однако, на наш взгляд, существование обхода закона не как правонарушения, а как определённой формы злоупотребления правом обусловлено объективным наличием пробелов в гражданском законодательстве, а также невозможностью применения аналогии закона при установлении признаков гражданского правонарушения (что противоречило бы общим принципам частного правового регулирования).

Более верной в данной связи представляется позиция А.Г. Карапетова, который выделяет целый

ряд отличий обхода закона от совершения недействительных сделок как гражданских правонарушений. Так, в притворной сделке воля участников отношений изначально направлена на соответствие условий сделки предполагаемым правовым последствиям – при отсутствии соответствия воли сторон их волеизъявлениям. Если же истинная воля сторон соответствует их проявлениям, говорить о притворной сделке некорректно. Таким образом, когда воля изначально направлена на недобросовестных обход императивных предписаний (в том числе, и в процедурах банкротства), имеет место злоупотребление правом [3, с. 735].

Проявляться обход закона также может посредством заключения сделок. Так, например, если финансовый управляющий заключает от имени должника договор аренды, в котором указывается на преимущественное право покупки – что является обходом предусмотренных ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» правил, закрепляющих порядок и условия реализации имущества должника. Допускается злоупотребление в форме обхода закона и без совершения действий, имеющих признаки сделки, однако, оно больше характерно для стороны кредитора (например, обходом закона будет являться ситуация, при которой злоупотребление правом на организацию и объединение кредиторов выражается в виде проведения в другой день собрания с повесткой дня, аналогичной повестке дня собрания, проведение которого было запрещено судом в порядке обеспечительных мер по делу о банкротстве) [4, с. 9].

Кроме того, обход закона может быть связан с применением «нетипичных» [5, с. 67] (согласно определению А.И. Муранова) правовых конструкций и средств, изначально применяемых лицом для избежания действия императивных норм, которые регулируют данную группу отношений.

К.И. Гурылёва классифицирует разновидности обхода закона должником в процедурах банкротства [6, с. 106]. Так, существуют следующие основания:

1) по содержанию поведения должника допускается выделять прямой обход установленного Законом о несостоятельности (банкротстве), иными связанными с банкротством нормативными актами предписания (к примеру, инициирование конкурсного производства через «дружественных» кредиторов; обход нормы, связанной с возникновением обязанностей для должника (например замещение активов); обход нормы, связанной с созданием обязательных условий для реализации права должника (злоупотребления при подаче заявления о признании индивидуального предпринимателя банкротом); обход установленных судебными актами запретов;

2) по цели, преследуемой при обходе закона, выделяются использование не подлежащих применению норм гражданского и конкурсного законодательства для создания видимости наличия у должника субъективного права (к примеру, использование упрощённых механизмов банкротства, ликвидация юридического лица с регистрацией в качестве индивидуального предпринимателя для дальнейшего банкротства и освобождения от потенциальных обязательств); игнорирование подлежащих применению законодательных требований.

Вопрос об «ином недобросовестном осуществлении субъективного права» является достаточно дискуссионным в теории современного гражданского права, поскольку в условиях диспозитивного регулирования отношений (в том числе, и отношений по несостоятельности (банкротству) сама противоправность поведения достаточно трудно установима, если нет прямого нарушения закона. В этой связи стоит отметить, что определять противоправность, как основной признак воли лица, осуществляющего недобросовестное поведение, некорректно.

Недобросовестность уместнее определять только через определённый «стандарт общепринятого поведения участников гражданского оборота», нарушение которого будет считаться как раз злоупотреблением правом (в этой связи интересным представляется позиция авторов, предлагающих выделять «субъективный» критерий поведения лица, как основное содержание недобросовестности.

Список источников

1. Суханов Е.А. Российское гражданское право: учебник в двух томах. Том второй. М.: Статут, 2021. 1024 с.
2. Гамбаров Ю.С. Гражданское право. Общая часть. М.: Проспект, 2020. 844 с.

3. Карапетов А.Г. Основные положения гражданского права. М.: Статут, 2022. 1147 с.
4. Волков А.В. Отличие обхода закона от мнимых и притворных сделок // Гражданское право. 2016. № 6. С. 4–11.
5. Муранов А.И. Обход закона в международном частном праве // Законодательство. 2014. № 7. С. 60–72.
6. Гурылёва К.И. Злоупотребление правом субъектами отношений несостоятельности (банкротства): проблемы квалификации и меры противодействия: дис. ... кандидата юридических наук: 12.00.03. М., 2022. 312 с.

© Г.Ш. кызы Салманова, 2023

УДК 347

О НЕКОТОРЫХ ФОРМАХ НЕЮРИСДИКЦИОННОЙ ЗАЩИТЫ ГРАЖДАНСКИХ ПРАВ

МАГОМЕДОВ МАГОМЕД АБДУЛЛАЕВИЧ

магистрант

ФГАОУ ВО «Волгоградский государственный университет»

*научный руководитель: Иншакова Агнесса Олеговна**д.ю.н., профессор**ФГАОУ ВО «Волгоградский государственный университет»*

Аннотация: в статье анализируются формы неюрисдикционной защиты гражданских прав и интересов. Дается определение как юрисдикционному, так и неюрисдикционному способу. Выделяются соответствующие виды неюрисдикционных форм защиты гражданских прав и интересов.

Ключевые слова: гражданские права, защита прав, самозащита, несудебные способы защиты.

ON SOME FORMS OF NON-JURISDICTIONAL PROTECTION OF CIVIL RIGHTS

Magomedov Magomed Abdullaevich*Scientific adviser: Inshikova Agnessa Olegovna*

Abstract: the article analyzes the forms of non-jurisdictional protection of civil rights and interests. The definition of both jurisdictional and non-jurisdictional methods is given. The corresponding types of non-jurisdictional forms of protection of civil rights and interests are distinguished.

Key words: civil rights, protection of rights, self-defense, non-judicial methods of protection.

Гражданский кодекс Российской Федерации, как основной источник гражданского права, декларирует следующие фундамент образующие основы: равенство участников, неприкосновенность собственности, свободу договора, недопустимость вмешательства в частные дела, защиту и непосредственно восстановление нарушенных прав и законных интереса.

Способы защиты гражданских прав закреплены в 12 статьёй, к ним, согласно данной норме, относятся:

1. признание права;
2. восстановления положения, существовавшего до нарушения права; и пресечения действий нарушающих право или создающих угрозу его нарушения;
3. признания оспоримой сделки недействительной и применения последствий ее недействительности и т.д. [1].

Вышеперечисленное подтверждает, что существует достаточное количество возможностей защиты своих гражданских прав, более того, перечень не является исчерпывающим, соответственно, иными законами Российской Федерации могут быть предусмотрены другие способы защиты гражданских прав.

Возвращаясь к понятию «форма защиты» необходимо отметить, что законодатель не только не включает данное понятие в гражданский кодекс и в иные нормативно-правовые акты, затрагивающие гражданское право, но и в целом не использует данную дефиницию, заменяя её схожим – «способ защиты».

Данное упущение свидетельствует о некоторой теоретической неопределенности к подходу употребления и, соответственно, закрепления в законодательстве необходимых понятия и определений. Подобный пробел приводит к двойственности и неверному толкованию, что серьёзно сказывается при решении правовых споров, связанных с использованием тех или иных способов защиты гражданских прав.

Кроме того, стоит обратить внимание ещё на то, что имеются как юрисдикционные, так и неюрисдикционные формы защиты гражданских прав и интересов участников гражданских правоотношений.

Говоря о юрисдикционных и неюрисдикционных формах защиты гражданских прав, подчеркну, что вышеперечисленные формы не имеют легально закреплённого в законодательстве определения, что, в связи с этим вызывает научную дискуссию по данному вопросу.

Под юрисдикционной формой защиты гражданских прав понимается деятельность уполномоченных на то органов по защите нарушенных прав и законных интересов граждан.

Так, одной из форм юрисдикционной защиты будет являться административная, которая, в свою очередь, применяется только в случаях, прямо закреплённых в законе [2].

Под неюрисдикционной формой учёные понимают также защиту нарушенных прав и законных интересов субъекта, но при этом без обращения на то в уполномоченные органы.

По сути, неюрисдикционная форма защиты представляет собой самостоятельную деятельность субъекта, уполномоченного на это. В этом и заключается основное отличие от юрисдикционной формы защиты, когда субъект обращается в органы для восстановления и защиты нарушенных прав и законных интересов.

Подобная форма защиты является самозащитой, что закреплено в 14 статье гражданского кодекса Российской Федерации. В свою очередь, самозащита – это основная форма неюрисдикционного способа защиты прав, суть которой заключается в том, что субъекту предоставляется право на совершение не запрещённых законом действий, прямо направленных на защиту личных или имущественных прав и законных интересов.

Самозащита как способ защиты был известен ещё в Древнем Риме. Так, в Римской Империи под самозащитой права собственности понималось самостоятельное отражение неправомерного вторжения, которое было направлено на изменение уже существующих отношений. Примером может послужить следующее:

1. позволялось уничтожить объект, который тайно был поставлен на чужом участке, и, соответственно, принадлежит лицу, осуществившему самоуправство;
2. было разрешено самовольство, если в случае бездействия субъекту права грозит причинение невосполнимого ущерба.

Кроме самозащиты, существует также нотариальная форма неюрисдикционной защиты. Так, «с помощью нотариального удостоверения осуществляется контроль со стороны государства за совершением сделок с недвижимостью, что создаёт дополнительные гарантии законности совершаемой сделки и надлежащего её исполнения, а это в свою очередь способствует укреплению и стабильности гражданского оборота в целом» [3].

Более того, именно нотариальная форма оформления сделок уже по своей природе направлена на повышенную, в сравнении со сделками без нотариального удостоверения, защиту как личных неимущественных, так и имущественных прав. Также стоит отметить то, что подобная форма удостоверения сделок обеспечивается правовыми мерами со стороны государства, что в значительной степени сводит риски к минимуму.

Главным преимуществом нотариальной формы удостоверения сделок является то, что нотариус обязан совершить действия, направленные на полное и всестороннее исследование документов, фактов и т.д. на наличие условий, подтверждающих действительность той или иной сделки. Кроме того, нотариус обязан установить иные обстоятельства, препятствующие признанию сделки действительной и нарушающих права и законные интересы третьих лиц.

Также стоит отметить претензионную форму защиты гражданских прав как неюрисдикционную. Данная форма имеет законодательное закрепление при вопросах, связанных с защитой прав потребителей.

Так, потребитель, прежде чем воспользоваться судебной защитой, должен составить претензию в произвольной форме и направить её непосредственно продавцу, последний, в свою очередь, обязан дать соответствующий ответ не позднее чем через 10 дней со дня принятия претензии.

Такой порядок решения «обыденных» проблем имеет место быть и является наиболее эффективным, поскольку большинство правовых вопросов возможно решить без обращения в суд. При данных обстоятельствах исковое заявление лишь усложнит процесс решения возникшей юридической проблемы, а также добавит лишнюю нагрузку на судебную систему.

Таким образом, необходимо отметить достаточно широкий спектр форм неюрисдикционной защиты гражданских прав и законных интересов граждан. Государство предоставляет право самим гражданам разрешать возникающие конфликты, что свойство и рыночной экономике и основополагающему принципу гражданского права – принципу диспозитивности.

Список источников

1. Гражданский кодекс Российской Федерации от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 16.04.2022) [Электронный ресурс]. – URL: <https://base.garant.ru/10164072> (дата обращения 05.02.2023).
2. Малиновский А.А. Способы осуществления права / А.А. Малиновский. 2007. – 60 с.
3. Иншакова Агнесса Олеговна, Чулова Юлия Сергеевна ВЛИЯНИЕ ОБЯЗАТЕЛЬНОЙ НОТАРИАЛЬНОЙ ФОРМЫ СДЕЛОК С НЕДВИЖИМОСТЬЮ НА СТАБИЛЬНОСТЬ ГРАЖДАНСКОГО ОБОРОТА // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2016. №1 (36). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-obyazatelnoy-notarialnoy-formy-sdelok-s-nedvizhimostyu-na-stabilnost-grazhdanskogo-oborota> (дата обращения: 05.02.2023).

ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ И ТРУДОВОЕ ПРАВО

УДК 349

ПРОБЛЕМЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПОНЯТИЯ «СУБЪЕКТЫ МАЛОГО И СРЕДНЕГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА»

КАЗАРЯН НАРЕК ДАВИТОВИЧмагистрант юридического факультета
Волгоградский институт управления-филиал РАНХиГС

Аннотация: в статье, на основе системного толкования гражданского и предпринимательского законодательства, отмечаются противоречия легального определения категории «субъект малого и среднего предпринимательства», закреплённые в базовом Федеральном законе.

Ключевые слова: предпринимательское право, малое предпринимательство, среднее предпринимательство, предприятие, хозяйствующий субъект.

PROBLEMS OF LEGISLATIVE DEFINITION OF THE CONCEPT «SUBJECTS OF SMALL AND MEDIUM BUSINESS»

Kazaryan Narek Davitovich

Abstract: in the article, based on a systematic interpretation of civil and business legislation, there are contradictions in the legal definition of the category «subject of small and medium-sized businesses», enshrined in the basic Federal Law.

Keywords: business law, small business, medium business, enterprise, business entity.

Необходимо отметить, что в теории предпринимательского права выделяются два самостоятельных понятия – «субъект предпринимательской деятельности» и «участник предпринимательско-правовых отношений». Субъектами отношений, регулируемых предпринимательским правом, являются носители права и обязанностей в самых разнообразных юридических процедурах, связанных с осуществлением и регулированием предпринимательской деятельности (это не только сами предприниматели, но контрагенты, не осуществляющие экономической деятельности, а также органы и должностные публичной власти, оказывающие поддержку и осуществляющие контроль). В свою очередь, субъекты предпринимательской деятельности – это лица, которые непосредственно, на постоянной и профессиональной основе, осуществляют с целью получения прибыли экономическую деятельность, связанную с производством и реализацией товаров, оказанием услуг и выполнением работ. Стоит также согласиться с Л.В. Кулумбеговой, по мнению которой признание лица субъектом предпринимательской деятельности подразумевает установление для него со стороны дополнительных требований (не только к характеру экономической деятельности, но и к самому статусу лица, являющегося предпринимателем) и ограничений, а также предоставлений организационных и финансовых преференций [1, с. 65] - к которым, несомненно, относится и возможность установления специального режима упрощённой системы налогообложения.

Соответственно, можно выделить несколько подходов к определению сущности и необходимых признаков понятия «субъект малого и среднего предпринимательства». Прежде всего, следует обозначить особенности нормативного подхода. Основы правового статуса субъектов малого и среднего бизнеса, а также основные формы и меры их государственной поддержки закреплены в статьях 3 и 4 ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства». Общего, сводного понятия данной категории экономических субъектов действующим законодательством пока что не предусмотрено; при отнесении хозяйствующего субъекта к представителям малого или среднего бизнеса в законе закреплён перечень (в виде указания на юридических лиц или индивидуальных предпринимателей) лиц, относимых к малым и средним, а также к микропредприятиям.

Согласно п. 1 ст. 3 ФЗ установлено, что субъектами малого и среднего предпринимательства являются «хозяйствующие субъекты» (юридические лица и индивидуальные предприниматели). Здесь нужно отметить определённую коллизию понятийного аппарата, так как согласно положениям принятого ранее Федерального закона «О защите конкуренции» [2], хозяйствующими субъектами являются не только юридические лица и ИП, но и физические лица, не зарегистрированные в качестве индивидуальных предпринимателей, но также осуществляющих на профессиональной основе приносящую доход деятельность (например, представители нотариата или оценщики). В.С. Белых и Т.М. Звезда указывают, что отнесение таких физических лиц (даже и при условии их государственной регистрации) к числу субъектов предпринимательской деятельности некорректно, так как им не требуется статус индивидуального предпринимателя [3, с. 11]. Как представляется, в целях приведения в единообразное положение норм финансового и предпринимательского законодательства необходимо изменить формулировку п. 1 ст. 3 ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства», убрав из нормы термин «хозяйствующие субъекты», поскольку более широкая трактовка данного понятия, наличествующая в законодательных актах о защите конкуренции, позволяет относить к субъектам малого и среднего бизнеса не только юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, что неверно с точки зрения всего остального регулирования (в том числе, и налогового).

Видовым для определения субъектов малого и среднего бизнеса также является термин «предприятие» (которые может быть средним, малым, либо же микропредприятием). Легальное содержание понятия «предприятие» закреплено на сегодняшний день в ст. 132 ГК РФ, где оно рассматривается как объект гражданских прав, имущественный комплекс, который используется для осуществления гражданами и их объединениями предпринимательской деятельности. При этом в теории отмечается, что категория «предприятие» в современном законодательстве используется «бессистемно» (без согласования существенных признаков в частно- и публично-правовом регулировании); «предприятие» прямо не связывается с какой-либо определённой формой собственности или формой деятельности (коммерческой или некоммерческой; к примеру, существование муниципальных и государственных предприятий) [4, с. 6]. В.С. Белых отмечает по данному поводу, что «любое образование, осуществляющее предпринимательскую деятельность, может быть отнесено к кругу предприятий» [5, с. 6]. Соответственно, при толковании и этого термина нельзя однозначно установить – при отсутствии легального определения – круг субъектов предпринимательской деятельности, которых допустимо относить к малому и среднему бизнесу.

Исходя из вышеуказанного, считаем корректным исключение из законодательной дефиниции субъектов малого и среднего предпринимательства терминов «хозяйствующий субъект» и «предприятие», как имеющих более широкое толкование и включающих в себя субъектов экономической деятельности, которые не могут относиться к малому и среднему бизнесу. Соответственно, предлагается закрепление в ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства» следующего определения «субъекты малого и среднего предпринимательства – индивидуальные предприниматели и юридические лица, соответствующие критериям настоящего Закона». При системном толковании предпринимательского, а также связанного с поддержкой малого и среднего бизнеса финансового, налогового и административного законодательства такое определение позволит на основе единых критериев субъектов малого и среднего предпринимательства выработать и эффективно реализовывать адресные меры государственной поддержки.

Список источников

1. Кулумбегова Л.В. Субъекты предпринимательской деятельности: понятие, виды и особенности правового статуса // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2022. № 5 (126). С. 64–67.
2. Федеральный закон от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ «О защите конкуренции» (с изм. на 29 декабря 2022 г.) // Собрание законодательства РФ. 2006. № 31 (часть I). Ст. 3434.
3. Белых В.С., Рубцова Н.В. Концептуальные особенности механизма правового регулирования предпринимательской деятельности // Журнал предпринимательского и корпоративного права. 2021. № 3. С. 9–14.
4. Белых В.С., Звездина Т.М. Понятие субъектов малого и среднего предпринимательства в науке предпринимательского права // Предпринимательское право. 2018. № 2. С. 4–8.
5. Белых В.С. Экономический анализ права: спорные вопросы теории и практики // Предпринимательское право. 2021. № 4. С. 5–11.

© Н.Д. Казарян, 2023

УДК 349

О СИСТЕМЕ ФИНАНСОВЫХ НЕНАЛОГОВЫХ МЕР ПОДДЕРЖКИ МАЛОГО И СРЕДНЕГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В РОССИИ

КАЗАРЯН НАРЕК ДАВИТОВИЧмагистрант юридического факультета
Волгоградский институт управления-филиал РАНХиГС

Аннотация: в статье обозначено специфическое содержание современных мер поддержки малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации, не связанных с предоставлением налоговых льгот или специальными налоговыми режимами.

Ключевые слова: предпринимательское право, малое предпринимательство, среднее предпринимательство, государственная поддержка, специальный налоговый режим.

ON THE SYSTEM OF FINANCIAL NON-TAX MEASURES TO SUPPORT SMALL AND MEDIUM ENTREPRENEURSHIPS IN RUSSIA

Kazaryan Narek Davitovich

Abstract: the article outlines the specific content of modern small and medium business support in the Russian Federation, not related to the provision of tax benefits or special tax regimes.

Keywords: business law, small business, medium business, state support, special tax regime.

Общие цели реализации финансово-экономических мер и способов поддержки субъектов малого бизнеса непосредственно связаны с обеспечением стабильности народного хозяйства, социально-экономическим развитием. В теории указывается на два основных средства осуществления поддержки хозяйствующих субъектов, подпадающих под признаки малого и среднего предпринимательства:

– издание и совершенствование специальных нормативно-правовых актов: федеральных, региональных и местных программ (подпрограмм) поддержки малого и среднего предпринимательства, включающих в себя не только собственно экономические, но и организационные, политико-правовые, консультационные и образовательные меры;

– осуществление на основе принятых документов стратегического развития целенаправленных действий, которые взаимосвязываются по задачам, ресурсам, срокам осуществления и ответственным за реализацию лицам [1, с. 61]. Основной мерой являются налоговые льготы, однако, можно выделить и другие средства финансовой поддержки.

1. Непосредственно связанными с мерами налоговой поддержки надлежит выделить специальные условия по ведению бухгалтерского учёта – допустимые, в том числе, и для субъектов МСП, использующих упрощённую систему налогообложения. К таким мерам относится предоставление упрощённых способов бухгалтерского учёта (освобождение от применения двойной записи, использование упрощённой системы регистров, переход к полностью кассовому методу учёта расходов и доходов и т.д.) и кассовых операций (вплоть до освобождения от оформления кассовых документов для отдельных видов экономической деятельности [2]).

2. В области статистической отчётности субъекты малого и среднего предпринимательства

имеют право предоставлять соответствующие сведения в упрощённом порядке – при оказании платных услуг населению, а также в сфере туризма.

3. Дополнительные экономические условия государством предоставляются для стимулирования более активного участия представителей малого и среднего бизнеса в деятельности по государственным и муниципальным закупкам. Для заказчиков устанавливаются обязанности по:

- объёму общей стоимости закупок, которые должны осуществляться у субъектов малого и (или) среднего предпринимательства;
- укороченным срокам оплаты товара (работы, услуги) малым и средним предприятиям (в течение пятнадцати дней с даты подписания документов о приёмке в рамках осуществлённой закупки).

Если же закупки осуществляются отдельными видами юридических лиц в порядке, предусмотренном специальным федеральным законом, то для заказчиков устанавливаются дополнительные обязанности по годовому объёму общей суммы закупок у субъектов МСП (в том числе, и в отношении высокотехнологичной и инновационной продукции – что является особенно важным в контексте построения технологического суверенитета в нашей стране), срокам оплаты после приёмки и размеру обязательного авансирования [3].

4. Важным условием для беспрепятственного осуществления субъектами малого и среднего предпринимательства своей экономической деятельности (в том числе, и в процессе применения специальных упрощённых налоговых режимов) является также и снижение административных барьеров – прежде всего, связанных с сокращением числа проверок со стороны налоговых и иных органов. В соответствии со специальным Постановлением Правительства в течение 2022-23 гг. действует т.н. «мораторий» на проверки малого и среднего бизнеса – за исключением внеплановых проверок, основанных на оценке индикаторов повышенного риска в деятельности хозяйствующих субъектов, а также для отдельных видов деятельности, сопряжённых с повышенным риском; условием для внеплановой проверки является также и выявленное нарушение, а также поступление в компетентные органы информации о нарушении или риске нарушения хозяйствующим субъектом обязательных требований (например, требований пожарной безопасности, санитарно-гигиенических условий).

5. Прямые имущественные меры поддержки активно используются государством в условиях санкционной политики и устрожения внешних санкций, в том числе, и для субъектов малого и среднего предпринимательства. Так, предусматривается предоставление грантов для проектов молодых предпринимателей [4], грантовая поддержка частной туристической инфраструктуры, финансовые меры поддержки экспортёров, компенсации за использование новых программных средств (к примеру, субъекты МСП могут получить компенсацию в виде субсидии в целях возврата комиссии за использованием Системы быстрых платежей ЦБ РФ [5]). Отдельно стоит отметить и преференции, связанные с предоставлением хозяйствующих субъектов, относящихся к малому и среднему бизнесу, земельных участков для производства отдельных видов продукции. К примеру, в соответствии с Постановлением Правительства РФ от 9 апреля 2022 г. № 629 [6] земельные участки из государственной и муниципальной собственности, а также участки, собственность на которые не разграничена, до конца 2022 года предоставляются без торгов в целях производства продукции в целях импортозамещения. Как представляется, такой льготой могут воспользоваться и субъекты МСП, использующие упрощённую систему налогообложения при производстве сельскохозяйственной или иной, связанной с импортозамещением, продукции.

Список источников

1. Айвазян И.М. Правовые аспекты соблюдения антимонопольных требований к предоставлению государственных или муниципальных преференций в целях поддержки субъектов малого и среднего предпринимательства // Предпринимательское право. 2022. № 1. С. 61.
2. Указание Банка России от 11 марта 2014 г. № 3210-У (в ред. от 5 октября 2020 г.) «О порядке ведения кассовых операций юридическими лицами и упрощённом порядке ведения кассовых операций индивидуальными предпринимателями и субъектами малого предпринимательства» // Вестник Банка России. 2014. № 46.

3. Постановление Правительства РФ от 11 декабря 2014 г. № 1352 «Об особенностях участия субъектов малого и среднего предпринимательства в закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц» (в ред. от 20 декабря 2022 г.) // Собрание законодательства РФ. 2014. № 51. Ст. 7438.

4. Приказ Министерства экономического развития Российской Федерации от 24 марта 2022 г. № 149 [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 01.04.2022 (дата обращения: 11.01.2023).

5. Постановление Правительства РФ от 20 июля 2022 г. № 1306 «О внесении изменений в Правила предоставления субсидий из федерального бюджета российским кредитным организациям на возмещение затрат субъектам малого и среднего предпринимательства на оплату банковских комиссий при осуществлении перевода денежных средств физическими лицами в пользу субъектов малого и среднего предпринимательства в оплату товаров (работ, услуг) в сервисе быстрых платежей платежной системы Банка России» [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 21.07.2022 (дата обращения: 11.01.2023).

6. Постановление Правительства Российской Федерации от 09.04.2022 № 629 «Об особенностях регулирования земельных отношений в Российской Федерации в 2022 году» [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 10.04.2022 (дата обращения: 11.01.2023).

© Н.Д. Казарян, 2023

ФИНАНСОВОЕ, НАЛОГОВОЕ И БЮДЖЕТНОЕ ПРАВО

УДК 347.73+342.9

ПОНЯТИЕ НАЛОГОВОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ И ЕЕ ЗНАЧЕНИЕ В СФЕРЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

КАЛАШЕВА МАДОННА МИХАЙЛОВНА

студент

ФГБОУ ВО «Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова»

Аннотация: В статье приведены аргументы, подтверждающие, что налоговая ответственность выступает как самостоятельный вид ответственности. Выделены приоритетные суждения выдающихся публицистов, которые неоднократно поднимали вопрос о самостоятельности института налоговой ответственности с учетом достижений теоретических и отраслевых наук.

Ключевые слова: налоговая ответственность, юридическая ответственность, налоговые взаимоотношения, налоговые правонарушения, налоги.

THE CONCEPT OF TAX LIABILITY AND ITS SIGNIFICANCE IN THE FIELD OF ENTREPRENEURSHIP

Kalasheva Madonna Mikhailovna

Abstract: The article presents arguments confirming that tax liability acts as an independent type of liability. The priority judgments of outstanding publicists who have repeatedly raised the issue of the independence of the institute of tax responsibility, taking into account the achievements of theoretical and branch sciences, are highlighted.

Keywords: tax liability, legal liability, tax relations, tax offenses, taxes.

Налоговая сфера является исключительным правом государства, то есть прерогативой государственной власти, поскольку взаимоотношения между налогоплательщиками и государством носят доминирующий характер. Для усовершенствования данной сферы, установления правопорядка и решения задач, связанных с функционированием государства, необходимо всецело задействовать институт налогового законодательства и привлечение к ответственности за его нарушение.

Юридическая ответственность – одно из самых содержательных, спорных и отягощающих правовых явлений, которое включает в себя понятия самого права, выражающаяся тесной связью с иными правовыми явлениями, такими как установление юридического факта, правонарушения и другие. В практическом восприятии юридическая ответственность представляет с собой связь с правонарушением, покушением на определенные частные и (или) публичные права и интересы.

Касательно налоговой ответственности, необходимо сказать, что налоги как древнейший экономический инструмент влияет и определяет взаимоотношения между государством и своими гражданами. Налог – обязательное условие существования государства, обязанность по уплате которого закреплена в ст. 57 Конституции Российской Федерации [1]. Уклонение от уплаты налогов государство расценивает как нарушение прав и интересов присущих государству. В соответствии с этим, Конституционный суд Российской Федерации считал верным сказать, что государство вправе призывать соответствующие меры по привлечению к налоговой ответственности, примечательно, что такие действия имеют место быть исключительно в рамках налогово-имущественных отношений, а не приобретают другой правовой

характер, такой как гражданско-правовой, административно-правовой, уголовно-правовой.

Исследование налоговой ответственности показало, что налоговые отношения детерминированы публично-правовым характером государства и его суверенитетом.

Подтверждая приведенные суждения, необходимо обратиться к мнению А.В. Брызгалина, который утверждает, что правовая система России уже давно сформировала выраженное правовое явление-ответственность за налоговые правонарушения, которую мотивировано можно назвать налоговой ответственностью [2, с. 242-243].

В качестве мер принуждения при несоблюдении гражданами, а именно субъектами предпринимательской деятельности законных требований государства, могут выступать правосстановительные меры, которые в свою очередь обеспечивают конституционную обязанность налогоплательщика по уплате им налогов, то есть погашение недоимки, возмещение ущерба и прочие налоги, так и штрафными, предполагающими наложение на нарушителя дополнительных выплат в качестве меры ответственности (наказания). Исходя из этого можно сказать, что с одной стороны государство выступает лицом, интересы которого нарушены противоправными действиями налогоплательщика, а с другой стороны как защитник правопорядка и публичного интереса общества. Фактически нарушение интересов государства выражается в уклонении налогоплательщиком от исполнения своей конституционной обязанности, предусмотренной Конституцией РФ и в неуплате наложенных сумм налогов в бюджет государства.

Основопологающей целью рассмотренных правосстановительных мер является устранение недоимки и ущерба, путем восполнения неуплаченной суммы налога и процента (пени) за несвоевременное внесения средств в бюджет. Обращаясь к мнению Конституционного Суда РФ, применение штрафных мер представляют собой одну из мер юридической ответственности за девиантное поведение. Наложение штрафов по своему характеру не входят в рамки налогового обязательства, поскольку их цель не восстановить нарушенное право, а наказать за налоговое правонарушение, то есть им присущ карательный характер.

Государство в обязательном порядке гарантирует полное восполнение бюджета вследствие материальных убытков из-за несвоевременных погашений налоговых обязательств в срок. Так, законодатель наделен правом применить меры, в ходе которых к неуплаченной сумме налога добавляется обязательный дополнительный платеж пеня с целью возмещения недополученных налоговых сумм в казну государства. Поэтому, применяя позицию доктрины российского права, пеню можно рассматривать как меру правосстановительной ответственности.

Как было установлено в настоящей статье, налоговые взаимоотношения возникают между государством и налогоплательщиком, который в свою очередь подразделяется на физические и юридические лица. Необходимо отметить их публично значимую роль в обеспечении функционирования государства. Так, острым встает вопрос: каким образом необходимо восстановить нарушенный публичный порядок, проявляющийся в посягательстве на стабильную независимость государства, нарушении законности страны? Как следствие, предполагается применить штрафные санкции, носящие запугивающий и предупреждающий характер, хотя как показывает практика размер штрафа не всегда будет являться сдерживающим мотивом.

Исходя из того, каким образом рассматривать содержание налоговой ответственности, то она будет включать в себя не только имущественные ограничения правонарушителя, но и иные негативные последствия, обеспеченные органами государственного и иного принуждения: таковыми будут являться признание сделки недействительной, расторжение договора, ликвидация организации.

В рамках налогового законодательства закреплены основные положения по привлечению лиц к налоговой ответственности. Ответственность за нарушение налогового законодательства возложена на физических и юридических лиц, а также на индивидуальных предпринимателей. (ст. 107 НК РФ).

Как установлено в п. 4 ст. 108 НК РФ «привлечение организации к ответственности за совершение налогового правонарушения не освобождает ее должностных лиц при наличии соответствующих оснований от административной, уголовной или иной ответственности, предусмотренной законами Российской Федерации». Обращаясь к указанной диспозиции следует сказать, что данная норма определяет дифференциацию каждого вида ответственности, придавая ей самостоятельный характер, в

том числе и налоговой ответственности. Так, считается верным отметить, что налоговая ответственность есть вид самостоятельной ответственности, а не подвид административной, уголовной или иной ответственности. Поэтому, мнение ученой М.В. Гладковой выглядит совсем не точно. По ее мнению, лицо, совершившее противоправное деяние при нарушении налогового законодательства должно быть привлечено лишь к административной ответственности.

Рассматривая позицию И.И. Кучерова надо исходить из того, что именно нарушается в законодательстве о налогах и сборах по анализируемой ответственности, поскольку как было сказано ранее ответственность может выражаться как разновидность финансовой, административной или уголовной [3, с. 246]. На основании сказанного, субъекты, совершившие налоговые правонарушения, привлекаются к налоговой ответственности.

В связи с этим, при рассмотрении ответственности с точки зрения процессуального или материального критерия, то возникает суждение, основанное на том, что существенных различий по критериям между налоговой и административной ответственности нет, наоборот их следует отождествлять. Поэтому, исходя из мнения С.Г. Пепеляева, анализ налоговой ответственности как индивидуального института нормы права следует относить к терминологической ошибке, допускаемой законодателем [4, с. 24].

Налоговая ответственность устанавливает обязанность виновного лица в совершении налогового правонарушения, нести на себе меры государственного принуждения, выражающиеся в дополнительной юридической ответственности имущественного или процессуального характера, применяемые компетентными органами.

На основании изложенного признание самостоятельности налоговой ответственности предполагает собой внесение в нее правовых институтов, в том числе института «ответственности» и ее изоляцию от межсмежных отраслей права.

Анализ рассмотренных точек зрения приведённых ученых позволяет сделать вывод, что многие авторы рассматривают ответственность за нарушение налогового законодательства как самостоятельную налоговую ответственность. Это понятие также подтверждается названием раздела VI НК РФ «Налоговые правонарушения и ответственность за их совершение».

Список источников

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) //Собрание Законодательства Российской Федерации № 31 от 4 августа 2014 года, ст. 4398
2. Брызгалин А.В., Берник В.Р., Гловкин А. Н. и др. Налоговая ответственность. Штрафы, пени, взыскания. – М.: Аналитика-Пресс, 2015. – С. 242-243
3. Кучеров И.И. Налоговое право России: Курс лекций. // И.И. Кучеров; Ин-т актуал. образования «ЮрИнфоР-МГУ». - Москва: Учеб.-консультац. центр «ЮрИнфоР», 2019 – С. 246.
4. Пепеляев С.Г., Алехин А.П. Ответственность за нарушение налогового законодательства. Аудит. фирма «Контакт». - М.: Аудит. фирма «Контакт» М., 2016. – С. 24.

**УГОЛОВНОЕ ПРАВО И
КРИМИНОЛОГИЯ.
УГОЛОВНО-
ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО.
УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС**

УДК 343.112

ВОПРОСЫ КОМПЕТЕНТНОСТИ ПЕРЕВОДЧИКА В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

РУДЬ ЕКАТЕРИНА ДМИТРИЕВНА

магистрант 2 курса

ФГБОУ ВО «Оренбургский государственный университет»

Аннотация: Действующее уголовно – процессуальное законодательство не в полной мере обеспечивает права участников уголовного судопроизводства в части предоставления им участвовать в процессе на родном языке или на другом, владеющим ими. Предоставляя право участникам процесса пользоваться услугами переводчика, законодатель не решает вопроса его компетентности. Проблема видится в недостаточной регуляции статуса переводчика в уголовном судопроизводстве и его участия в нем.

Ключевые слова: Уголовное судопроизводство, родной язык, переводчик, компетентность, владение языком, следователь.

QUESTIONS OF TRANSLATOR'S COMPETENCE IN CRIMINAL PROCEEDINGS

Rud Ekaterina Dmitrievna

Abstract: The current criminal procedure legislation does not fully ensure the rights of participants in criminal proceedings in terms of allowing them to participate in the process in their native language or in another language that speaks them. By granting the right to participants in the process to use the services of an interpreter, the legislator does not solve the issue of his competence. The problem is seen in the insufficient regulation of the status of the interpreter in criminal proceedings and his participation in it.

Keywords: Criminal proceedings, native language, translator, competence, language proficiency, investigator.

Законодатель в УПК РФ [2] (ст. 18) провозглашает принцип языка уголовного судопроизводства. Данный принцип призван обеспечить права граждан, которые нуждаются в услугах переводчика, в ходе их участия в досудебном и судебном производстве. Обеспечение прав данной категории граждан должно происходить качественно, в полной степени. Только в этом случае возможна реализация рассматриваемого принципа [3, с. 680].

Данный принцип отражает особенности государственного устройства России, обеспечивая тем самым равноправие всех народов и национальностей, проживающих в нашем государстве, участвующим в уголовном судопроизводстве. Кроме того, данный принцип предоставляет возможность выбрать на свободной основе тот язык, на котором им будет удобно общаться в ходе уголовного процесса [5, с. 208].

Данный принцип исходит из конституционных положений, которые гарантируют каждому россиянину комплекс прав и свобод, в том числе, право использовать свой родной язык (ст. 26 Конституции РФ [1]). Так как в рамках российской территории невозможно в полной мере каждому представителю другой национальности, проживающему в России, использовать свой родной язык во всех общественных отношениях, то законодательством предусмотрен государственный язык, использующийся в отдельных сферах деятельности, в частности, в уголовном судопроизводстве.

В этой связи в уголовно-процессуальных правоотношениях принцип языка является одним из основных принципов, который призван гарантировать гражданам, не владеющим языком уголовного судопроизводства, весь спектр принадлежащих им прав в соответствии с УПК РФ [6, с. 306].

УПК РФ закрепляет статус переводчика в уголовном процессе, наделяя его комплексом прав и

обязанностей, а также определяет его меру ответственности, отсылая правоприменителя к нормам уголовного закона. В то же время нельзя не отметить наличие проблем на практике, связанных с действительностью данного участника в уголовном процессе.

Например, в рамках уголовного и уголовно – процессуального законодательства не дается определение компетенции переводчика. В ст. 59 УПК РФ указано понятие переводчика, в качестве которого предстает лицо, которое привлекается к участию в уголовном судопроизводстве в определенных законом случаях, которое свободно владеет языком, знание которого необходимо для перевода.

Как видно, в данной норме не раскрывается понятие компетентности данного субъекта. О его профессиональных возможностях говорится лишь то, что он должен свободно владеть языком. Можно понимать содержание данной нормы так, что свободное владение языком подразумевает такую степень владения им, которая позволяет ему осуществлять перевод в рамках уголовного судопроизводства. То есть, данный переводчик должен знать и понимать терминологический аппарат, который используется в юриспруденции. Учитывая, что уголовное законодательство охраняет общественные отношения во всех сферах жизнедеятельности человека, а также то, что в состав уголовного дела входят материалы экспертных исследований, то становится понятно, что переводчик должен понимать не только терминологию юриспруденции.

Переводчик может обладать базовыми знаниями перевода с одного языка на другой, а может работать по узкопрофильному направлению. Следует отличать переводчиков, которые просто владеют иностранным языком, и которые являются профессионалами. В любой отрасли, не только в юриспруденции, важен правильный, грамотный перевод. Так как допущенная при переводе ошибка может стать причиной серьезных проблем. В нашем случае речь идет о судьбах людей, которые выступают участниками уголовного процесса, в частности, подозреваемыми, обвиняемыми, осужденными – относительно данной категории участников речь идет о назначении им уголовного наказания, что оказывает значительное влияние на их дальнейшую жизнь.

Как видно, в уголовном процессе должен принимать участие переводчик – профессионал, то есть имеющий высшее профессиональное образование.

Далее, в части 2 ст. 169 УПК РФ законодатель наделяет следователя обязанностью удостовериться в компетентности переводчика перед тем, как он начнет проводить следственное действие. Опять же возникает вопрос, каким образом следователь должен удостовериться в этом? Следователь, не зная иностранного языка, не сможет оценить не только компетентность переводчика, но даже уровень знания им языка по критерию «знает / не знает».

Как видно, законодатель не раскрывает, каким образом, следователь удостоверится в компетентности переводчика, что является серьезным недостатком УПК РФ.

В то же время, если законодатель наделяет следователя обязанностью удостовериться в компетентности переводчика, то, по смыслу норм УПК РФ, судья это делать не обязан. Так, в части 2 ст. 59 УПК РФ говорится о порядке вызова переводчика и участия его в деле, отсылая правоприменителя к статьям 169 и 263.

В ст. 169, как нами было сказано, обозначены действия следователя по удостоверению компетентности переводчика и разъяснению ему его прав, обязанностей и ответственности.

В ст. 263 говорится, что председательствующий разъясняет переводчику его права и ответственность, о чем переводчик дает подписку, которая приобщается к протоколу судебного заседания. Как видно, законодатель не обязывает судью удостовериться в компетентности переводчика. По нашему мнению, такое упущение законодателя является недопустимым.

Кроме того, решения требует вопрос о привлечении переводчика с редких языков, которые не имеют собственной письменности или малописьменны. К таким языкам относятся, в частности, цыганский. Учитывая многонациональный состав нашего государства, такая проблема на практике имеет место быть. В таких случаях к участию в деле привлекаются лица из числа студентов или родственников участников процесса, которые, в свою очередь не обладают в полной мере правовой терминологией.

Решение данной проблемы предлагают Ю. Волосова и Е.С. Шмелева, говоря о создании в России судебно-переводческих организаций, которые могли бы готовить специалистов по переводу в сфе-

ре юриспруденции и, соответственно, отвечать за их компетенцию. Указанные авторы приводят в пример практику уголовного процесса США, в котором участвуют в большей части сертифицированные переводчики [4, с. 186].

Итак, решение проблем компетенции переводчика, участвующего в уголовном процессе, существенным образом решит вопрос обеспечения прав участников данного процесса. В связи с чем, полагаем, что в части 1 ст. 59 УПК РФ должно быть указано требование к переводчику в виде наличия у него высшего профессионального образования, которое он подтверждает документом об образовании, предоставляя его дознавателю, следователю, судье. Кроме того, законодательно требуется решить вопрос о компетентности переводчиков с редких языков.

Список источников

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.) // Российская газета от 25 декабря 1993 г. № 237.
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 29.12.2022) // Собрание законодательства Российской Федерации от 24 декабря 2001 г. № 52 (часть I) ст. 4921.
3. Аскерова Ф.Ф. Государственный язык в уголовном судопроизводстве: понятие, соотношение с национальным и официальным языками // Вестник Удмуртского университета. - 2018. - № 5. – С. 678-682.
4. Волосова Н.Ю., Шмелева Е.С. О принципе языка уголовного судопроизводства и об участии переводчика в уголовном судопроизводстве // Вестник Университета им. О.Е. Кутафина. – 2018. - № 2. – С. 180-187.
5. Каац М.Э. О содержательной составляющей принципа языка уголовного судопроизводства // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. – 2021. - № 3. – С. 204-212.
6. Хвостов А. С. Язык уголовного судопроизводства как гарантия конституционных прав и свобод граждан // Конституционные основы российского государства: история и современность. – Рязань, 2019. - С. 306-308.

УДК 343.3/.7

КОРРУПЦИОННЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ В ВООРУЖЕННЫХ СИЛАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

КОЛЕСНИКОВ СТЕПАН ЮРЬЕВИЧ

магистрант

ФГБОУ ВО «Владивостокский государственный университет экономики и сервиса»

Аннотация: к распространенным коррупционным преступлениям, совершенными военнослужащими, необходимо отнести: преступления в сфере государственных закупок по государственному оборонным заказу; дача либо получение взятки; злоупотребление либо превышение должностными полномочиями; мошенничество, присвоение и (или) растрата; хищение с использованием своих служебных полномочий и пр. Такие преступления наносят вред интересам государственной безопасности.

Ключевые слова: коррупция; коррупционные преступления; военные чиновники; Вооруженные силы Российской Федерации; прибыль и сверхприбыль; высокая латентность.

CORRUPTION CRIMES IN THE ARMED FORCES OF THE RUSSIAN FEDERATION

Kolesnikov Stepan Yurievich

Abstract: the most common corruption crimes committed by military officials should include: crimes in the field of public procurement under a state defense order; giving or receiving a bribe; abuse or abuse of official authority; fraud, embezzlement and (or) embezzlement; embezzlement using their official powers, etc. Such crimes harm the interests of State security.

Keywords: corruption; corruption crimes; military officials; the Armed Forces of the Russian Federation; profit and excess profit.

Коррупцию необходимо отнести к социально-правовому феномену, который проник практически во все структуры государственного аппарата, в том числе Вооруженные силы РФ (далее – ВС России).

Коррупция в ВС России представляет чрезвычайный интерес для исследования, т.к. данная государственная структура является одним из самых закрытых государственных институтов, что позволяет военным коррупционерам достаточно долго оставаться незамеченными для правоохранительных органов. В связи с чем достаточно высокий уровень латентности преступлений, совершаемых представителями военных структур [1, с. 166; 2, с. 4].

К наиболее распространенным коррупционным преступлениям, в ВС России необходимо отнести: преступления в сфере государственных закупок по государственному оборонным заказу; дача либо получение взятки, например, за покровительство в устройстве на службу либо продвижении по службе; злоупотребление либо превышение должностными полномочиями, например, при получении жилья, земельного участка или других льгот; мошенничество, присвоение и (или) растрата; хищение с использованием своих служебных полномочий и пр. [3].

Военными совершаются преступления не только коррупционной направленности, но и другие общественно опасные деяния. Например, хищение огнестрельного оружия и боеприпасов (ст. 226 УК РФ), нарушение правил несения боевого дежурства (ст. 340 УК РФ), самовольное оставление части или

места службы (ст. 337 УК РФ) и т.п. [4].

Нередки случаи, когда на должности офицерского состава «попадают» случайные люди, не имеющие достаточного опыта военной службы, необходимых навыков в военном деле, профессионализма и пр. Часто такие люди, поступая на военную службу, ищут для себя выгоды материального характера и иные привилегии как имущественного, так и неимущественного характера [5, с. 53].

Говоря о коррупционных преступлениях в ВС России необходимо отметить, что за последнее время многие чиновники были взяты под стражу и им предъявлено обвинение по статьям Уголовного кодекса РФ коррупционной направленности.

Так, например, Басманный суд г. Москвы отправил под стражу бывшего руководителя научной группы Российской академии ракетных и артиллерийских наук (РАРАН), директора Научного центра высоких технологий создания вооружения, военной и специальной техники (ВВСТ) ФИО, подозреваемого в мошенничестве в особо крупном размере [6].

Экс-начальник отдела закупки Главного автобронетанкового управления Минобороны России (ГАБТУ) ФИО обвиняется по делу о хищении более 860 млн руб. при заключении госконтракта [6].

В Москве гарнизонный военный суд заключил под стражу начальника радиотехнических войск Воздушно-космических войск России ФИО, обвиняемого в получении 5 млн руб. в качестве взятки [6].

Офицеру Военной Академии связи ФИО Санкт-Петербургский гарнизонный военный суд вынес обвинительный приговор по делу о вымогательстве. ФИО назначено наказание в виде лишения свободы сроком на 8 лет с отбыванием в колонии строгого режима, а также лишения воинского звания «подполковник» [6].

Начальник центра социального обеспечения военкомата г. Казани ФИО в составе преступной группы в течение года систематически осуществлял преступную аферу, связанную с незаконным установлением надгробий для ветеранов Великой Отечественной войны. Подсудимые предоставляли в военкомат вымышленные данные умерших ветеранов войны, чтобы получить возмещение затрат на установку надгробий. За год подсудимые получили выплаты на 500 могил, сумма ущерба составила 40 млн руб. Также ФИО осуществлял хищение пенсий военнослужащих, ущерб составил 1,5 млн руб. [6].

Как мы видим, коррупция в ВС России проявляется в различных специализированных сферах военной службы и на различных уровнях, тем самым оказывает отрицательное влияние на нормальное функционирование воинской службы в целом.

Незаконная деятельность позволяет коррумпированным военным чиновникам получать прибыль, а порой и сверхприбыль; ущерб, нанесенный безопасности государства, измеряется миллионами рублей. На наш взгляд, такие противоправные действия военных чиновников снижают престиж армии и военной службы.

Высший военный чиновник, имея связи с влиятельными людьми, может заниматься: незаконной предпринимательской деятельностью, оформив компанию, осуществляющую коммерческую деятельность, на имя жены, детей или других родственников; лоббировать интересы своих друзей-предпринимателей при заключении государственных контрактов; передавать в аренду либо иное пользование имуществом, находящемся на праве собственности либо на балансе в учреждениях ВС России, третьим лицам.

Подводя итог вышеизложенному необходимо отметить, что особую опасность составляет воинская коррупция, т.к. коррупция в Вооруженных силах Российской Федерации, совершаемая военнослужащими, посягает не только на экономическую безопасность, но и оборонную безопасность российского государства.

Список источников

1. Майнусов П.З. Латентность преступлений военнослужащих // Молодой ученый. – № 8 (298). – 2020. – С. 166.
2. Степанов С.А. Методика расследования преступлений против военной службы, сопряженных с применением физического насилия: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.12. – Москва, 2018. – 251 с.

3. Волков А.А. Проявление коррупции в органах военного управления // Военно-юридический журнал. – 2019. – № 9.
4. Майоров А.В., Черепашкин А.С. Преступность военнослужащих: уголовно-правовой и криминологический аспект // Правопорядок: история, теория, практика. – 2016. – № 1(8).
5. Вартумян А.А., Федотов Д.С. Коррупция в военной сфере и ее влияние на безопасность Российской Федерации // Каспийский регион: политика, экономика, культура. – № 1 (54). – 2018. – С. 53.
6. Коррупция в Министерстве обороны РФ [сайт]. – URL: https://korruptcii.net/ministerstvo_oboroni_korruptcia_database?ysclid=latcs07qvr624077672 (дата обращения: 12.01.2023).

© С.Ю. Колесников, 2023

УДК 343.352.7

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ В СФЕРЕ АНТИКОРРУПЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ РФ

ОРЛОВ АЛЕКСАНДР ВАЛЕРЬЕВИЧстудент факультета юриспруденция
РАНХиГС, г. Владимир*Научный руководитель: Головинская Ирина Викторовна
доктор юрид. наук, профессор*

Аннотация: Статья посвящена анализу наиболее актуальных проблем в сфере антикоррупционного законодательства в России. В частности, дается краткая характеристика нормативно-правовому регулированию противодействия преступлениям коррупционной направленности, а также раскрываются наиболее актуальные проблемы законодателя в сфере минимизации совершения такого рода преступлений.

Ключевые слова: коррупция, антикоррупционное законодательство, государственная гражданская служба, штраф, ограничение свободы, принудительные работы.

MODERN PROBLEMS IN THE SPHERE OF ANTI-CORRUPTION POLICY OF THE RUSSIAN FEDERATION

Orlov Alexander Valerievich*Scientific adviser: Golovinskaya Irina Viktorovna*

Abstract: The article is devoted to the analysis of the most pressing problems in the field of anti-corruption legislation in Russia. In particular, a brief description of the regulatory and legal regulation of countering corruption-related crimes is given, as well as the most pressing problems of the legislator in the field of minimizing the commission of such crimes are revealed.

Keywords: corruption, anti-corruption legislation, state civil service, fine, restriction of freedom, forced labor.

В настоящее время в России сложилась достаточно обширная нормативно-правовая база противодействия преступлениям коррупционной направленности. Антикоррупционная деятельность является системной деятельностью органов муниципальной и государственной власти, целью которой представляется устранение проявлений коррупционного поведения.

Главным НПА, регулирующим антикоррупционную политику РФ представляется № 273-ФЗ «О противодействии коррупции», в котором закрепляются принципы данной деятельности, условия и юридические основы борьбы с коррупцией [1]. Важно отметить, что в 2018 г. к данному закону был принят ряд поправок, целью которых представлялось усиление антикоррупционного законодательства. В частности, было расширено определение имущественных ценностей, подлежащих проверке; увеличен срок привлечения к ответственности по коррупционным преступлениям; расширены возможности антикоррупционных контрольных мер и др. [2]. Поскольку коррупция является достаточно важной политической проблемой не только в России, но и в мире, борьба с ней осуществляется и на международном уровне.

Для выявления проблем в сфере антикоррупционной политики РФ был проведен анализ основных показателей деятельности Следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по Владимирской области (СУ СК РФ по Владимирской области) в данном направлении [3]. В

рамках своих полномочий СУ СК РФ по Владимирской области осуществляет расследование коррупционных преступлений, профилактику их совершения и осуществляет меры по установлению лиц, совершивших преступления коррупционной направленности.

За 2018-2021 гг. отмечается тенденция ежегодного увеличения количества преступлений коррупционной направленности во Владимирской области, темп изменения данного показателя за исследуемый период составил 145,7%. Большая часть преступлений коррупционной направленности в 2021 г. – это взяточничество (дача/получение взятки, коммерческий подкуп, посредничество во взяточничестве), доля таких преступлений составляет 59% от общего преступлений, по которым проводилось расследование. 32% преступлений коррупционной направленности связаны со злоупотреблением служебным положением или полномочиями. В свою очередь, только 9% преступлений коррупционной направленности относятся к иным видам такого рода правонарушений [3].

По субъективной среде их совершения чаще всего во Владимирской области совершаются за 2018-2021 гг. бытовые коррупционные преступления, реже всего – политические. Также в ходе анализа было установлено, что в 2021 г. СУ СК РФ по Владимирской области проводил расследование в отношении 412 лиц по подозрению в совершении коррупционных преступлений, что на 34,6% больше аналогичного показателя 2020 г. В целом, можно говорить о том, что несмотря на активную деятельность СУ СК РФ по Владимирской области, в данном регионе все еще существуют некоторые проблемы в сфере противодействия коррупции, которые нуждаются в разрешении в среднесрочной перспективе, наиболее важные из которых представлены на рис. 1.

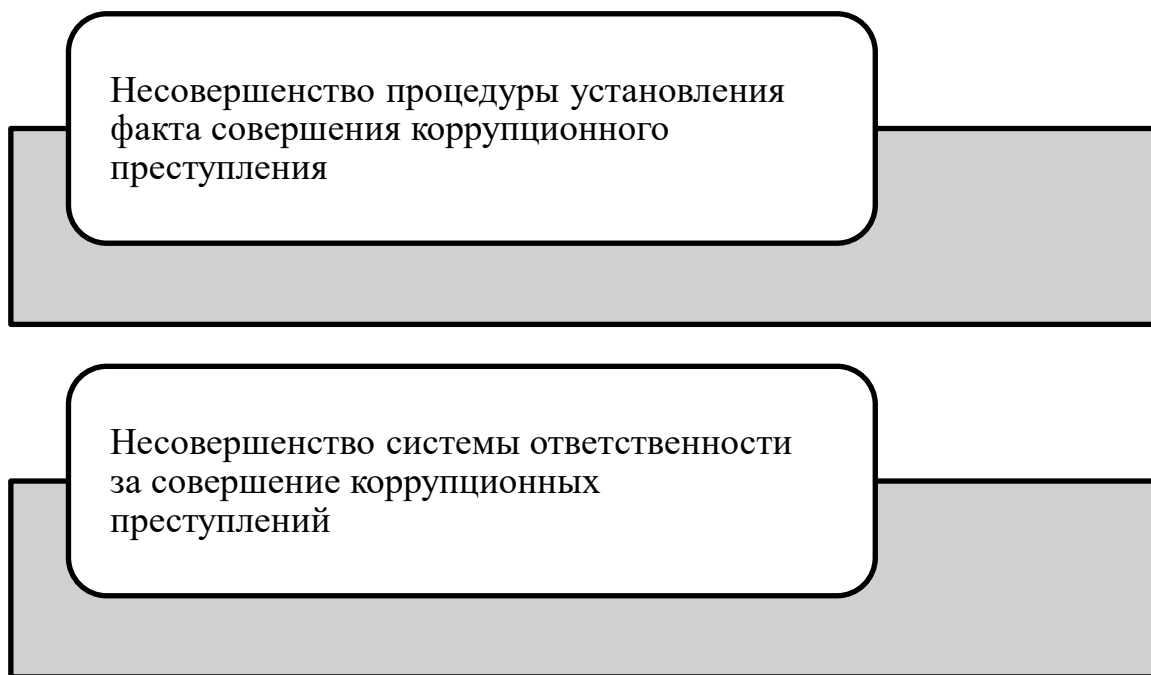

Рис. 1. Важнейшие проблемы в сфере антикоррупционной политики в настоящее время

Целесообразно дать краткую характеристику вышеприведенных проблем.

1. Несовершенство процедуры установления факта совершения коррупционного преступления.

На сегодняшний день методика установления факта совершения преступления коррупционной направленности сотрудниками СУ СК РФ по Владимирской области включает в себя несколько этапов, которые представлены в виде схемы на рис. 2.

Раскроем содержание каждого из представленных этапов более подробно.

1) Выявление факта совершения преступления коррупционной направленности.

Первым этапом является выявление факта совершения преступления коррупционной направленности. На сегодняшний день источниками получения такого рода сведений для сотрудников СУ СК РФ по Владимирской области могут выступать [3]:

- заявление от пострадавшего лица или группы лиц с указанием конкретных фактов совершения преступления коррупционной направленности;
- инициативный поиск сотрудниками СУ СК РФ по Владимирской области следов совершения преступления коррупционной направленности для начала расследования.

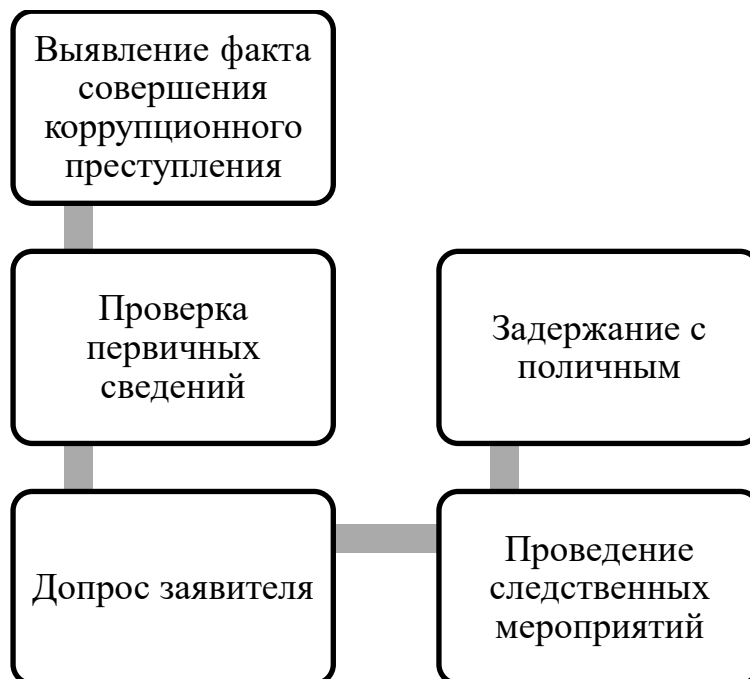

Рис. 2. Существующая процедура установления факта совершения преступления коррупционной направленности СУ СК РФ по Владимирской области

Вероятно, что у многих граждан в настоящее время отсутствуют возможности предоставления сотрудникам СУ СК РФ по Владимирской области информации о совершении преступления коррупционной направленности из-за необходимости для данного факта самостоятельного обращения в подразделение, что вызывает ряд опасений в обвинении в ложном доносе. В условиях цифровизации общества целесообразно решить данную проблему посредством предоставления большей части населения возможности анонимно заявить о совершении или приготовлении к совершению преступления коррупционной направленности, что позволит значительно облегчить деятельность сотрудников СУ СК РФ по Владимирской области в расследовании такого рода правонарушений.

2. Несвершенство системы ответственности за совершение коррупционных преступлений.

Одной из проблем современного законодательства в сфере правового регулирования юридической ответственности за преступления коррупционной направленности является значительная градация возможных мер наказания за совершение таких правонарушений, что нередко определяет назначение наказаний, не соответствующих тяжести совершенных деяний (прежде всего, это касается вопроса передачи взятки). В частности, в настоящее время за преступления коррупционной направленности, в соответствии с требованиями действующего законодательства, установлены санкции, которые предусматривают следующие виды наказаний:

- штраф;
- лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью;
- обязательные работы;
- исправительные работы;
- принудительные работы;
- ограничение свободы;

- лишение свободы на определенный срок.

Вероятно, регламентированных законодательством мер представляется недостаточным для того, чтобы в полной мере преодолеть коррупцию как в России в целом, так и в отдельных регионах страны, что также определяет одно из перспективных направлений совершенствования антикоррупционной политики в РФ. В частности, целесообразно пересмотреть нормы действующих НПА с точки зрения размера наказаний за совершение разного рода коррупционных преступлений, с учетом степени общественной опасности, а также усовершенствовать процедуру установления факта совершения данного рода противоправного деяния с учетом основных тенденций цифровизации общества, за счет внедрения возможности электронных обращений от пострадавших. Внедрение данных рекомендаций будет способствовать повышению эффективности антикоррупционной политики в РФ.

Список источников

1. «О противодействии коррупции» [Электронный ресурс]: фед. Закон Рос. Федерации от 25.12.2008 № 273-ФЗ – Справочно-правовая система «Консультант Плюс». Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_82959/ (дата обращения: 15.12.2022)
2. «О мерах по противодействию коррупции» [Электронный ресурс]: указ Президента Рос. Федерации от 19.05.2008 N 815. – Справочно-правовая система «Консультант Плюс». Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_77066/942772dce30cfa36b671bcf19ca928e4d698a928/ (дата обращения: 15.12.2022)
3. УМВД России по городу Владимиру: официальный сайт. – Режим доступа: <https://33.xn--b1aew.xn--p1ai/gumvd> (дата обращения: 20.12.2022 г.)

УДК 343.14

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОРГАНОВ И УЧРЕЖДЕНИЙ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ ПО ДОКУМЕНТИРОВАНИЮ ПРЕСТУПНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

КРИВОВА ПОЛИНА ДМИТРИЕВНАстудент 5 курса 181-ОС группы
ФКОУ ВО «Самарский юридический институт ФСИН России»*Научный руководитель: Владимиров Сергей Владиславович
к.ю.н., доцент, заведующий кафедрой профессиональных дисциплин
ФКОУ ВО «Самарский юридический институт ФСИН России»*

Аннотация: В статье рассматриваются особенности процессуального документирования преступной деятельности сотрудниками уголовно-исполнительной системы. Рассматриваются этапы работы с доказательствами, отмечается важность процесса доказывания, обязательность соблюдения процессуальной формы документов.

Ключевые слова: доказывание, процессуальные документы, следственные действия, протокол, исправительное учреждение.

ACTIVITIES OF BODIES AND INSTITUTIONS OF THE PENAL ENFORCEMENT SYSTEM FOR DOCUMENTING CRIMINAL ACTIVITY

Krivova Polina Dmitrievna

Abstract: The article discusses the features of the procedural documentation of criminal activity by employees of the penal enforcement system. The stages of working with evidence are considered, the importance of the proof process is noted, the obligation to comply with the procedural form of documents.

Key words: evidence, procedural documents, investigative actions, protocol, correctional institution.

Условием качественного расследования уголовного дела и его оценки судом является детальное установление преступного события и всех его обстоятельств. Средства ретроспективного познания действительности являются доказательствами и их формирование основано на способности одного объекта или явления под влиянием другого изменять или сохранять определенные свойства и особенности влияющего объекта. Поэтому каждый орган уголовной юстиции должен уделять серьезное внимание работе с доказательствами. Особое значение имеет такая работа в органах и учреждениях уголовно-исполнительной системы, поскольку в исправительных учреждениях содержится спецконтингент, склонный к совершению новых преступлений. Следовательно работники исправительного учреждения должны быть компетентны и всегда готовы к работе по доказыванию преступной деятельности.

Процесс доказывания представляет собой неотъемлемую часть уголовно-процессуальной деятельности сотрудников уголовно-исполнительной системы, который заключается в установлении и удостоверении обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела. Место доказывания в системе

уголовно-процессуального познания неразрывно связано с содержанием и структурой познавательной деятельности по уголовному делу.

Документирование преступной деятельности в исправительном учреждении – это деятельность сотрудников уголовно-исполнительной системы, осуществляемая в установленном законом порядке по доказыванию, собиранию, проверке и оценке доказательств с целью установления истины по уголовному делу. Такое документирование представляет собой познание и удостоверение тех явлений, затрагивающих преступное событие, которые значимы для успешного рассмотрения дела[1]. Процессуальное документирование является обязательным условием для совершения ряда действий, относящихся к процессу доказывания, поскольку именно таким образом проводимые мероприятия, их письменное закрепление и приобщение могут иметь юридическую силу. В процессе документирования ведется делопроизводство, которое выражается в удостоверении собранных данных по конкретному уголовному делу или материалу проверки сообщения о преступлении. Важно правильно процессуально оформить документы по уголовному делу, поскольку именно данные действия служат важной гарантией соблюдения прав и свобод участников уголовного судопроизводства.

Качество и правильность оформления влияет также и на принятие данных документов прокурором или судом, то есть именно соблюдение требований по процессуальному оформлению документов является важной составляющей для допустимости данных доказательств по уголовному делу. Поскольку деятельность по доказыванию включает в себя собирание, проверку и оценку доказательств, следовательно, каждое из данных действий должно быть процессуально задокументировано.

Процесс собирания доказательств – первый этап работы с ними. Он подразумевает под собой производство следственных и судебных действий, то есть допросов, очных ставок, предъявления для опознания и т.д. Например, сам допрос, его ход и результаты оформляются протоколом допроса. Данный документ является процессуальным, поэтому важным является соблюдение правил заполнения данного документа. Протоколом оформляется и очная ставка, предъявление для опознания, а также ряд иных следственных действий. Составление протокола следственных действий должно соответствовать всем процессуальным требованиям.

Следующий этап работы с доказательствами – это их проверка, которая заключается в ряде действий по сопоставлению их с другими доказательствами, имеющимися в материалах уголовного дела, установление их источников, а также получение иных доказательств, являющихся подтверждающими или опровергающими проверяемое доказательство [2, с. 101].

Проверка доказательств сотрудниками уголовно-исполнительной системы так же может проходить посредством следственных и иных процессуальных действий, оформляемых протоколом, направления запросов и т.д. В любом случае, любое из данных действий имеет официальное закрепление в процессуальном законе, а протокол или иной документ приобщается к материалам уголовного дела или материалу проверки сообщения о преступлении.

Следующий этап работы с доказательствами подразумевает их оценку. Оценка доказательств состоит из мыслительной логической деятельности по определению относимости, допустимости, достоверности и достаточности доказательств для принятия того или иного процессуального решения. Само оценивание полученных и собранных доказательств по конкретному уголовному делу или материалу проверки сообщения о преступлении представляет собой изучение процессуальных документов, фиксирующих определенные мероприятия или действия сотрудников уголовно-исполнительной системы, свидетельствующих о наличии либо отсутствии события преступления. Решение, принятое в результате оценки доказательств, также имеет свою процессуальную форму и на начальных этапах выражается в рапорте об обнаружении признаков преступления, постановлении о передаче сообщения я по подследственности, постановлении об отказе в возбуждении уголовного дела.

Производимые сотрудниками уголовно-исполнительной системы действия, производимые в рамках уголовного дела или материала проверки по собиранию, проверке и оценке доказательств выражаются не только в познании сущности собранных данных, их относимости к определенному источнику, но и выражаются в процессуальной форме. Данный критерий является обязательным для всех следственных и иных мероприятий, производимых с целью получения и обработки собранных доказательств.

Таким образом, процессуальное документирование присутствует на всех стадиях уголовно-процессуального доказывания. Все действия, производимые сотрудниками уголовно-исполнительной системы в рамках собирания, проверки и оценки доказательств должны иметь свое официальное закрепление. Именно от профессионализма сотрудников органов и учреждений ФСИН России при документировании преступной деятельности зависит состояние законности на территории исправительных учреждений. Грамотное и своевременное уголовно-процессуальное документирование позволит предупредить совершение новых преступлений в местах лишения свободы.

Список источников

1. Егорова Е.В. Доказательства и доказывание в судебной практике по уголовным делам : практическое пособие / Е.В. Егорова, Д.А. Бурька. – 3-е изд. – М.: Издательство Юрайт, 2023. – 315 с. [Электронный ресурс] // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. – URL: <https://urait.ru/bcode/515539> (дата обращения: 10.01.2023).
2. Бахмадов Б.Д. Субъекты доказывания в уголовном процессе // Право и практика. – 2021. – №3. – С. 98-102.

© П.Д. Кривова, 2023

УДК 343.14

ПРОЦЕССУАЛЬНАЯ СУЩНОСТЬ И ДОКАЗАТЕЛЬСТВЕННОЕ ЗНАЧЕНИЕ ЗАКЛЮЧЕНИЯ И ПОКАЗАНИЙ СПЕЦИАЛИСТА В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

КИРЕЕВА ЕЛИЗАВЕТА АЛЕКСАНДРОВНА

студент 5 курса, учебной группы 3118С
институт управления и комплексной безопасности
Академия Государственной противопожарной службы МЧС России

*Научный руководитель: Осипова Наталья Геннадьевна
ст. преподаватель кафедры уголовного и гражданского права и процесса
ИУиКБ Академия Государственной противопожарной службы МЧС России*

Аннотация: в данной статье исследуются проблемные аспекты оценки заключения и показания специалиста как доказательства в уголовном процессе, обосновывается необходимость изменения норм Уголовно-процессуального кодекса касательно получения и использования данного вида доказательств, проводится сравнительный анализ доказательственного значения заключения специалиста и заключения эксперта.

Ключевые слова: специалист; эксперт; заключение специалиста; заключение эксперта; доказательство; уголовный процесс.

THE PROCEDURAL ESSENCE AND EVIDENTIARY VALUE OF THE CONCLUSION AND TESTIMONY OF A SPECIALIST IN CRIMINAL PROCEEDINGS

Kireeva Elizaveta Alexandrovna

Scientific adviser: Osipova Natalya Gennadijevna

Abstract: this article examines the problematic aspects of evaluating the conclusion and testimony of a specialist as evidence in criminal proceedings, justifies the need to change the norms of the Code of Criminal Procedure regarding the receipt and use of this type of evidence, conducts a comparative analysis of the evidentiary value of the expert's conclusion and the expert's conclusion.

Key words: specialist; expert; specialist opinion; expert opinion; evidence; criminal proceedings.

В настоящее время, в связи с развитием современных технологий, значительно возрастает значение использования специальных знаний в уголовном процессе. Чтобы сделать процедуру доказывания эффективнее и проще, Федеральным законом от 04.07.2003 № 92-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» был введен новый источник доказательств, получивший правовую регламентацию - показания и заключение специалиста.

Законодатель уделяет определенное внимание использованию специальных знаний, но тем не менее в настоящее время существует ряд проблем, возникающих в сфере их реализации при осу-

ществлении уголовного судопроизводства. Весьма спорными остаются вопросы признания их допустимыми и относимыми доказательствами. В законе даны определения показаний и заключений специалиста, но нет конкретных требований, которым они должны отвечать, в отличие от заключений эксперта.

В соответствии с ч. 3 ст. 80 Уголовно-процессуального кодекса РФ: заключением специалиста является представленное в письменном виде суждение по вопросам, поставленным перед специалистом сторонами.

Некоторые авторы полагают, что заключение специалиста представляет собой отражение его собственного мнения, логики и научного опыта, что не является сведениями о фактах, которые определяют понятие доказательств в УПК РФ, и, следовательно, оно не может иметь доказательственного значения. В их числе В.И. Зажицкий, который считает, что: «Сведения, как объективную основу любого доказательства, нельзя заменить никакими логическими суждениями, мнениями или умозаключениями, сколь бы привлекательными они не были. Заключение специалиста представляет собой источник результатов мыслительных, логических действий человека, а не сведений как объективных отражений обстоятельств совершенного преступления» [9, с. 58].

Иной позиции придерживается Т.Ю. Маркова: «Несмотря на то что согласно нормам УПК РФ вещественные доказательства и заключение эксперта - это не сведения, а предметы и выводы (соответственно), никто не оспаривает их доказательственного значения: и вещественные доказательства, и заключение эксперта используются в качестве доказательств по уголовным делам» [12, с. 13]. Анализируя данную позицию, можно сделать вывод, что Уголовно-процессуальный кодекс раскрывает не только понятие доказательств, но и выделяет их виды, в число которых входят показания участников уголовного процесса, вещественные доказательства, заключение эксперта. Таким образом, вещественными доказательствами по ст. 81 УПК РФ являются предметы, которые могут помогать в обнаружении преступления и установлении его обстоятельств, что также по их дефиниции не является сведением о фактах. Поэтому наличие в определении заключения специалиста слова «суждения» не должно свидетельствовать о невозможности признания его доказательством.

Несмотря на противоречия во мнении, на сегодняшний день заключения и показания специалиста все-таки регламентированы как доказательства по уголовному делу. В соответствии с законом, они должны проверяться на допустимость, относимость и достоверность, как и любой другой вид доказательств.

Существенным недостатком является отсутствие в Уголовно-процессуальном кодексе ответственности специалиста за дачу заведомо ложного заключения. Как показывает судебная практика, из-за этого аспекта судьи нередко не признают доказательством заключение специалиста. Так, председательствующий Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации отказал в удовлетворении ходатайства стороны защиты о приобщении к материалам дела заключения специалиста, поскольку при даче заключения специалист не предупреждался об уголовной ответственности за дачу заведомо ложного заключения. В том числе, Судебная коллегия отметила, что заключение специалиста не может подменить заключение эксперта [15].

Знания специалиста выходят за пределы общеизвестной информации, что делает проверку заключения затруднительной. Прокурор, следователь, дознаватель или суд вследствие отсутствия специальных знаний полагаются на мнение и опыт специалиста. Заведомо ложное заключение может серьезно повлиять на исход дела и с большой вероятностью приведет к нарушению прав и законных интересов граждан, юридических лиц или государства. Именно поэтому необходимо закрепить в законе уголовную ответственность за дачу заведомо ложного заключения специалиста, как минимум, в целях повышения его личной ответственности.

Нужно учесть, что оценке с точки зрения относимости такого доказательства, как заключение специалиста, мешает отсутствие в законодательстве требований к его содержанию и форме. Ученые считают, что этот нерешенный вопрос законодательства связан с тем, что заключение специалиста относительно новый вид доказательства. В.Ф. Орлова полагает, что: «Структура заключения специалиста должна отличаться от структуры заключения эксперта, которая определена ст. 204 УПК РФ. В заключении специалиста не должно быть исследовательской части, и кроме установочных данных, оно

должно содержать вопросы, которые специалист должен разъяснить, ответы на них и обязательно их обоснование» [13, с. 8]. Следует согласиться с позицией автора и сделать вывод о том, что заключение специалиста должно состоять из вводной, мотивировочной и заключительной частей. Мотивировочная часть не должна содержать исследований, а только аргументированные ответы на поставленные вопросы, в которых специалист выражает свое суждение и мнение.

В целях проверки заключения или для дачи разъяснения по его содержанию специалист может быть вызван на допрос, который проводится по общим требованиям как допрос свидетеля. В данном случае специалист предупреждается об уголовной ответственности по ч. 1 ст. 307 УПК РФ и сформировывается еще один вид доказательства - показания специалиста.

Однако в главе 37 УПК РФ не предусмотрен порядок допроса специалиста как самостоятельного участника процесса, несмотря на то, что допрос данного лица и свидетеля имеет разные цели. Как правило, специалист высказывает собственное мнение на основе специальных знаний, не являющихся всеизвестными, следовательно, другие участники уголовного судопроизводства ими не обладают. А свидетель при даче показаний основывается на личном восприятии обстоятельств преступления (или иных обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела). Следовательно, нецелесообразно проводить допрос специалиста как свидетеля, так как эти участники процесса имеют разные права, обязанности, ответственность и природу формирования информации для дачи показаний на допросе. Такого же мнения придерживается Р.П. Коблев, который считает, что такое лицо, как специалист, привлеченный к участию в уголовном деле в соответствии с ч. 3 ст. 80 УПК РФ, не отвечает признакам свидетеля по смыслу ст. 56 УПК РФ. «Поскольку гл. 37 УПК РФ не регламентирует порядок допроса специалиста, то повсеместно суды допрашивают приглашенного защитой специалиста по правилам допроса свидетеля с разъяснением прав и ответственности свидетеля. Соответственно, по результатам судебного следствия в материалах дела отсутствует такое доказательство защиты, как показания специалиста» [10, с. 38]. Таким образом, весьма актуальным остается вопрос о законодательном закреплении в УПК РФ допроса специалиста как отдельного участника уголовного процесса.

Заключение и показания специалиста совершенствуют возможности в доказывании по уголовному делу, позволяют следователю, дознавателю и суду назначать проведение судебной экспертизы только в необходимых случаях, когда невозможно ограничиться участием специалиста. Однако, далеко не всегда удается приобщить данное заключение к материалам дела, а если оно и приобщается, то, как правило, не рассматривается как значимое доказательство. В силу того, что эксперт предупреждается об уголовной ответственности за дачу заведомо ложного заключения, а специалист нет, суды часто не принимают во внимание заключение специалиста.

Так, например, в соответствии с Приговором суда: «Представленное стороной защиты заключение специалиста не может быть положено в основу приговора в качестве надлежащего и достоверного доказательства, поскольку это лишь мнение специалиста, который высказал свое суждение по поставленным перед ним вопросам, является попыткой стороны защиты поставить под сомнение выводы судебно-медицинских экспертов, носит предположительный и только рецензирующий характер с целью отыскания недостатков экспертного исследования, опровергается приведенными выше заключениями экспертов, которые признаны судом допустимыми доказательствами» [16].

В настоящее время из Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2010 N 28 (ред. от 29.06.2021) "О судебной экспертизе по уголовным делам" исключен п. 20, который гласил: «Обратить внимание судов на то, что заключение и показания специалиста даются на основе использования специальных знаний и, также как заключение и показания эксперта в суде, являются доказательствами по делу». До 2021 года данный пункт разъяснял судам, что нужно принимать во внимание заключение и показания специалиста, а также относиться к ним как и к любым другим доказательствам, в том числе как и к заключению эксперта. Сейчас же, как показывает практика, судьи не придают этому должного значения. Именно поэтому немаловажным и актуальным является возвращение данного пункта в указанное Постановление Пленума Верховного Суда РФ [5] или введение аналогичного пункта, для разъяснения судам доказательственного значения заключения и показаний специалиста и устранения противоречий.

Конечно, природа деятельности эксперта и специалиста несколько различна, потому что в результате деятельности эксперта возникает новое доказательство, а в результате деятельности специалиста он дает толкование уже изложенным и имеющимся фактам. Но важно учитывать, что аргументированное и логическое суждение специалиста способно положительно повлиять на исход уголовного дела, отсеять ненужные доказательства или помочь обнаружить новые, что является очень важным в расследовании преступлений.

К примеру, технический специалист, готовящий заключение о причине пожара, помогает следователю или дознавателю не упустить важные детали, в связи с отсутствием у них специальных знаний. Он обращает внимание на предметы и факты, имеющие значение для расследования, в результате чего появляются новые доказательства, которые не были бы приобщены к делу без его помощи. Из этого можно сделать вывод, что заключение специалиста должно иметь доказательственное значение и исследоваться в совокупности с иными доказательствами.

Согласно ч. 2 ст. 17 УПК ни одно из доказательств не имеет заранее установленной силы, то есть судья должен выбирать из доказательств то, что имеет значение по делу. В данном случае заключение и показания специалиста также является одним из доказательств, которое может применяться судом.

Когда специалист делает заключение по готовой судебной экспертизе, он должен обосновать те пробелы и неясности, которые были допущены в заключении эксперта. Как правило, в экспертизе могут быть погрешности, которые специалист может увидеть, например: нарушение процессуальных норм, отсутствие внутренней причинно-следственной связи между явлениями, а также погрешности в методике, потому что каждый метод имеет свою чувствительность и специфичность. Специалист может указать на некие неточности экспертизы, в результате чего появятся две точки зрения, что, в свою очередь, покажет равноправие сторон в процессуальном плане, т.е. любой имеет право высказать свое мнение, а суд уже решит где истина. Это должно положительно сказываться на правильности применения решения.

Закон предоставляет право защитнику привлекать специалиста для разъяснения вопросов, входящих в его профессиональную компетенцию, но не закрепляет порядок его привлечения. Также, в статье 58 УПК нет конкретизации, что специалист может привлекаться защитником для дачи заключения. В связи с этим, при оценке заключения специалиста его нередко признают недопустимым, аргументируя тем, что оно получено непроцессуальным способом и в интересах адвоката, стороны защиты, оплачивающей его услуги.

Еще одним важным аспектом является отсутствие в УПК РФ регламентированного перечня документов, которыми специалист должен подтверждать свою компетенцию, что зачастую приводит к признанию показаний и заключения специалиста недопустимыми доказательствами.

Обычно не возникает сомнений в наличии специальных знаний у аттестованного работника государственного судебно-экспертного учреждения, если он привлекается в качестве специалиста по делу. В данном случае должность эксперта может занимать только лицо с высшим или средним профессиональным образованием, получившее дополнительное образование по узконаправленной (конкретной) специальности, не реже одного раза в пять лет подтверждающее уровень своей квалификации. Иная ситуация, если для участия в производстве по уголовному делу привлекается специалист, не занимающий должность в государственном экспертном учреждении, но также обладающий специальными знаниями.

Как показывает судебная практика, заключение государственного эксперта в силу его должностного положения и, следовательно, подтвержденной профессиональной компетенции имеет большее доказательственное значение, в отличие от заключения специалиста. Так, в соответствии с приговором суда по уголовному делу возбужденному по ст. 168 УК РФ, суд не придал доказательственного значения заключению специалиста, представленного стороной защиты, поскольку его опровергают проведенные по делу заключения экспертов [17]. Однако, специалист, предоставивший заключение, работает на кафедре пожарно-технической экспертизы в образовательной организации, кандидат химических наук, доцент, что не было учтено судом. Также, заключение специалиста было аргументировано ссылками на научную литературу, подтверждалось различными расчетами, фототаблицами, а вывод носил

категорический характер. А вот в заключении эксперта отсутствовали расчеты, была использована типовая методика исследования доказательств, вывод был сделан в вероятностной форме, или иными словами носил предположительный характер. В данном случае заключение специалиста было более аргументированным и весомым с точки зрения компетенции, нежели заключение эксперта, но суд не принял его во внимание. Именно поэтому пробел в законодательстве в виде отсутствия перечня документов, подтверждающих профессиональную компетенцию специалиста, требует нормативного восполнения.

На основании вышеизложенного можно сделать вывод о том, что несмотря на правовую регламентацию, заключение и показания специалиста не всегда расцениваются как полноценное доказательство. Причиной тому служит несовершенство норм УПК РФ, а именно:

1. Отсутствие в законодательстве требований к содержанию и форме заключения специалиста;
2. Специалист не привлекается к уголовной ответственности за дачу заведомо ложного заключения;
3. Не закреплен порядок привлечения специалиста по ходатайству защитника;
4. Не регламентирован порядок допроса специалиста в ходе досудебного и судебного производства;
5. Отсутствие в законодательстве перечня документов, необходимых для подтверждения профессиональной компетенции специалиста.

Изменения действующего законодательства будут содействовать единообразному правоприменению уголовно-процессуальных норм, устранят противоречия, касательно допустимости, относимости и достоверности заключения и показаний специалиста, разрешит множество вопросов и споров о том, можно ли считать их доказательствами.

Список источников

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 01.07.2020 N 11-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ, 01.07.2020, N 31, ст. 4398
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 29.12.2022) // Собрание законодательства Российской Федерации N 25, 17.06.1996, ст.2954.
3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 №174-ФЗ (в ред. от 29.12.2022) // Собрание законодательства Российской Федерации N 52, 24.12.2001, ст.4921.
4. Федеральный закон от 31.05.2002 N 63-ФЗ (ред. от 31.07.2020, с изм. от 10.11.2022) "Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации" (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.03.2022) // СПС КонсультантПлюс [Электронный ресурс].
5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2010 N 28 (ред. от 29.06.2021) "О судебной экспертизе по уголовным делам" // СПС КонсультантПлюс [Электронный доступ].
6. Барыгина, А. А. Доказывание в уголовном процессе: оценка отдельных видов доказательств : учебное пособие для вузов / А. А. Барыгина. — Москва : Издательство Юрайт, 2019. — С.277.
7. Добровлянина, О. В. Понятие специалиста и формы его участия в досудебном уголовном процессе [Текст] / О. В. Добровлянина // Пермский юридический альманах. — 2018. — С. 425 – 432.
8. Доля, Е. А. О собирании и формировании доказательств по УПК РФ // Новый Уголовно-процессуальный кодекс России в действии: материалы круглого стола. М., 2017.- С.356.
9. Зажицкий В.И. Заключение и показания специалиста в системе доказательственного права // Российская юстиция. 2007. № 9. - С. 58.
10. Коблев Р. П. Заключение специалиста как доказательство защиты: сложности для адвокатов / Р. П. Коблев // Уголовный процесс. — Москва, 2017, № 6. —С. 44-49.
11. Манова Н. С., Францифоров Ю. В. Уголовный процесс. Учебное пособие. — М.: Юрайт, 2020. — С.244 .
12. Маркова Т.Ю. Заключение специалиста – доказательство в уголовном судопроизводстве? // Уголовное судопроизводство. – М.: Юрист, 2010, №2. – С.16.

13. Орлова В.Ф. Проблемы применения обновленного законодательства в области судебной экспертизы / В.Ф. Орлова // Сб. «Актуальные проблемы теории и практики судебной экспертизы». Доклады и сообщения на международной конференции «Восток-Запад: партнерство в судебной экспертизе». — Москва - Нижний Новгород, 2004. — С. 8.

14. Чичканов, А. Б. Принцип состязательности в уголовном судопроизводстве // Правоведение. 2020. № 4. С. 120-131.

15. Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 07.12.2021 N 19-УД21-30сп-А3 // СПС КонсультантПлюс [Электронный ресурс]

16. Приговор Щучанского районного суда № 1-5/2021 1-96/2020 от 22 марта 2021 г. по делу № 1-5/2021 // Судебные и нормативные акты РФ : официальный сайт. - URL: <https://sudact.ru/regular/doc/Yk3RctJeyLVX/>

17. Постановление Куйбышевского районного суда г. Иркутска от 28 февр. 2017 г. N 10-2/2017 по делу N 10 2/2017 // Судебные и нормативные акты Российской Федерации: сайт. URL: <https://sudact.ru>

УДК 343.846

МЕРЫ РЕАБИЛИТАЦИИ И ПОМОЩЬ В СОЦИАЛЬНОЙ АДАПТАЦИИ ОСУЖДЕННЫМ, ОСВОБОЖДЕННЫМ ОТ НАКАЗАНИЯ В СВЯЗИ С БОЛЕЗНЬЮ

МАТРОСОВА АНАСТАСИЯ ЕВГЕНЬЕВНА

магистрант

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации» Ивановский филиал

Научный руководитель: Годунов Олег Иванович

к.ю.н., и.о. заведующего кафедры административного права, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации» Ивановский филиал

Аннотация: В статье изучены особенности социальной реабилитации осужденных, освобожденных от наказания в связи с болезнью. Выявлено, что в настоящее время отсутствуют законодательно закрепленные специальные меры, направленные на ресоциализацию такой категории освобожденных осужденных, в связи с чем, сформулированы предложения по внесению изменений в отечественное уголовно-исполнительное законодательство.

Ключевые слова: осужденные, болезнь, освобождение от наказания, реабилитация, социальная адаптация.

Abstract: The article studies the peculiarities of social rehabilitation of convicts released from punishment due to illness. It is revealed that at the present time there are no legislated special measures aimed at resocialization of such category of released convicts, in this connection proposals for changes in the domestic criminal-executive legislation are formulated.

Keywords: convicts, illness, release from punishment, rehabilitation, social adaptation.

Вопросы социальной реабилитации (ресоциализации) осужденных являются одним из важнейших элементов государственной уголовной политики. Урегулировав помощь осужденным, освобождаемым от отбывания наказания, в гл. 22 УИК РФ [1], законодатель не предусмотрел никаких специальных мер по ресоциализации освобождаемых от наказания в связи с болезнью.

Так, на администрацию исполняющего наказания учреждения возложены обязанности, предусмотренные ч.ч. 2, 3 ст. 180 УИК РФ, детализированные в Инструкции об оказании содействия в трудовом и бытовом устройстве, а также оказании помощи осужденным, освобождаемым от отбывания наказания в исправительных учреждениях уголовно-исполнительной системы (далее - Инструкция) [2]. В таблице 1 представлены меры социальной помощи, которые могут быть применены к осужденным, освобождаемым от наказания в связи с болезнью.

Таблица 1

Меры социальной помощи осужденным, освобождаемым от наказания в связи с болезнью

Нормативно-правовой акт	Меры социальной помощи
ч.ч. 2,3 ст. 180 УИК РФ	<ul style="list-style-type: none"> • проведение воспитательной работы с осужденными в целях подготовки их к освобождению и разъяснение их прав и обязанностей; • направление в организации социального обслуживания, предоставляющие социальные услуги в стационарной форме
Инструкция об оказании содействия в трудовом и бытовом устройстве, а также оказания помощи осужденным, освобождаемым от отбывания наказания в исправительных учреждениях уголовно-исполнительной системы	<ul style="list-style-type: none"> • проведение беседы с каждым осужденным, в процессе которой выясняется, где он намерен проживать, работать или учиться после освобождения из мест лишения свободы, есть ли связь с родственниками, характер взаимоотношений с ними, его жизненные планы, готовность к обеспечению жизнедеятельности на свободе, с разъяснением ему целесообразности возвращения на место постоянного проживания и на предприятие, где он работал до осуждения; • проведение занятий с освобождающимися осужденными в «Школе подготовки осужденных к освобождению»

В качестве примера тематики «Школы подготовки осужденных к освобождению» можно привести следующее:

- «Требования, предъявляемые к законопослушному гражданину, проблемы межличностного общения» [5];
- «Информация об услугах, предоставляемых Центром занятости населения и методах поиска работы и ориентации на рынке труда» [6].

Безусловно, указанные беседы и занятия имеют исключительную важность. Однако для осужденных, освобождаемых от наказания, не менее важными являются медицинские консультации, разъясняющие особенности течения болезни, необходимость дальнейшего лечения и его специфики. К сожалению, на настоящий момент данные меры ни законом, ни подзаконными актами не предусмотрены.

Не понятны причины, ввиду которых положения закона и инструкции не были распространены на лиц, освобождаемых от наказания в связи с болезнью. Необходимо устранить данный пробел закона и включить в перечень лиц, которые могут быть направлены в организации социального обслуживания, предоставляющие социальные услуги в стационарной форме, рассматриваемую категорию осужденных.

Ранее острым являлся вопрос о дальнейшем лечении рассматриваемой категории осужденных. Нормативно никак не было закреплено даже дальнейшее лечение осужденных, освобождаемых от наказания в связи с инфекционным заболеванием. Однако вопрос был решен путем дополнения ст. 180 УИК РФ частью 6.

Кроме указанных мер социальной реабилитации законом предусмотрены и иные, к примеру, указанные в ст. 181 УИК РФ. Однако закон не предусматривает такой важной меры, как обеспечение осужденного необходимым запасом лекарственных средств на то время, которое займет проезд к месту жительства. Представляется, что указанный пробел должен быть устранен.

Предусмотренное в ст. 182 УИК РФ право освобождаемых осужденных на трудовое и бытовое устройство и получение других видов социальной помощи в соответствии с законодательством РФ и нормативно-правовыми актами также раскрыто в Инструкции: порядок содействия, направление соответствующих запросов в государственные органы, писем в службу занятости и т.д., установление связи с родственниками и др.

При этом, следует отметить отсутствие сегодня в России единой политики ресоциализации осужденных в целом, и освобожденных от наказания в связи с болезнью в частности. Освобождение осужденных влечет за собой прекращение уголовно-исполнительных правоотношений и возникновение целого комплекса других (постпенитенциарных) правоотношений, которые соответственно регулируются и иными отраслями права, что позволяет говорить о необходимости специального законодательства.

В апреле 2022 г. на общественное обсуждение представлен проект Федерального закона «О пробации в Российской Федерации» [3]. Как представляется, реализация законодательного регулиро-

вания постпенитенциарных отношений по ресоциализации осужденных предполагается на трех уровнях власти (рис. 1).

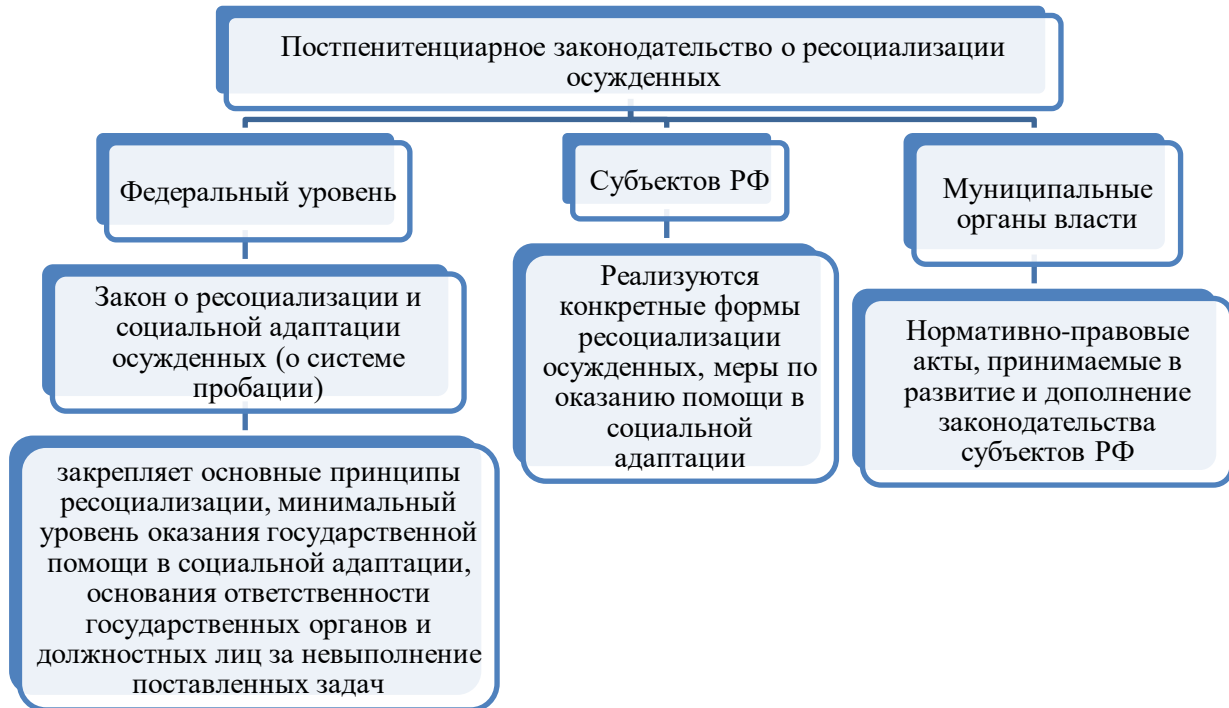

Рис. 1. Постпенитенциарное законодательство о ресоциализации осужденных

При этом, можно выделить ряд ключевых вопросов, которые должны быть решены в процессе сопровождения осужденных, освобожденных от наказания в связи с болезнью (рис. 2).

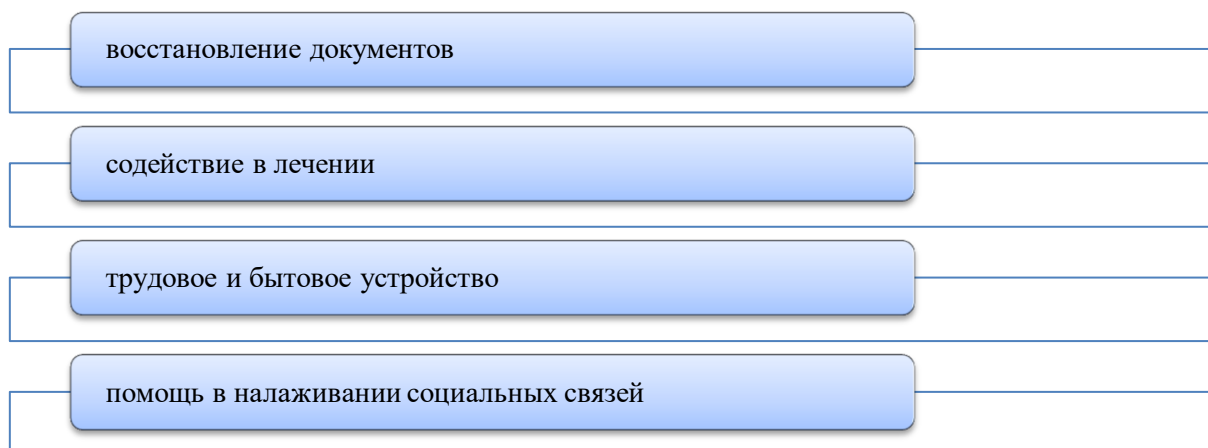

Рис. 2. Постпенитенциарное законодательство о ресоциализации осужденных

В связи с этим, требуется законодательное закрепление обязанности соответствующих государственных органов по незамедлительному решению вышеназванных вопросов.

Подводя итог вышесказанному, необходимо констатировать, что на настоящий момент уголовно-исполнительным законодательством не устанавливаются специальные меры, направленные на ресоциализацию осужденных, освобождаемых от наказания в связи с болезнью. Как справедливо отмечает

О.В. Макарова, законодатель, проявляя гуманизм и освобождая осужденных от отбывания наказания в местах лишения свободы в связи с болезнью, фактически не решает проблем, связанных с их дальнейшим лечением и содержанием на свободе [4, с. 175].

Исследование особенностей социальной реабилитации осужденных, освобожденных от наказания в связи с болезнью, показало, что в настоящее время законодатель не предусмотрел специальных мер по ресоциализации такой категории освобожденных осужденных. Так, не предусмотрены медицинские консультации, разъясняющие особенности течения болезни, необходимость дальнейшего лечения и его специфики; не предоставлена возможность направления таких освобождаемых осужденных в организации социального обслуживания, предоставляющие социальные услуги в стационарной форме; не закреплено обеспечение осужденного необходимым запасом лекарственных средств на то время, которое займет проезд к месту жительства; нет специального законодательства, регулирующего постпенитенциарные правоотношения.

Вышесказанное позволяет сформулировать ряд конкретных предложений по внесению изменений в УИК РФ:

1) в ч. 2.2 ст. 180 УИК РФ закрепить обязанность администрации исполняющего наказание учреждения, организовать медицинские консультации для осужденных, освобождаемых от наказания в связи с болезнью;

2) включить рассматриваемую категорию, в перечень лиц, которые могут быть направлены в организации социального обслуживания, предоставляющие социальные услуги в стационарной форме (ч. 3 ст. 180 УИК РФ);

3) в ч. 1.1 ст. 181 УИК РФ предусмотреть обеспечение осужденных, освобождаемых от наказания в связи с болезнью, необходимым запасом лекарственных средств на то время, которое займет проезд к месту жительства;

4) сформировать постпенитенциарное законодательство о ресоциализации осужденных на федеральном, региональном и муниципальном уровнях.

Список источников

1. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 8 января 1997 г. № 1-ФЗ (ред. от 29.12.2022) // Собрание законодательства РФ. – 1997. - № 2. - Ст. 198.

2. Об утверждении Инструкции об оказании содействия в трудовом и бытовом устройстве, а также оказании помощи осужденным, освобождаемым от отбывания наказания в исправительных учреждениях уголовно-исполнительной системы: приказ Минюста РФ от 13 января 2006 г. № 2 (ред. от 26.12.2019) // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. - 2006. - № 7. - С. 10-13.

3. О пробации в Российской Федерации: проект Федерального закона № 232770-8 (текст по состоянию на 04.04.2022) // Система обеспечения законодательной деятельности. – URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/232770-8> (дата обращения: 01.02.2023).

4. Макарова О.В. О практике рассмотрения судами ходатайств осужденных об освобождении от наказания в связи с болезнью // Комментарий судебной практики. Выпуск 24. Отв. ред. К.Б. Ярошенко. - М., 2019. – С. 168-178.

5. В ФКУ ЛИУ-4 УФСИН России по Республике Карелия психологом учреждения проведены занятия в рамках «Школы подготовки осужденных к освобождению» // Официальный сайт ФСИН. – URL: https://fsin.gov.ru/news/detail.php?ELEMENT_ID=427522&sphrase_id=1203692 (дата обращения: 29.01.2023).

6. Осужденным исправительной колонии №12 рассказали об услугах центра занятости населения // Официальный сайт ФСИН. – URL: https://fsin.gov.ru/news/detail.php?ELEMENT_ID=226534&sphrase_id=1203692 (дата обращения: 29.01.2023).

УДК 343.352

ПОНЯТИЕ И ХАРАКТЕРИСТИКА КОРРУПЦИИ В СИСТЕМЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ

МУСАЕВ ЭЛВАР

студент

ФКОУ ВО «Самарский юридический институт ФСИН России»

*Научный руководитель: Озёрский Сергей Владимирович**кандидат физико-математических наук, доцент**ФКОУ ВО «Самарский юридический институт ФСИН России»*

Аннотация: В статье рассматриваются понятие и характеристика коррупции и связанных с ней преступных проявлений среди государственных служащих в Российской Федерации. При исследовании этимологического значения понятия «коррупция» представлены взгляды разных ученых. Сделан вывод о том, что коррупция – это явление, которое разрушает стабильность всех сфер общественной жизни государства.

Ключевые слова: коррупция, государственная служба, должностное лицо, антикоррупционная деятельность.

THE CONCEPT AND CHARACTERISTICS OF CORRUPTION IN THE PUBLIC SERVICE SYSTEM

Musaev Elvar*Scientific adviser: Ozersky Sergey Vladimirovich*

Abstract: The article discusses the concept and characteristics of corruption and related criminal manifestations among civil servants in the Russian Federation. In the study of the etymological meaning of the concept of "corruption", the views of different scientists are presented. It is concluded that corruption is a phenomenon that destroys the stability of all spheres of public life of the state.

Keywords: corruption, public service, official, anti-corruption activity.

Исследуя этимологическое значение понятия «коррупция», отметим, что данное понятие широко используется в современной научной и общественно-политической литературе. Ученые придерживаются разных взглядов при её изучении.

Советский юрист А.Я. Эстрин определяет коррупцию как «взяточничество и коррумпированность государственных чиновников, должностных лиц, общественных и политических деятелей».

Доктор философских наук В.А. Шабалин считает, что «коррупция – это девиантное политическое поведение, проявляющееся в незаконном использовании государственных ресурсов правящей политической элитой для укрепления своей власти или обогащения».

Специалист в области уголовного права В.С. Комиссаров отмечает, что «коррупция является использованием своей власти в корыстных целях для управления интересами субъектов службы».

По словам Г.Н. Борзенкова, коррупция предполагает развал административной власти, основанный на использовании служебного положения чиновников в корыстных целях.

Федеральный закон № 273-ФЗ от 25 декабря 2008 года «О противодействии коррупции» занимает центральное место в библиотеке антикоррупционных инструментов на всех уровнях. В нем подро-

но определяются правовые основы борьбы с коррупцией, рассматриваются различные инструменты и принципы борьбы с коррупцией, а также меры по предотвращению коррупционных деяний.

Данный закон также рассматривает ограничения в отношении лиц, занимающих государственные должности, государственных предприятий, компаний публичного права и других организаций, созданных в соответствии с федеральным законом. Отличительной особенностью данного закона является то, что в нем четко оговаривается, что организации обязаны принимать меры по предотвращению коррупции.

Коррупция на российской государственной службе скрывает в себе существенную опасность для безопасности деятельности государственной власти, препятствует развитию экономики государства, а также приводит к уменьшению конкурентоспособности.

Благодаря пониманию форм коррупции на государственной службе можно определить, претерпела ли государственная служба даже незначительные изменения в легитимности в ходе своей деятельности.

Поэтому, в дополнение к общему изучению природы коррупции, необходимо также отдельно рассмотреть её выражение в системе государственной службы. На мой взгляд, коррупция в государстве будет существовать до тех пор, пока власти будут иметь право использовать служебные полномочия, не входящие в их должностные обязанности.

Это может выражаться в бюджетных средствах, государственной или муниципальной собственности, государственных заказах или льготах.

Если же лишить государственных служащих возможности назначения, то весь особый порядок систематизации получения услуг утратит свое значение, так как только они имеют право принимать решения и совершать действия, которые приводят к коррупционным отношениям. Следует рассмотреть более подробно некоторые преступные деяния коррупционной направленности, связанные со сферой государственной службы в России.

Среди них: получение взятки (статья 290 УК РФ), взяточничество (статья 291 УК РФ), злоупотребление должностными полномочиями (статья 285 УК РФ), незаконное участие в предпринимательской деятельности (статья 285 УК РФ), а также конфликт личных интересов (статья 285 УК РФ).

Получение взятки – должностное лицо, принимающее взятку лично или через посредника, принимающее взятку в виде денег, ценных бумаг, другого имущества или материальных интересов, с целью совершения действий, выгодных получателю взятки или лицу, которое он представляет, если они охватывают всю область государственных полномочий должностного лица, или он может способствовать таким действиям в силу своего официального статуса, а также общего спонсорства или попустительства службы [1, с. 254].

Взяточничество, чаще всего, проявляется в форме передачи и получения взяток отдельными государственными служащими в виде различных материальных ценностей или оказания услуг.

Посредством подкупа цель человека состоит в том, чтобы получить соответствующие выгоды для себя или лица, которое он представляет. В то же время он отдает себе отчет в том, что должностное лицо, принимающее взятку, может или должно предпринять соответствующие действия на службе или, наоборот, не должно предпринимать тех мер, которые должны были быть приняты в соответствующей ситуации.

Злоупотребление властью относится к использованию должностными лицами служебных полномочий против интересов государственных органов, если такое поведение мотивировано эгоизмом либо иными интересами, нарушающими права и законные интересы граждан или организаций, интересы общества или государства, защищаемые законодательством.

Чрезмерное использование служебного положения может проявляться в виде незаконных приказов подчиненным, непредоставления определенных данных, незаконных сделок и т.д. Существенный ущерб может быть понят как материальный ущерб.

Незаконное участие в предпринимательской деятельности напрямую связано с государственным должностным лицом, которое учреждает бизнес или принимает непосредственное участие в управлении бизнесом через посредника. В случае подобного отношения с предоставлением привилегий предприятию или финансированием в ином виде, это является нарушением запрета, предусмотренного законом.

Конфликт личных интересов относится к личным интересам человека, которые влияют на процесс принятия решений, тем самым нанося ущерб общественным интересам или организациям [2, с. 121].

Повсеместная коррупция стала серьезной проблемой в Российской Федерации. Это привело к замедлению экономического роста, фактически создало множество дополнительных налогов для бизнеса и значительно сократило все усилия страны по инвестированию в инфраструктуру и социальное обеспечение [3, с. 320]. Поэтому можно сказать, что коррупция – это явление, которое разрушает стабильность всех сфер общественной жизни.

На сегодняшний день, как никогда ранее, в условиях проведения специальной военной операции по освобождению Украины от нацизма, нам необходим комплекс мер, направленных на борьбу с коррупционной преступностью в государственной и муниципальной службе, а также на предотвращение коррупционных деяний государственных служащих.

Список источников

1. Андрианов В. Д. Коррупция как глобальная проблема. История и современность / В.Д. Андрианов – М.: Экономика, 2021. – 304 с.
2. Глазкова Л.В. Государственный чиновник. История коррупции в России. Монография / Л.В. Глазкова – М.: Проспект, 2020. – 725 с.
3. Кирпичников А. И. Взятка и коррупция в России / А.И. Кирпичников – М.: Альфа, 2019. – 350 с.

UDK 343.61

STUDY OF FOREIGN EXPERIENCE IN THE FRAMEWORK OF CRIMINAL LIABILITY FOR CAUSING DEATH BY NEGLIGENCE

SOBITOVA UMIDAXON MUROD QIZI

master's student

Tashkent State University of Law,

specialty: "Theory and practice of application of criminal law"

Аннотация: В данной научной статье рассмотрен зарубежный опыт касательно уголовно-правовой регламентации причинения смерти по неосторожности. Предметом исследования выступает уголовное законодательство Республики Узбекистан, предусматривающее ответственность за причинение смерти по неосторожности, обзор практики зарубежных стран и научная литература. Вместе с тем, значимость исследования заключается в полученных выводах, которые будут способствовать совершенствованию законодательной регламентации и правоприменительной деятельности, связанной с вопросами уголовной ответственности за причинение смерти по неосторожности. В этой связи, проведён сравнительный анализ по вопросам отграничения причинения смерти по неосторожности от смежных составов преступлений между уголовным законодательством Республики Узбекистан и уголовным законодательством зарубежных стран.

Ключевые слова: непредумышленное убийство, прецедент, «mens rea», провокация, простое убийство, грубая небрежность.

ИЗУЧЕНИЕ ЗАРУБЕЖНОГО ОПЫТА В РАМКАХ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПРИЧИНЕНИЕ СМЕРТИ ПО НЕОСТОРОЖНОСТИ

Собитова Умидахон Мурод кизи

Abstract: This scientific article examines foreign experience regarding the criminal law regulation of causing death by negligence. The subject of the study is the criminal legislation of the Republic of Uzbekistan, which provides for liability for causing death by negligence, a review of the practice of foreign countries and scientific literature. At the same time, the significance of the study lies in the conclusions obtained, which will contribute to the improvement of legislative regulation and law enforcement activities related to issues of criminal liability for causing death by negligence. In this regard, a comparative analysis was carried out on the issues of distinguishing death by negligence from related crimes between the criminal legislation of the Republic of Uzbekistan and the criminal legislation of foreign countries.

Keywords: involuntary manslaughter, precedent, «mens rea», provocation, simple murder, gross negligence.

Introduction

The mandatory and basic principle on which the entire legal system is built is legality. In this regard, in practice, this principle is ensured, first of all, by the correct application of the norms of the current legislation by state bodies and officials responsible for criminal proceedings.

Materials and methods of research

It is worth noting that the normative base of the study is: the Constitution of the Republic of Uzbekistan,

International documents, the Criminal Code of the Republic of Uzbekistan, normative legal acts of foreign countries, foreign literature on criminal law.

The methodological basis of this work consists of: the method of structural and functional analysis, dialectical, system-logical, comparative-legal and formal-legal research methods. Thanks to these research methods, the issue of causing death by negligence in the criminal legislation of foreign countries has been studied and the validity of the scientific article has been ensured.

Research results

Foreign experience has been studied regarding the criminal legal assessment of causing death by negligence, thoughts have been explained on actual examples from criminal practice in foreign countries, a comparative analysis has been carried out between domestic criminal legislation and the criminal legislation of such countries as: the Australian Union, the French Republic, the United States of America, the Republic of Austria, the United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland, The Republic of Belarus.

§ 1. The experience of the Australian Union and the United States of America

In accordance with the general criminal law of the Australian Union, there are two subspecies of manslaughter:

1. Voluntary manslaughter, which is a derivative that practically coincides with murder of the first and second degree, but with a reduced public danger due to additional circumstances. Moreover, these circumstances vary depending on the criminal law of a particular state or territory and include the following: 1) Provocation to murder (South Australia, New South Wales); 2) exceeding the limits of necessary self-defense or the defense of third parties due to the belief in the need for such an excess (New South Wales, South Australia, Victoria); 3) the death of another person in an unsuccessful suicide (New South Wales, South Australia, Victoria); 4) when performing work duties in a stressful situation (New South Wales, South Australia, Victoria; Wales). At the same time, in a number of states, for example, in South Australia, special compositions of such crimes can be qualified as premeditated murder, for example, if we are talking about exceeding the limits of the necessary defense when protecting real estate from encroachments.

2. Involuntary, that is, accidental, manslaughter are subspecies that are similar to Article 102 of the Criminal Code of the Republic of Uzbekistan, one of which includes the classic infliction of death due to criminal negligence, and the other – during the commission of a socially dangerous or illegal act that caused the death of a person [1, p. 123].

At the same time, the totality of signs of social danger and illegality, in other words, illegality, should be equal, and the requirement for the mandatory presence of a "mens rea" sign in a person's actions (more precisely, a prohibited state of mind, in other words, guilty will) is formally or not required at all.

Of course, to distinguish manslaughter, Australia is guided by the rationality of generally accepted judicial decisions on these categories of crimes, for example, *R v Daves* (1975) 60 Cr App R253; *People v McEoin* (1978) IR 27; *DPP v Camplin* (1978) 2 All ER 168, also among its own precedents, as an example, you can cite: *The Republic of Nauru v Eiberuken Namaduk* (1978), par. 5, which play an invaluable role in assessing the subspecies of the listed acts. In addition, in Australia, provocation to cause death is recognized as a sign of manslaughter [1, p. 124].

With regard to the United States of America, first of all, we note the absence of a unified system in criminal law. In this regard, only an analysis of the Criminal Code of the State of Texas will provide detailed information about the current state of US criminal law.

According to Article 19.04 of the Criminal Code of the State of Texas, "simple murder is recognized as the commission of an assault by a person and if it inadvertently causes the death of an individual." Regarding murder by criminal negligence, article 19.05 of the Criminal Code of Texas states that "it is a felony and is punishable by imprisonment with detention in a state prison" [2, p. 95].

The criminal codes of other states are also interesting in this regard, as a result, we will consider some of them. This means that article 2504 (a) of the Pennsylvania Criminal Code specifies a general rule according to which, "simple negligent homicide is recognized as causing death to another person as a result of an unlawful act or lawful action committed in a reckless or grossly negligent manner. In this regard, the court appoints imprisonment for a certain term not exceeding five years for simple manslaughter, since this criminal act is a

misdemeanor of the first degree (article 2504 (b))" [3].

Moreover, referring to article 125.15 of the Criminal Code of the State of New York, it is worth clarifying that "reckless homicide is a simple murder of the second degree and its varieties include: reckless infliction of death to another person; the production of an abortion to a woman, not justified by the circumstances of the case and entailed death; intentionally driving another person to suicide or assisting him in this help. In addition, for a simple murder of the second degree, which is a class B felony, the convicted person is sentenced to imprisonment for an indefinite period by court verdict" [4].

Given the views of scientists, it is important to analyze the very concept of "simple murder". In this regard, we believe that the right point of view is put forward by criminologist Rollin Perkins, believing that: "Simple murder is an immeasurable category covering heterogeneous cases. In turn, it includes, on the one hand, all murders committed without premeditated malicious intent, on the other – without justifying or excusing circumstances. In other words, a simple murder is such a deprivation of another person's life, which is neither a grave murder nor an innocent act". In fairness, the speculation of the scientist Perkins was also supported by the English criminologist Courtney Kenny, noting that "simple murder is often called the "most elastic" of crimes, since shades of guilt in the commission of simple murder can range from the boundaries of serious murder to the boundaries of excusable deprivation of life" [5].

In this regard, it is important to mention the reasoning of the judgment in the case "R v. DAWSON (1985) 81 Cr Appendix R 150 (California)". According to this, D and E, armed with a pickaxe handle and an exact replica of the weapon, robbed V at his gas station in masks. Shortly after, V, who had a serious heart condition, died of a heart attack. D and E were found guilty of manslaughter [6].

In the context of the topic under consideration, of particular interest is such a significant nuance that in the Romano-German and Anglo-American legal families there is a different approach to distinguishing between murder and injury to health that caused the death of the victim. In accordance with Anglo-American law, if the intention of a person to cause grievous bodily harm resulting in the death of the victim is established, the person is found guilty of grievous homicide, and not of causing death by negligence, as our domestic criminal law provides. For all that, the intention to cause grievous bodily harm is one of the components of "evil premeditation", which distinguishes serious murder from other types of murders.

As a strong argument, for a case when most countries of the continental legal, that is, the Romano-German family, traditionally regards as causing death by negligence, we can give an example related to receiving a blow in a fight, after which the victim hits his head and dies, or receiving one fatal blow to the head with an unarmed hand [7, c. 106].

§ 2. Experience of European countries and the Republic of Belarus

If we consider the criminal legislation of the French Republic, then according to article 221-6 of the French Criminal Code, "manslaughter is punishable by three years of criminal imprisonment and a fine of 45 thousand euros and constitutes causing death to another person as a result of an oversight, negligence, inattention, negligence, or failure to fulfill the duty of safety or precaution imposed by law or regulations". As a side note, we can note that in France, as we see, causing death by negligence is treated as "manslaughter". In turn, "a qualified type of manslaughter, punishable by five years of criminal imprisonment and a fine of 75 thousand euros, is its commission as a result of an obvious intentional violation of a special duty of safety or precaution imposed by law or regulations." It should be noted that the French legislator introduced eventual, in other words, indirect intent into criminal law. In addition, for this case, French lawyers define the form of guilt as follows: "a person, realizing the risk of causing death to another person, deliberately ignores this risk, intentionally violating any duty of safety or precaution" [2, p. 44].

As an example of causing death by negligence, we can cite a case that occurred in the French department of Var, in the south of the country, when a hunter shot a 60-year-old pensioner, mistaking him for a wild boar. According to the circumstances of this criminal case, it turned out that at dusk, the hunter heard a noise in the bushes and fired three times in the direction of the sound source, but the trophy, roughly speaking, was a local elderly man [8].

Next, let's consider another model of criminalization of causing death by negligence, reflected in the Criminal Code of the Republic of Austria. In this case, two general rules should be noted, namely: § 80 of the

Austrian Criminal Code states: "Anyone who causes the death of another person by negligence is punished by imprisonment for up to one year".

Thus, Section 81 of this Criminal Code clarifies such vital points that "Anyone who causes death to another person by negligence: 1) under particularly dangerous circumstances; 2) through the use of alcohol or other intoxicating drugs, brought himself to a state of intoxication that does not exclude sanity, although he envisaged or could have foreseen that carrying out activities in such a state is dangerous to the life, health or bodily integrity of another person or is capable of increasing such danger; 3) by keeping, storing or transporting a dangerous animal contrary to legal regulations or official instructions, shall be punished by imprisonment for a term of up to three years." However, in addition to these general articles, the Austrian Criminal Code contains 30 special articles that provide for the consequence of the death of another person. However, the subjective sign of "carelessness" is not mentioned directly in these articles, it is only implied [9, p. 145].

The incident in Austria according to this article is the case when a 75-year-old patient died in a nursing home in Furstenfeld (Styria), and it is no secret that the cause of her premature death was an overdose of rheumatism medication, more precisely, instead of once a week, a woman was given pills daily – according to a prescription from a doctor. Eventually, the doctor admitted that she signed the prescription without looking at the dose. To top it off, two female defendants were sentenced by the court to a fine, or rather, the doctor had to pay € 6 thousand, and the manager - €11.9 thousand [10].

In the United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland, reckless homicide is the infliction of death to another person, in which the encroaching person has an awareness of the risk of the possibility of causing death to another person. However, in their judicial practice, things are somewhat different: the practical significance of distinguishing an independent category of reckless homicide in English criminal law has lost all meaning. At the moment, the presence of an encroaching person of such a mental attitude to the possible occurrence of death qualifies either as a constructive simple murder, or as a simple murder committed by gross negligence [11, p. 61].

Concerning the Republic of Belarus, it should be noted the similarity of the legal norm providing for liability for causing death by negligence with article 102 of the Criminal Code of the Republic of Uzbekistan. Nevertheless, there is no special rule in the Criminal Code of the Republic of Belarus that provides for liability for causing death by negligence in the process of using minor violence (violent acts, beatings, light or less serious bodily injuries), therefore, such cases in practice until recently were qualified only under Article 144 of the Criminal Code of the Republic of Belarus. From now on, judicial practice has changed, and the rule of qualification of such cases states: "causing death by negligence as a result of intentional infliction of light or less serious bodily injuries is qualified by the totality of crimes".

As for practice, there are quite often problems associated with the need for proper differentiation of this crime with related crimes. An example from judicial practice is the reclassification from Part 3 of Article 147 of the Criminal Code of the Republic of Belarus (intentional infliction of grievous bodily harm resulting in death) to Article 144 of the Criminal Code of the Republic of Belarus (causing death by negligence), the sanction of which is much milder.

By the verdict of the court, citizen N. was convicted under Part 3 of Article 147 of the Criminal Code of the Republic of Belarus. The verdict was changed by the Presidium of the regional court on the protest of the Deputy Chairman of the Supreme Court. The grounds for changing the sentence were as follows: N., having come home, saw her mother lying on the kitchen floor in a state of strong alcoholic intoxication. N. could not bring her mother to her senses, got angry, kicked her chest several times and punched her face. After that, taking her mother by the arms, dragged her into the room and threw her on the floor, as a result, the latter hit the back of her head on the floor. As a result, the victim suffered a traumatic brain injury, which belongs to the category of serious bodily injuries, and was complicated by the development of purulent pneumonia and productive arachnoiditis, which caused the death of the victim. The verdict did not specify the circumstances indicating that the accused had an intention to cause serious bodily harm to her mother. The court's conclusion that N., having struck a fist with her face and throwing the victim to the floor, deliberately allowed her to cause serious bodily injuries, is the court's assumption and is not supported by evidence. Therefore, N.'s actions were reclassified by the supervisory authority from Part 3 of Article 147 to Article 144 of the Criminal Code of the Republic of Belarus [12].

Conclusions

Summarizing the above, it is necessary to summarize:

firstly, in Australia, provocation to cause death is recognized as a sign of manslaughter;

secondly, in the United States, reckless homicide is considered a simple murder;

thirdly, in France, the so-called "manslaughter" refers to murder with indirect intent;

fourth, in the Criminal Code of Austria, the subjective sign of "negligence", in articles providing for the consequence of the death of another person, is only implied;

fifth, in the UK, causing death by negligence is referred to as constructive simple murder, or as a simple murder committed by gross negligence;

sixth, the composition of causing death by negligence specified in the Criminal Code of Belarus largely coincides with Article 102 of the Criminal Code of the Republic of Uzbekistan.

In conclusion, it should be added that the construction of such a kind as the separation of causing death by negligence from related compounds, as a rule, is not familiar to foreign legislation. In this regard, causing death by negligence, as well as intentional grievous bodily harm that caused the death of the victim, are attributed, judging by the clarified circumstances, to murder.

References

1. Kuchina Ya.O. Murder in common law (on the example of the criminal law of Australia) and its difference from the institution of murder in the Russian criminal law // Scientific article on law. – Asia-Pacific region: economics, politics, law. – 2017. – No. 4. – pp. 118-128.
2. Criminal law of foreign countries: textbook / L.S. Aistova, D.Y. Kraev. – 2nd ed. / revised from the 1st edition by D.Y. Kraev. – Saint Petersburg: Saint Petersburg Law Institute (branch) University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, 2020. – 131 p.
3. The Pennsylvania Criminal Code. Code of Laws of 2019 / Electronic website: URL: <https://law.justia.com/codes/pennsylvania/2019/title-18/chapter-25/section-2504/> (date of appeal: 05.01.2023).
4. Laws of the State of New York / Electronic site: URL: <http://ypdcrime.com/penal.law/> (accessed: 05.01.2023).
5. Causing death by negligence / Electronic website: URL: <https://www.allpravo.ru/diploma/doc45p1/instrum138/print566.html> (date of application: 06.01.2023).
6. Oxford University Press. Internet Resource Center / Electronic website: <https://global.oup.com/uk/orc/law/criminal/heaton4e/resources/casematerial/bychapter/ch06/#a> (date of application: 06.01.2023).
7. Steshich E.S. Responsibility for murder in the states of common and continental legal families (an essay of comparative jurisprudence) // Scientific article on law. – Society and law. – 2015. – № 1 (51). – Pp. 104-109.
8. A hunter in France mistook a pensioner for a boar and shot him / Electronic site: URL: <https://lenta.ru/news/2017/10/04/hanterfrance/> (accessed: 06.01.2023).
9. Khanakhok S.M. Legislative regulation of criminal liability for causing death by negligence: foreign experience // Scientific article on law. – Society and law. – 2010. – № 5 (32). – Pp. 145-147.
10. In Austria, two doctors were fined for the murder of a patient by negligence / Electronic site: URL: <https://regnum.ru/news/accidents/2659527.html> (accessed: 07.01.2023).
11. Criminal law of foreign countries (Special part): educational and methodical manual / N.E. Krylova. – Moscow State University named after M.V. Lomonosov, jurid. f-T. [Electronic edition]. – Moscow: "Statute", 2019. – 351 p.
12. Lawyer in cases of bodily injury / Electronic website: URL: <http://advokatpro.by/advokat-po-delam-o-prichinenii-telesnyix-povrezhdenij> (date of appeal: 09.01.2023).

УДК 343.152.9

К ВОПРОСУ О ВОЗМЕЩЕНИИ ИЗДЕРЖЕК НА ПРЕДСТАВИТЕЛЯ ПОТЕРПЕВШЕГО В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

КОРЯКИН АНТОН РУСЛАНОВИЧ

студент, 4 курс

ФКОУ ВО «Самарский юридический институт ФСИН России»

Научный руководитель: Родионова Ольга Рениславовна

старший преподаватель

ФКОУ ВО «Самарский юридический институт ФСИН России»

Аннотация: в статье рассматривается проблема возмещения издержек на представителя потерпевшего при прекращении уголовного дела по реабилитирующим основаниям. Предлагается закрепить возможность взыскивать такие издержки как убытки в гражданском процессе, при условии, что лицо, в отношении которого прекращено уголовное дело, причинило вред потерпевшему.

Ключевые слова: уголовный процесс, представитель потерпевшего, возмещение издержек, ущерб от преступления, право на судебную защиту.

ON THE ISSUE OF REIMBURSEMENT OF COSTS FOR THE VICTIM'S REPRESENTATIVE IN CRIMINAL PROCEEDINGS

Koryakin Anton Ruslanovich*Scientific adviser: Rodionova Olga Renislavovna*

Abstract: the article deals with the problem of compensation of costs for the victim's representative at termination of criminal proceedings on rehabilitative grounds. It is offered to fix possibility to recover such costs as damages in civil proceedings on condition that the person against whom a criminal case was terminated caused damage to a victim.

Keywords: criminal proceedings, victim's representative, compensation of costs, damage from a crime, right to judicial protection.

Ст. 6 УПК РФ устанавливает одним из назначений уголовного процесса защиту лиц, которым причинен вред в результате совершения преступления. Очевидно, что для эффективной защиты потерпевшего лица необходима работа не только следственных органов, но и активное вовлечение потерпевшего на стадиях предварительного расследования и рассмотрения дела в суде. Именно потерпевший может посодействовать следственным органам, сообщив нужную информацию или предоставить необходимые вещественные доказательства. При этом грамотное изложение такой информации зачастую невозможно без участия профессионала – представителя потерпевшего. Именно он обладает знаниями и навыками, которые позволяют превратить слова потерпевшего, в надлежащую процессуальную форму. Представитель потерпевшего может обжаловать решение органов предварительного следствия, грамотно сформулировать вопросы, которые необходимо поставить перед экспертом.

Таким образом, при привлечении представителя, у потерпевшего возникают расходы на оплату его услуг. Так как такие расходы напрямую связаны с необходимостью восстановить права и законные интересы потерпевшего лица, то законодательство позволяет компенсировать расходы на представителя потерпевшего – следовательно выносит постановление о возмещении таких расходов, если потерпевший представит обосновывающие документы.

До недавнего времени, при прекращении уголовного дела по нереабилитирующему основанию у потерпевшего не было возможности получить возмещение своим расходам на представителя. В то же время, при прекращении уголовного дела по нереабилитирующему основанию, однозначно не устанавливается безоговорочное отсутствие вины лица, в отношении которого уголовное дело было прекращено по нереабилитирующему основанию – оно остаётся в подозрении. Вследствие чего законодательство не устанавливало эффективного механизма судебной защиты прав потерпевшего лица. Проверка положения УПК и Постановление Правительства РФ, судьи Конституционного суда пришли к выводу, что ч. 3 ст. 131 УПК и ч. 1 ст. 132 УПК РФ, а также пункт 30 Положения о возмещении процессуальных издержек, связанных с производством по уголовному делу, не соответствуют Основному закону страны [1, 2]. Последствием принятия Постановления судьями Конституционного суда стало то, что появился правовой механизм, который позволяет потерпевшему возместить расходы на своего представителя в случае, если дело прекращено по нереабилитирующему основанию.

Однако, мы считаем возможным отметить, что полностью проблема возмещения расходов на представителя потерпевшего решена не была. Так нельзя точно говорить о возможности возместить расходы на представителя в ситуации, когда дело прекращается по реабилитирующему основанию, например, когда в действиях лица отсутствует состав преступления, однако, такое лицо причинило вред потерпевшему, при этом им было совершено не преступление, а гражданско-правовой проступок, например, вред здоровью причинен вследствие ДТП, или действия медработника находятся лишь в косвенной причинно-следственной связи с наступившими последствиями.

В таких ситуациях, потерпевший, обращается с иском о компенсации морального вреда в суд общей юрисдикции, где помимо самой компенсации, расходов на лечение, просить взыскать с ответчика и расходы по прекращенному уголовному делу. В свою очередь, суды при рассмотрении дела в гражданском процессе, как правило, прекращают производство по делу в части взыскания материального ущерба, понесенного потерпевшим по уголовному делу, в виде судебных расходов за оказание юридической помощи, указывая, что разрешение вопроса о возмещении которых возможен только по правилам ст. ст. 131, 132, 397, 399 УПК РФ в уголовном процессе, а не в рамках искового производства в порядке гражданского судопроизводства [3]. Многие авторы также отмечают, что суды указывают на невозможность разрешения данного вопроса в порядке гражданского судопроизводства, мотивируя это необходимостью рассмотрения и разрешения вопроса по нормам уголовно-процессуального законодательства РФ [4, с. 61]. В свою очередь, как было указано выше, уголовно-процессуальное законодательство не устанавливает возможности взыскать расходы на представителя потерпевшего, если дело прекращается по реабилитирующему основанию. По нашему мнению, такое положение дел не позволяет обеспечить надлежащую судебную защиту прав лица, которому причинен вред, действиями другого лица.

Мы считаем, что в таких случаях лицу, которому причинен вред должно компенсироваться расходы на представителя по прекращенному уголовному делу. Так как расходы на представителя в рамках производства по уголовному делу являются убытками, которые лицо понесло, для восстановления своих прав и защиты законных интересов. Тем самым такие расходы можно расценивать как реальный ущерб в соответствии с п. 2. ст. 15 ГК РФ. При этом, по нашему мнению, то обстоятельство, что сами по себе расходы на представителя в уголовном процессе не привели к восстановлению прав потерпевшего не имеют в такой ситуации правового значения, так как они все же были направлены на достижение этой цели, потерпевший таким образом лишь прибегнул к одному из способов защиты своих прав, при этом нет каких-либо оснований, что он действует недобросовестно.

В связи с этим мы полагаем, что необходимо разработать уточнения в существующее правовое регулирование, согласно которым, при прекращении производства по уголовному делу по реабилитирующим основаниям, потерпевший может взыскать расходы на представителя уже в гражданском про-

цессе в разумных пределах, если лицо, в отношении которого велось производство по уголовному делу, причинило ему вред. Для этого следует внести корректировку в законодательную базу, согласно которой, в указанной выше ситуации потерпевший вправе предъявить иски о возмещении расходов на представителя в гражданском судопроизводстве в качестве убытков.

Список источников

1. Постановление Правительства РФ от 01.12.2012 № 1240 «О порядке и размере возмещения процессуальных издержек, связанных с производством по уголовному делу, издержек в связи с рассмотрением дела арбитражным судом, гражданского дела, административного дела, а также расходов в связи с выполнением требований Конституционного Суда Российской Федерации и о признании утратившими силу некоторых актов Совета Министров РСФСР и Правительства Российской Федерации» [Электронный ресурс] // СПС «Консультант плюс» (дата обращения: 19.01.2023).
2. Постановление Конституционного Суда РФ от 13.05.2021 № 18-П «По делу о проверке конституционности части третьей статьи 131 и статьи 132 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, а также пункта 30 Положения о возмещении процессуальных издержек, связанных с производством по уголовному делу, издержек в связи с рассмотрением дела арбитражным судом, гражданского дела, административного дела, а также расходов в связи с выполнением требований Конституционного Суда Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Э. Р. Юровских» // Российская газета – № 116 (8467).
3. Решение Октябрьского районного суда г. Красноярска по делу № 2-10079/2016 от 3 июля 2017 года [Электронный ресурс] // СПС «Консультант плюс» (дата обращения: 19.01.2023).
4. Драничникова Н. В. О проблеме возмещения процессуальных издержек в связи с участием представителя в обеспечении прав потерпевшего в уголовном судопроизводстве // Виктимология. – 2019. – №. 2 (20). – С. 58-64.

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

УДК 341.1/8

МЕЖДУНАРОДНЫЕ СТАНДАРТЫ ЗАЩИТЫ ПРАВ РЕБЕНКА

БРЕДНЕВ ЕВГЕНИЙ АНДРЕЕВИЧмагистрант кафедры конституционного и муниципального права
Волгоградского государственного университета

Аннотация: В данной статье рассматриваются международные правовые акты, регулирующие вопросы защиты прав детей, приводится их классификация и анализ. Автором поднимается проблема защиты детей от вредной информации и делается вывод о необходимости создания специализированного международного документа о защите детей от вредной информации.

Ключевые слова: международные стандарты, гарантии, защита прав и интересов, дети, международные правовые акты.

INTERNATIONAL STANDARDS FOR THE PROTECTION OF THE RIGHTS OF THE CHILD

Brednev Evgeny Andreevich

Abstract: This article discusses international legal acts regulating the protection of children's rights, provides their classification and analysis. The author raises the problem of protecting children from harmful information and concludes that it is necessary to create a specialized international document on the protection of children from harmful information.

Keywords: international standards, guarantees, protection of rights and interests, children, international legal acts.

Международно-правовые акты, регулирующие вопросы защиты прав и интересов детей, можно классифицировать по уровням на международные и региональные. Международные правовые акты распространяют свое действие на неопределенно широкий круг государств-участников, изъявивших желание их подписать. В качестве региональных правовых актов можно рассматривать акты Евросоюза или СНГ, которые распространяют свое действие не на все международное сообщество, а только на его часть – европейские государства, являющиеся членами Евросоюза, либо евразийские государства – участники СНГ. В свою очередь, международные правовые акты можно подразделить на две группы: общие (регулируют права всех категорий людей, но при этом упоминают также отдельные права детей) и специальные (посвящены регулированию исключительно прав ребенка).

Международным документом глобального значения является Всеобщая декларация прав человека 1948г [1]. Помимо того, что данный документ закрепляет основной набор прав, которые есть у каждого человека (в том числе ребенка – например, право на жизнь), в ней можно встретить и положения, касающиеся именно детей. Материнство и младенчество пользуются особой защитой (ч. 2 ст. 25), всем детям предоставляется равный объем правовой защиты, за родителями закрепляется возможность выбора вида образования для своего малолетнего ребенка (ч. 3 ст. 26).

Пактом о гражданских и политических правах 1966 г. установлены следующие особенности реализации детьми своих прав [2]: решение по обвиняемым несовершеннолетним должно быть вынесено судом в кратчайший срок (ч. 2 ст. 10); режим содержания несовершеннолетних нарушителей должен соответствовать их возрастным особенностям, они содержатся отдельно от совершеннолетних (ч. 3 ст. 10); если этого требуют интересы несовершеннолетнего, его дело рассматривается в закрытом засе-

дании (ч. 1 ст. 14); детям предоставляется вся необходимая защита государства в случае расторжения брака (ч. 4 ст. 23); запрет дискриминации детей по любому признаку (ч. 1 ст. 24); право на имя и немедленную регистрацию после рождения (ч. 2 ст. 24); право на гражданство (ч. 3 ст. 24).

Пактом об экономических, социальных и культурных правах 1966 г.[3] закреплены следующие права детей в данных сферах: всем детям без исключения должны предоставляться особые меры защиты и помощи, запрещаются любые формы экономической или социальной эксплуатации детей, их труд не может использоваться во вредном или опасном для их здоровья производстве, а государствам – участникам Пакта предписано установить возрастной предел, ниже которого нельзя использовать детский труд (ч. 3 ст. 10); государства – участники Пакта обязаны обеспечивать здоровое развитие каждого ребенка (ч. 2 ст. 12).

Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин 1979 г.[4] возлагает на мужчин и женщин совместную ответственность за воспитание их детей с учетом приоритета прав детей. Часть 2 ст. 16 Конвенции особо оговаривает, что обручение и брак ребенка не влекут за собой никаких юридических последствий в случае несоблюдения требования государства – места регистрации брака о минимальном брачном возрасте.

Основными специальными международными актами, регулирующими институт защиты прав детей, выступают Декларация прав ребенка 1959 г.[5] и Конвенция о правах ребенка 1989 г.

Декларация прав ребенка является рекомендательным документом и включает в себя 10 норм – принципов. Предполагается, что этими принципами должны руководствоваться государства – члены ООН и международные организации в своей нормотворческой деятельности, затрагивающей права и интересы детей.

Наиболее обширным международным актом, характеризующим статус детей, является Конвенция о правах ребенка.

Стоит обратить внимание на то, что текст Конвенции отличается довольно гибкими формулировками, поскольку она адресована государствам с различными экономическими, идеологическими и культурными особенностями. Ярким примером является ст. 20 Конвенции, где установлено, что государство обязано обеспечить ребенку, временно или постоянно лишенному своего семейного окружения, адекватную замену, который может включать, например, передачу на воспитание, «кафала» по исламскому праву, усыновление или помещение в соответствующие учреждения.

Неслучайно работа над ее текстом длилась целых 10 лет, поскольку нужно было достигнуть состояния правовой определенности статуса ребенка в сочетании с гибкостью правовых предписаний, чтобы Конвенция стала ориентиром в деятельности по защите прав детей для всех государств, ведь на основе текста Конвенции должно изменяться законодательство стран, ратифицировавших ее[6]. Вопреки (а возможно, и благодаря) этим сложностям, Конвенция является одним из наиболее широко ратифицированных международных соглашений.

Прежде всего, следует отметить, что данная Конвенция дает определение самому ребенку, под которым понимается любой человек до момента достижения им восемнадцатилетнего возраста, если только он не достигнет совершеннолетия ранее в соответствии с подлежащим применению законом (ст. 1). Конвенция не дает ответа на вопрос о том, с какого момента ребенку предоставляется правовая защита (лишь в преамбуле упоминается, что ребенок нуждается в специальной защите в том числе до рождения).

Проблема защиты детей от вредной информации заключается в невозможности регулирования Интернета национальным законодательством. Это связано с тем, что сеть интернет охватывает весь мир, и даже если что-то запрещается на уровне государства, граждане все равно могут получить доступ к этой информации на иностранных сайтах или через специальные ресурсы. Так, например, признание сети инстаграм и фейсбук запрещенной на территории Российской Федерации, не остановило пользователей сетей и были придуманы средства обхода блокировки.

С одной стороны, необходимо гарантировать максимальный доступ к информации, чтобы человек владел всесторонними сведениями об окружающем мире и происходящем в нем процессах. С другой стороны, информация должна быть действительной, и не вводить человека в заблуждение или

травмировать его. Дети, психика которых только формируется, представляют более незащищённую группу человечества. Не каждую информацию они могут проанализировать, принять. В результате чего определенная информация может причинить детям вред здоровью и их развитию.

Международное сообщество, осознавая моральную ответственность за жизнь каждого ребенка, стремится гарантировать детям защиту от вредной информации в соответствии с международными нормами и национальными обязательствами.

Стоит отметить, что специальных международных актов по защите детей от вредной информации нет. Из анализа общих международных актов, указанных ранее, мы находим положения, связанные с информацией. По-нашему мнению, данное обстоятельство является основанием для размышлений о создании специализированного международного документа о защите детей от вредной информации.

Список источников

1. Всеобщая декларация прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948) // СПС «Консультант Плюс»
2. Международный пакт о гражданских и политических правах (Принят 16.12.1966 Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН) // СПС «КонсультантПлюс»
3. Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах (Принят 16.12.1966 Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН) // СПС «КонсультантПлюс»
4. Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин (Заключена 18.12.1979) // СПС «КонсультантПлюс»
5. Декларация прав ребенка (Принята резолюцией 1386 (XIV) Генеральной Ассамблеи ООН от 20 ноября 1959 года) // СПС «КонсультантПлюс»
6. Галданова М.Б. Миронова Т.Д. международное ювенальное право реализация конвенции о правах ребенка в России// Вопросы российской юстиции. 2021г. С.158-162.

**СУДЕБНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ,
ПРОКУРОРСКАЯ
ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ,
ПРАВООЩИТНАЯ И
ПРАВООХРАНИТЕЛЬНАЯ
ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ**

УДК 342.56

ПРАВОВОЙ СТАТУС СЕКРЕТАРЯ СУДЕБНОГО ЗАСЕДАНИЯ И ПОМОЩНИКА СУДЬИ В АРБИТРАЖНОМ ПРОЦЕССЕ

КОЖЕВНИКОВА ЯНА ЕВГЕНЬЕВНА

магистрант

ФГАОУ ВО «Волгоградский государственный университет»

*Научный руководитель: Марина Леонидовна
д.ю.н., профессор*

Аннотация: Секретарь судебного заседания и помощник судьи выполняют значимые функции, оказывающие существенное влияние на организацию и течение всего арбитражного судопроизводства. Выполняя поручения судьи, они обеспечивают для него комфортную профессиональную деятельность и тем самым способствуют осуществлению правосудия. В данной статье поднят вопрос о том, каким правовым положением обладают указанные участники судебного процесса.

Ключевые слова: секретарь судебного заседания, помощник судьи, арбитражный процесс, правовой статус.

Эффективность деятельности государства в различных отраслях складывается из продуктивности работы государственных органов, которая, в свою очередь, во многом зависит от грамотного подбора должностных лиц. Поэтому одной из важных задач, которая встает перед государством, является четкое определение правового положения работников государственных органов: их прав, обязанностей, гарантий, - а также обеспечение достойных условий труда.

В существующих реалиях в арбитражном судопроизводстве немаловажную роль играют такие участники процесса, как секретарь судебного заседания и помощник судьи. Секретарь и помощник осуществляют значимые функции, оказывающие существенное влияние на организацию и течение всего судебного разбирательства. Выполняя поручения судьи, они обеспечивают для него комфортную профессиональную деятельность и тем самым способствуют осуществлению правосудия.

Правовое регулирование деятельности секретарей судебных заседаний и помощников судей осуществляется АПК РФ, Федеральным законом от 27.07.2004 N79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации», Федеральным конституционным законом от 28.04.1995 N-ФКЗ «Об арбитражных судах в Российской Федерации», Конституцией РФ и должностным регламентом.

Кроме того, правовое положение секретарей судебных заседаний и помощников судей более подробно отражено в Постановлении Пленума ВАС РФ от 25.12.2013 N100 «Об утверждении Инструкции по делопроизводству в арбитражных судах Российской Федерации (первой, апелляционной и кассационной инстанций)». Согласно данной Инструкции осуществление делопроизводства входит в список обязанностей секретаря судебного заседания, а, при необходимости, и помощника судьи. [1]

Инструкция 2013 года включает в себя конкретный перечень обязанностей работников аппарата арбитражных судов, в некоторой части дублирующий положения 58 статьи АПК РФ, однако, он не является исчерпывающим. Так, например, согласно Инструкции в обязанности секретаря судебного заседания арбитражного суда входит «выполнение другой работы по поручению судьи и председателя судебного состава». [1]

Подобная формулировка наделяет судью правом возлагать на секретаря неограниченное множество различных поручений, что говорит о неопределенности правового положения данного участника судебного процесса в российском законодательстве.

Таким образом, обращение к вопросу о правовом статусе вышеуказанных незаменимых участников арбитражного судопроизводства вызвано тем, что в действующем в данный момент российском законодательстве их положение определено весьма расплывчато.

Не вызывает сомнений утверждение о том, что помощники судей и секретари судебных заседаний являются государственными гражданскими служащими, поэтому при исполнении своих должностных обязанностей они обязаны соблюдать Конституцию Российской Федерации, федеральные конституционные законы, федеральные законы, а также иные нормативно-правовые акты; не нарушать законные права и интересы граждан; поддерживать конституционный строй РФ.

Секретари судебных заседаний и помощники судей в качестве государственных гражданских служащих имеют особый правовой статус, отличающийся от граждан, состоящих в обычных трудовых отношениях. Они обладают специфическими правами и обязанностями в пределах компетенции органов, на службе в которых состоят, имеют определенные гарантии и несут особую ответственность.

В соответствии с действующим законодательством секретарем судебного заседания может быть гражданин Российской Федерации, достигший возраста 18 лет, имеющий высшее юридическое образование. Требования к опыту работы не предусмотрено. Для того чтобы стать помощником судьи, необходимо иметь опыт работы не менее двух лет на государственной гражданской службе или не менее четырех лет по специальности.

В соответствии с Федеральным законом государственная гражданская служба представляет собой профессиональную служебную деятельность граждан РФ по обеспечению исполнения полномочий федеральных государственных органов. [2] Отсюда можно сделать вывод о том, что профессиональная деятельность помощников и секретарей направлена на осуществление законных полномочий суда, то есть правосудия.

Здесь мы можем встречать противоречие. С одной стороны действующее законодательство подчеркивает значимость государственных гражданских служащих в лице секретарей судебных заседаний и помощников судей, утверждая о том, что они обеспечивают исполнение полномочий суда, как федерального государственного органа.

С другой стороны, сам АПК РФ относит секретарей и помощников к иным участникам арбитражного процесса (статья 54 АПК РФ), ставя их наравне с лицами, участвующими в деле, экспертами, переводчиками, то есть никак не на сторону «правосудия».

Считаем, что подобные положения лишены правового основания, так как умаляют действительную значимость статуса упомянутых служащих аппарата Арбитражного суда. Представляется логичным, что работники аппарата суда, наравне с самим судом и судьями, призваны осуществлять правосудие, а потому не могут относиться к лицам, участвующим в деле. Это две совершенно противоположные стороны. [3, с.2]

Однако подобные противоречия не вызывают удивление. По мнению Ю.А. Бокова и Т.А. Елашиной одной из коллизий, которая встречается наиболее часто, является противоречие между законом и подзаконным актом. Согласно Конституции действует принцип верховенства закона, то есть приоритета. Это значит, что высшую юридическую силу имеют конституционно-правовые нормы, а подзаконные акты, к которым относятся указы Президента России; постановления Правительства России, государственных комитетов, администраций; приказы, инструкции, указания и иные ведомственные локальные акты, не должны противоречить основному закону. Но на деле оказывается, что противоречие все-таки возникает. [4, с.3]

Именно поэтому находим целесообразным включить 58 статью, посвященную правовому положению секретарей судебных заседаний и помощников судей в главу вторую АПК РФ, регулиующую состав арбитражного суда. Это поможет закрепить правовое положение секретарей судебных заседаний и помощников судей арбитражных судов, конкретизировать его, а также устранить существующие противоречия в действующем российском законодательстве в данной области.

Список источников

1. Постановление Пленума ВАС РФ от 25.12.2013 N 100 (ред. от 11.07.2014) "Об утверждении Инструкции по делопроизводству в арбитражных судах Российской Федерации (первой, апелляционной и кассационной инстанций)".
2. Федеральный закон "О государственной гражданской службе Российской Федерации" от 27.07.2004 N 79-ФЗ.
3. Трещева Е.А. Правовое положение помощников судей и секретарей судебных заседаний в арбитражном процессе: современное правовое регулирование и реальность. Юридический аналитический журнал. №1 (15). 2016.
4. Боков Ю.А., Елашина Т.А. К вопросу о преодолении коллизий в праве // Научная дискуссия: вопросы юриспруденции: материалы VI международной заочной научно-практической конференции. Часть I (30 октября 2012 г.). - М.: Изд-во "Междунар. центр науки и образования", 2012. - С. 13-18.

УДК 342.5

КАКУЮ РОЛЬ ПРОКУРАТУРА ИГРАЕТ В СИСТЕМЕ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ФЕДЧЕНКО СВЕТЛАНА СЕРГЕЕВНА

ассистент кафедры государственного и муниципального управления

МЕЛЕНЦОВА АЛИНА АЛЕКСАНДРОВНАстудент кафедры государственного и муниципального управления
Институт экономики и управления ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского»

Аннотация: В статье проанализирован состав органов прокуратуры и их деятельность, а также её особое положение в системе государственной власти Российской Федерации. А так же в статье были рассмотрены вопросы роли прокуратуры России в системе государственных органов и взаимодействия между органами прокуратуры с законодательной, исполнительной и судебной властью, а также с президентом Российской Федерации.

Ключевые слова: прокуратура, состав прокуратуры, прокурор, государство, закон, полномочия, роль, государственная власть, ветви власти, исполнительная власть, законодательная власть, судебная власть.

WHAT ROLE DOES THE PROSECUTOR'S OFFICE PLAY IN THE SYSTEM OF STATE AUTHORITIES OF THE RUSSIAN FEDERATION

**Fedchenko Svetlana Sergeevna,
Melentsova Alina Aleksandrovna**

Abstract: The article analyzes the composition of the prosecutor's office and their activities, as well as its special position in the system of state power of the Russian Federation. The article also examined the role of the Russian prosecutor's office in the system of state bodies and interaction between the prosecutor's office with the legislative, executive and judicial authorities, as well as with the President of the Russian Federation.

Keywords: prosecutor's office, composition of the prosecutor's office, prosecutor, state, law, powers, role, state power, branches of government, executive power, legislative power, judicial power.

Федеральным законом «О прокуратуре Российской Федерации» утверждено понятие «прокуратура». Она представляет собой единую федеральную централизованную систему органов власти. Первоначально прокуратура является надзорным органом власти и наряду с другими своими функциями выполняет контроль за соблюдением законов Конституции РФ, следит за справедливым исполнением полномочий иных органов государственной власти на территории страны[1]. Свои полномочия органы прокуратуры осуществляют независимо от других органов государственной власти и местного самоуправления. Представителями данной структуры в первую очередь являются прокуроры. На данный момент генеральным прокурором Российской Федерации является Краснов Игорь Викторович, который по закону избирается сроком на 5 лет.

Система управления органами прокуратуры строится на основе единого принципа, учитывая федеральное устройство и административно-территориальное деление государства[2]. Генеральному

прокурору повинуются главы других структур — прокуроры субъектов Федерации, то есть областей и республик, а также прокуроры районов и городов.

Рассмотрим систему прокуратуры Российской Федерации:

- Генеральная прокуратура Российской Федерации;
- прокуратуры субъектов Российской Федерации;
- приравненные к ним военные и другие специализированные прокуратуры;
- научные и образовательные учреждения;
- редакции печатных изданий, являющиеся юридическими лицами;
- прокуратуры городов и районов;
- другие территориальные, военные и иные специализированные прокуратуры.

Построение правового государства очень сложно представить без деятельности прокуратуры, которая обеспечивает верховенство закона, следит за его исполнением, а так же обеспечивает защиту прав и свобод граждан и интересов государства. Уже на протяжении 4 веков исполняют свои функции органы прокуратуры в Российской Федерации. Однако, не смотря на продолжительное функционирование, вопрос о роли прокуратуры в государственных органах власти не является до конца закрытым. Как всем известно, в нашей стране функционирует практика деления властей. Власть разделена на 3 ветви: исполнительная, законодательная и судебная. Исходя из названий ветвей власти, не сложно догадаться об их сути, но органы прокуратуры невозможно отнести ни к одной из них. При этом прокуратура не единственный представитель органов власти или же должностных лиц, не входящих в 3 основные ветви власти. Таким образом, ряд авторов относят прокуратуру к разным ветвям власти. Важным шагом на пути к определению места прокуратуры и её статуса стало принятие Закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 05.02.2014 N 2-ФКЗ "О Верховном Суде Российской Федерации и прокуратуре Российской Федерации" [3]. В результате этих изменений гл. 7 Конституции стала именоваться «Судебная власть и прокуратура» [4]. Анализ положений ст. 129 Конституции РФ позволяет сделать вывод об усилении полномочий Главы государства в сфере назначения руководящего состава органов прокуратуры.

Для того чтобы проанализировать роль прокуратуры в системе государственной власти, необходимо учитывать, что она является самостоятельным независимым органом, не входящим в классическую триаду разделения властей и, занимающая особое место в системе органов государственной власти [5].

Сторонником данной позиции является С. А. Авакьян, который, с одной стороны подчеркивает связь прокуратуры и суда, а, с другой, говорит об их функциональном различии, ведь прокуратура не обладает функцией вынесения судебных решений, а, как и другие субъекты права, может лишь инициировать такие решения и оспаривать их. Однако, анализируя связь органов прокуратуры со всеми ветвями власти, по моему мнению, больше всего схожести в области исполнения своих обязанностей у прокуратуры именно с судебной ветвью власти. И всё же, судоустройство и прокуратура отнесены Конституцией к исключительному ведению Российской Федерации раздельно [6].

Советник Генерального прокурора РФ Мыцыков А. Я. отмечает: «прокурорский надзор – особый вид государственной деятельности; выполняя ее, прокуратура не входит ни в одну из ветвей власти и вообще в систему разделения властей» [7]. Данное мнение описывает прокуратуру не как часть одной из ветвей власти, а как отдельный институт, выполняющий свои функции по поддержанию системы сдержек и противовесов.

Анализ всех вышеперечисленных позиций позволяет заключить следующее: органы прокуратуры являются связующим звеном между основными ветвями государственной власти, поскольку взаимодействует с каждой из них и обеспечивает процветание правового демократического и независимого государства.

Таким образом, в статье было проанализировано значение прокуратуры в системе государственной власти, рассмотрена история возникновения прокуратуры, её функции и структура. Так же были проанализированы разные точки зрения о роли и месте прокуратуры в государстве. После анализа федеральных законов, источников литературы и различных статей, посвящённых данной теме, я обо-

значила для себя такую позицию: до сих пор прокуратура не имеет чёткой зафиксированной позиции в государственном управлении, так как её ведение распространяется на различные сферы государства. Таким образом, её можно отнести либо к отдельной ветви власти, либо же подчеркнуть её взаимодействие с каждой из ветвей.

Список источников

1. Федеральный закон от 17.01.1992 N 2202-1 (ред. от 06.02.2020) "О прокуратуре Российской Федерации". [Электронный ресурс].
2. Федеральный закон от 17.01.1992 N 2202-1 (ред. от 29.12.2022) "О прокуратуре Российской Федерации" (с изм. и доп., вступ. в силу с 09.01.2023) Статья 11. Система прокуратуры Российской Федерации
3. Закон РФ о поправке к Конституции РФ от 05.02.2014 N 2-ФКЗ "О Верховном Суде Российской Федерации и прокуратуре Российской Федерации" // "Российская газета", N 27, 07.02.2014.
4. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) [Электронный ресурс] Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/
5. Кутафин О.Е. Конституционное право России: учебник / Е. И. Козлова, О. Е. Кутафин. - М.: Проспект, 2019. 592 с.
6. Конституционное право России. Учебный курс: в 2 т. / С.А. Авакьян. М.: Норма: Инфра-М, 2020. 928 с.
7. Мыцыков А. Я. Прокурорской системе быть // Законность. 2014. N 10. С. 19 – 21.

**КРИМИНАЛИСТИКА.
СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНАЯ
ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ.
ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНАЯ
ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ**

УДК 340

ПРОБЛЕМЫ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ САМОДЕЛЬНЫХ ВЗРЫВНЫХ УСТРОЙСТВ

САЙФУТДИНОВ РУСТАМ ГИБАДУЛЛОВИЧстудент 2 курса 3-21Юр(м)УПК-2
ФГБОУ ВО «Оренбургский государственный университет»

Аннотация: На сегодняшний день, неотъемлемым аспектом криминального мира представляется стремление к «качественному» улучшению самодельных взрывных устройств (далее – СВУ). В недалеком прошлом имело место быть многоплановость и широкий количественный ряд СВУ, когда как в нынешнее время наблюдается влечение к увеличению криминальными элементами таких показателей СВУ как надежность, масштабность и поражающая способность. Немалую роль в распространении СВУ играет возможность широкого тиражирования и обмена информацией о сделанном ВУ при помощи различных средств связи, в том числе систем радио- и электронного управления СВУ.

Ключевые слова: самодельное взрывное устройство; раскрытие и расследование преступлений; взрывное вещество; радиоуправляемое устройство; средство инициирования.

PROBLEMS OF FORENSIC RESEARCH OF IMPLEMENTED EXPLOSIVE DEVICES

Abstract: One of the topical aspects of the development of the modern criminal world is the trend towards a “qualitative” growth in the designs of improvised explosive devices (hereinafter referred to as IEDs). If a few years ago there was a significant variety and quantitative composition of IEDs, now there is a desire to provide criminal elements with such characteristics of IEDs as reliability, along with an increase in their damaging ability. A significant role in unification is played by the possibility of wide replication, distribution and exchange of information about the made VU using various means of communication IEDs.

Keywords: improvised explosive device; disclosure and investigation of crimes; explosive; radio controlled device; means of initiation.

Самодельные взрывные устройства (далее – СВУ), как показывает практика являются основными средствами совершения преступлений для террористов и незаконных вооруженных формирований. Стоит подчеркнуть, постоянное усовершенствование конструкции СВУ и развитие тактики их применения. Самым распространенным типом рассматриваемых устройств, используемых злоумышленниками, являются радиоуправляемая линия связи. Данная популярность обусловлена легкостью в их использовании, низкой стоимостью, сложностью отслеживания, безопасностью оператора от результатов и значительное расстояние деятельности.

Поэтому актуальность криминалистического исследования радиоуправляемых СВУ не вызывает сомнений.

Криминалистическому исследованию СВУ посвящены работы таких специалистов как А.В. Алиев, А.А. Калинин [1], А.Б. Дудаев[1], И.Ф. Кобылкин, И.В. Марков[1], С.М. Колотушкин, В.И. Игнашин, П.П. Смольяков [4]. Особо следует отметить работы М. Ю. Гераськина, основанные на анализе деятельности взрывотехнических лабораторий экспертно-криминалистических подразделений Министерства внутренних дел Российской Федерации [5], а также П.П. Смолькова – автора методик судебно-

экспертной оценки поражающего осколочного действия самодельных взрывных устройств и расчета возможности поражения человека осколочным взрывным устройством на различном удалении от центра взрыва [6].

Основной особенностью взрывных веществ является их способность к химическому взрыву, который характеризуется сочетанием таких факторов, как большая скорость процесса, экзотермичность реакции и наличие газообразования.

Терминология СВУ подразумевает самостоятельную деятельность по производству боевого средства, которое состоит из нескольких элементов:

во-первых, взрывчатое вещество, в том числе с использованием имитационных и пиротехнических средств);

во-вторых, горючий состав, которым могут выступать спичечная масса или пары бензина в качестве заряда и средств инициирования;

в-третьих, детонатор или средство инициирования;

в-четвертых, непосредственный корпус

в-пятых, заряд и источник питания.

Типы детонаторов, средств инициирования, поражающих элементов могут быть различными: в зависимости от фантазии их изготовителей.

Стоит отметить, что к СВУ также относятся взрывные устройства промышленного или военного назначения, которые содержат в себе элементы самостоятельного изготовления.

Как отмечает М.Ю. Гараськин, «в основном для изготовления СВУ используют самодельные взрывчатые смеси, основанные на натриевой, аммиачной или калиевой селитре, хлоре, зажигательной массе спичечных головок и др.» [7, с. 29].

Криминалисты в рамках следственного действия – осмотр места происшествия, а именно взрыва используют следующие средства

При осмотре места взрыва СВУ криминалисты применяют:

– следственный чемодан;

– специализированные магниты, целесообразность использования которых заключается в поиске осколков в снегу, траве, мусоре и водоемах;

– сито для просеивания грунта и других сыпучих материалов в целях обнаружения осколков и предметов малой величины;

– портативную рентгеновскую аппаратуру, используемую при поиске осколков на коврах, паркете, одежде и обуви;

– анализатор (детектор), реагирующий на молекулы взрывных веществ в воздухе;

– чемодан экспресс-анализа взрывчатых веществ и порохов [8, с. 134].

Помимо этого, стоит отметить роль служебно-розыскных собак в поиске взрывных устройств.

После обнаружения взрывных устройств возникает необходимость их обезвреживания. Обезвреживание представляется возможным при условии, что известны механизм взрывного устройства и отсутствует аппаратура, при извлечении которой оно приводится в действие [9, с. 119].

Осмысление механизма взрывного устройства является фундаментальной основой для определения его производительности и масштаба уничтожения. Стоит отметить, что преобладающее количество ранних систем радио- и электронного противодействия СВУ были широкополосными подавителями шума, применялись активные методы их подавления. Активные методы подавления оказывали влияние на систему во всех направлениях, автономно от внешних факторов, таких как окружающая среда. Для разрыва радиуправляемой линии между взрываемым и взрывающимся устройствами эффективность систем радио- и электронного противодействия СВУ достигалась при проецировании высокой мощности на установленный приемник, а не на сам передатчик угрозы. Многообразие типов радиоустройств, которые используют несколько частот и протоколов связи породило необходимость от систем радио- и электронного противодействия СВУ проецирование сразу на все потенциальные каналы. Однако, большинство радиочастот блокировались, потому что процедура глушения рассматриваемых систем достаточно примитивна.

Указанная процедура заключается в обеспечении покрытия частоты угрозы, сводя к минимуму дилемму с координацией работы механизма и направленной для этого энергии, устранении помех на всевозможных радиочастотах каналах угрозы.

В ходе расследования, полученные на месте происшествия специалистами-взрывотехниками данные о следовых количествах взрывчатых веществ могут свидетельствовать о применении пластичного вещества, состоящего из гексогена с пластификатором, отличительным признаком которых является желтоватая окраска [10, с. 57].

Последующим этапом при обнаружении таких взрывчатых веществ представляется истребование у производителей пластитов данных, которые позволят установить состав и пропорции конкретных взрывчатых веществ, а также боеприпасы, которые его содержат. Указанные данные позволят провести сравнительное исследование в будущем. В данной ситуации возникает необходимость изъятия нескольких образцов боеприпасов, которые близки по своему составляющему взрывчатому веществу, которое было использовано при взрыве, после чего они будут доставлены к месту происшествия для проведения такого следственного действия – следственный эксперимент.

При проведении следственного эксперимента необходимо обеспечить следующие:

- взятие изъятых образцов боеприпасов, которые близки по своему составляющему использованному при взрыве веществу по критериям состава и цвета
- фиксацию веществ в сходных условиях на камеру смартфона, который используется для фотофиксации СВУ, для него необходимо установить определенные режимы и настройки, аналогичные используемым при съемке такой съемке
- создание схожих условий, таких как место, освещение (время, если освещение являлось естественным), погода, расположение предметов окружающей среды (расстояние, угол), цветовая гамма и другие данные которые могут иметь значение [10, с. 57].

Все перечисленные данные необходимо передать в производство криминалистической судебной экспертизы, в том числе и смартфон с фотографиями. Заключение данной экспертизы установит совпадение (или несовпадение) состава взрывчатых веществ, которые применялись при следственном действии, представленных для анализа цифровых изображений СВУ и сравнения их по цвету и прочим персональным характеристикам, которые отражены в заключении.

Можно сделать вывод, что приведенные пример следственного эксперимента с использованием настроенного смартфона засвидетельствует возможность использования взрывных механизмов одной группы пластичных взрывчатых веществ, а также исключит применение другой, что является доказательством по уголовному делу.

Однако, криминалистическое исследование СВУ в настоящее время сталкивается с тем, что применяемые ранее система радио- и электронного противодействия СВУ, в том числе активные подавления, уже не эффективны. Печальными показателями в статистике является стремительное развитие радиоуправляемых СВУ, однако не стоит на месте и усовершенствование систем глушения указанных устройств, чему способствует постоянная эволюция современных технологий и улучшение тактических приемов и методов борьбы с терроризмом.

Центральное место для криминалистов на сегодняшний день составляет инженерный анализ, моделирование, создание прототипов аппаратного и программного обеспечения, тестирование систем радио- и электронного противодействия СВУ с учетом систем высокого уровня и угроз. Стоит отметить, что общая система радио- и электронного противодействия включает следующие компоненты:

- тактические приемы и методика их применения;
- антенны; моделирование угрозы;
- аппаратное и программное обеспечение.

По нашему мнению, приемы и методы противодействия СВУ должны учитывать мощность и возможности поражающего действия потенциальных средств, потому что не все устройства связи используют одинаковые протоколы, что свидетельствует об их многообразии. Перед криминалистами стоит важная задача создания эффективных технических средств, которые могут отключать в одно мгновение сразу несколько ближайших портативных устройств, что необходимо для защиты граждан.

Таким образом, говоря о системах радио- и электронного противодействия управлению СВУ, следует отметить, что ее основными компонентами являются тактика и методика их применения, антенны, моделирование угрозы, аппаратное обеспечение и программное обеспечение. С повышением сложности систем радио- и электронного противодействия СВУ, методология выявления угроз, оптимизация работы аппаратного и программного обеспечения, используемая для повышения производительности системы, также должна совершенствоваться.

Список источников

- 1 Алиев, А.В., Калинин, А.А. Математическое моделирование процесса пенетрации трехслойной пластины фрагментами самодельного взрывного устройства / А.В. Алиев, А.А. Калинин // Вопросы оборонной техники. Серия 16: Технические средства противодействия терроризму. – 2013. – № 9-10. – С. 56-62.
- 2 Дудаев, А.Б. Общая характеристика самодельных взрывных устройств, используемых в террористических актах, и способы их распознавания по внешним признакам / А.Б. дудаев // Международный терроризм: причины, формы и проблемы противодействия: Мат. Междунар. научн.-практ. конф. – Белгород, 2005. – С. 190-193.
- 3 Кобылкин, И.Ф., Марков, И.В. Использование расчетного комплекса ANSYS Autodyn для оценки характеристик осколочных полей самодельных взрывных устройств / И.Ф. Кобылкин, И.В. Марков // Вопросы оборонной техники. Серия 16: Технические средства противодействия терроризму. – 2012. – № 9-10. – С. 19-22.
- 4 Колотушкин, С.М., Игнашин, В.И., Смольяков, П.П. Инструментальные методы оценки поражающих свойств при исследовании самодельных взрывных устройств / С.М. Колотушкин, В.И. Игнашин, П.П. Смольяков // Актуальные проблемы криминалистики и судебной экспертизы: Межвуз. сб. науч. статей: в 2-х частях. Т. 2. – Саратов, 2001. – С. 34-36.
- 5 Гераськин, М. Ю. Роль инструментальных физических методов в исследовании осколков самодельных взрывных устройств / М.Ю. Гераськин // Проблемные вопросы эффективности раскрытия и расследования преступлений: сб. ст. междунар. науч.-практ. конф. (Москва, 7 марта 2018 г.). – М.: ООО «Перископ-Волга», 2018. – 336 с.
- 6 Смольяков, П.П. Правовые и методические основы криминалистических исследований самодельных взрывных устройств: автореф. дисс. к.ю.н. / П.П. Смольков. - Волгоград, 2000. – 22 с.
- 7 Гераськин, М.Ю. Новые методы исследования осколков самодельных взрывных устройств / М.Ю. Гераськин // Актуальные вопросы инженерно-технических экспертиз. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. – 2018. – С. 28-32.
- 8 Владимиров, В.Ю., Лаврентюк, Г.П. Особенности осмотра места происшествия при расследовании уголовных дел с применением огнестрельного оружия и взрывных устройств / В.Ю. Владимиров, Г.П. Лаврентюк. – СПб., 2002 – 190 с.
- 9 Топорков, А.А. Собираение и исследование объектов взрывотехники / А.А. Топорков // Записки криминалистов. – Москва: КЕДР, 2001. – С. 118-124.
- 10 Кудрявцев, П.А., Рамишвили, Н.Б. Использование цифровых следов и высокотехнологичных методов при производстве судебных экспертиз по уголовному делу о подрыве самодельного взрывного устройства / П.А. Кудрявцев, Н.Б. Рамишвили // Актуальные вопросы производства криминалистических экспертиз и оценки результатов судебно-экспертной деятельности. Материалы Всероссийской (национальной) научно-практической конференции. – Красноярск, 2021. – С. 56-60.

UDC 343.98.06

MEASURES OF RESPONSIBILITY FOR CRIMES RELATED TO INTERNET

ANVAROV OLIMJON RUSTAM UGLI

Personnel

Centre for Cybersecurity of The Ministry of Internal Affairs of the Republic of Uzbekistan

Аннотация: В статье рассматриваются вопросы Блокирования (блокировки) мобильных устройств и учетных записей и каналов физических лиц в социальных сетях и мессенджерах с использованием сети Интернет путем рассылки вредоносных программ, удаления, изменения или отзыва их данных о принятии мер против внезапного увеличения случаев вымогательства, вымогательство денег или других материальных интересов.

Ключевые слова: преступная деятельность, интернет-бизнес, идентификационное и специализированное программное обеспечение, технологии “deepfake”, подготовка ложных и мошеннических материалов.

МЕРЫ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПРЕСТУПЛЕНИЯ, СВЯЗАННЫЕ С ИНТЕРНЕТОМ

Анваров Олимжон Рустам Угли

Abstract: The article dwells on the Block (block) mobile devices and accounts and channels of individuals in social networks and instant messengers using the Internet by sending malicious programs, deleting, changing or revoking their data on taking measures against a sudden increase in cases of extortion, extortion of money or other material interest are highlighted.

Keywords: criminal activity, Internet-based business, identification and specialized software, “deepfake” technologies, preparation of false and fraudulent materials.

In recent years, cases of blocking (blocking) of mobile devices of individuals and their accounts and channels in social networks and instant messengers have increased by sending malware, threats to delete, change or recall their data, and extortion of funds. or other material benefits using the Internet.

Extortion is the threatening of a person or entity into giving up something in exchange for not being harmed in some way. Cyber extortion modernizes this traditional crime by using the Internet and computers to fashion potential harms to targets unless the target meets the extortionist’s demands. Types of Internet-based extortion schemes include the extortionist’s intervention into a target’s computer system to make real the threat of the theft or destruction of the target’s data, defacement of the target’s Web site, blocking the target’s ability to communicate with customers or clients over the Internet, and placing illicit material on the target’s Web site. The key feature of every extortion is the extortionist’s ability to penetrate and manipulate the target’s Internet-based computer system, which is an essential part of the target’s business. The extortionist will typically request money from the target in exchange for not harming the target’s Internet-based business. Identification and specialized software are the main techniques for detecting cyber crimes, including extortion. Before attempting to detect a cyber crime, however, an incident response plan should be developed. This plan should focus on preparation, detection, containment, eradication, recovery, and followup.[3]

There are modern types of extortion in the form of falsification of photos, voices and other biometric and personal data of a person using special software, including “deepfake” technologies, preparation of false and fraudulent materials of compromising content and their distribution in cyberspace. However, this act does not

extend to the scope of the concept of information about a shameful situation that must be kept secret, that is, information about a shameful situation that has occurred or exists in the past.

One of the crime types that may have benefitted the most from the pandemic and lockdown measures is cybercrime and online fraud. With people spending more time at home, and connected to the internet for homeworking, online shopping, and leisure, opportunities for online crime increased rapidly. In this regard, growing research interest is being directed to explore the increase in cybercrime during COVID. Building on Routine Activity Theory, one may expect that the generalised increase in internet use contributed to an increase in opportunities for offenders to converge with likely targets (in the absence of capable guardians) through online contexts. Buil-Gil et al. (2020) analysed data about crimes reported to UK Action Fraud and observed a short-term increase in online shopping fraud and hacking of social media and email, which are the two most common cybercrime categories in the UK. They also noted that while the increase in reports of online shopping fraud impacted both individuals and businesses, the increase in cyber-dependent crime (i.e., those offences that can only be committed using Information and Communications Technology devices) was mainly associated with reports from individual victims rather than organisations. Payne (2020) analysed data from the US Federal Trade Commission and reported a short-term increase in frauds connected to the internet (e.g., imposter business, fraudulent text messages). Reports of romance fraud increased in the first three months of 2020 in comparison with the same period in 2019, and this increase was experienced by all age groups. Kemp et al. (2021) used data about crimes known to UK authorities between April 2019 and July 2020 and observed a statistically significant increase in online shopping fraud, romance fraud, and cyber-dependent crime, and a significant decrease in ticket fraud. Finally, Cross (2020) argued that even though there is a lack of data to analyse the impact of COVID on fraud, government restrictions on social interactions may have increased older persons' vulnerability to fraud, including romance fraud. [2]

The results of the analysis show that cases of extortion crimes using the Internet have recently become more frequent, and in some cases there is a possibility of suicide and other serious consequences.

Extortion can be defined as the extraction of money, goods, services or loyalty through the threat of force. For policymakers, extortion is best understood as a forced payment made by an individual or institution in either money or services in response to the threat of physical violence. For extortion to succeed as a criminal activity, a person or group with the ability and demonstrable willingness to inflict violence on their targets must be present. Extortion relies on periodic, and often symbolic, violence to ensure compliance and demonstrate what the individual extortioner – or group imposing extortion demands – is capable of. This creates a climate of terror among communities and victims targeted by extortioners. The knowledge that groups perpetrating extortion are capable of such violence means that people will pay under threat – without acts of violence having been necessarily enacted. Extortion operates in both legal and illegal markets, and in some cases extends beyond economic activities. In some regions where extortion is prevalent, extortioners choose to target ethnic groups and minorities. Extortion is quintessentially territorial – the criminal groups who impose it sometimes use their control over a certain area to operate other criminal enterprises. Victims are forced to pay for protection when they travel on transport systems, or enter or pass through gang-controlled territories, or cross international borders. [1]

People who commit suicide over the Internet, especially young people who do not belong to any organization or group of people, consider this a suicide method that can lead to crime.

However, according to the current legislation, these actions must be limited to the qualification of a "less serious crime" under article 165 part 1 of the Criminal Code of the Republic of Uzbekistan.

Article 103, Criminal Code of the Republic of Uzbekistan, the objective side of the norm of suicide up to murder requires that it be committed "continuously" and does not apply to the modern form of extortion committed once.

In connection with the increase in the number of users of the global network, the level of public danger of extortion through the Internet is also increasing, and taking into account the above factors, it seems appropriate to assign appropriate responsibility to this act.

As a result, the principle of justice in punishment for these types of crimes is ensured and their commission is reduced.

Foreign experience, the United States of America, Belarus, Turkey clearly defined the criminalization of modern types of extortion and provided for severe penalties.

For instance, There various statutes define a different type of crime and penalties:

- Threats against President and successors,
- Extortion by officers or employees of the United States,
- Blackmail,
- Kickbacks from public works employees,
- Interstate communications,
- Mail threatening communications,
- Mail threatening communications from another country,
- Threats against foreign officials, guests, or protected people,
- Treats against former Presidents and certain other people,
- Receiving the proceeds of extortion.

Blackmail or extortion in United States is a federal crime punishable by:

- up to one year in federal prison, a fine, or both imprisonment and a fine. [4]

References

1. A handbook for community responses to countering extortion. Deborah Bonello, Tuesday Reitano, Mark Shaw. Switzerland, 2021, P. 8.
2. Buil-Gil, D., & Zeng, Y. (2022). Meeting you was a fake: Investigating the increase in romance fraud during COVID19. *Journal of Financial Crime*, 29(2), 460-475.
3. <https://www.ojp.gov/ncjrs/virtual-library/abstracts/cyber-extortion-detection-and-prevention-extortion-computer-and>
4. <https://www.egattorneys.com/federal-crimes/federal-blackmail-and-extortion>

ИНФОРМАЦИОННОЕ ПРАВО

УДК 34.096

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ОТНОШЕНИЙ В ИНТЕРНЕТЕ

ГАВРИЛОВ ВЛАДИМИР ПАВЛОВИЧ

студент

ФКОУ ВО «Самарский юридический институт ФСИН России»

Научный руководитель: Озёрский Сергей Владимирович

кандидат физико-математических наук, доцент

ФКОУ ВО «Самарский юридический институт ФСИН России»

Аннотация: в статье рассматриваются наиболее актуальные аспекты правового регулирования отношений в Интернете. Особое внимание уделяется проблеме обеспечения информационной безопасности в данной сфере. Выделено несколько ключевых изменений в сфере современных отношений в Интернете.

Ключевые слова: Интернет, отношения, правовое регулирование, информационная безопасность, киберпространство.

LEGAL REGULATION OF RELATIONS ON THE INTERNET

Gavrilov Vladimir Pavlovich*Scientific adviser: Ozersky Sergey Vladimirovich*

Abstract: The article discusses the most relevant aspects of legal regulation of relations on the Internet. Particular attention is paid to the problem of ensuring information security in this area. Several key changes in the sphere of modern relations on the Internet are highlighted.

Keywords: Internet, relations, legal regulation, information security, cyberspace.

Отношения в сети Интернет стали причиной социального и экономического роста благодаря своей открытости и доступности для всех участников. Чрезмерное администрирование и правовое регулирование отношений в Интернете снижает его преимущества и может помешать активному развитию во всех сферах деятельности. Поэтому важно обеспечить открытость и функциональную совместимость в Интернет-среде, а также поддерживать и развивать безопасное и надежное пространство для создания непрерывного потока информации. Это обеспечит свободу выражения мнений и активную экономическую деятельность в киберпространстве, будет способствовать инновациям, экономическому росту и решению социальных проблем, а также принесет положительные выгоды, которые будут доступны мировому сообществу. Каждая держава в мире, а также бизнес-структуры выигрывают от расширения отношений в сети Интернет [1, с. 117].

Таким образом, целью статьи является исследование особенностей правового регулирования отношений в Интернете.

Проблема обеспечения информационной безопасности в сфере отношений в Интернете в наше время всегда находится на стадии совершенствования. Такая ситуация вызвана несоответствием между формированием информационной цивилизации и мерами по обеспечению информационной безопасности. Однако универсальных методов защиты информации не существует, поскольку успех по-

строения механизмов безопасности реальной системы во многом зависит от ее индивидуальных характеристик, которые плохо формализованы. Поэтому информационная безопасность отношений в Интернете часто рассматривается как набор неформальных рекомендаций для построения систем защиты информации того или иного типа [2, с. 567].

Каждая страна по-своему решает, как интерпретировать правовое регулирование отношений в Интернете, какие механизмы создать для его эффективного функционирования и какие пути развивать. Подходы меняются даже в ведущих странах, как это определено Глобальным индексом кибербезопасности, инициативой Международного союза электросвязи ООН.

В наиболее общей форме основные положения регулирования сферы Интернет закреплены в Конституции РФ: основной закон устанавливает, что сбор, хранение, использование и распространение информации о частной жизни лица без его согласия не допускаются (ст. 24)

На сегодняшний день в Российской Федерации уже имеется значительная законодательная база, а равно и соответствующая ей практика правоприменения, связанная с ограничением той или иной информации – информации экстремистского характера, информации, причиняющей вред здоровью и развитию детей и т. п.

В результате угрозы, связанные с отношениями в Интернете стали реальностью, они носят трансконтинентальный характер, а их последствия стали более важными.

Безопасность отношений в сети Интернет расширяет сферу применения классической ИТ-безопасности для охоты на все киберпространство. Последний охватывает все информационные технологии, подключенные к Интернету или аналогичным сетям, включая связь на основе киберпространства, программы, процессы и обрабатываемую информацию. Таким образом, во всех смыслах и целях современные информационные и коммуникационные технологии становятся частью киберпространства [3, с. 10].

Мировые эксперты в области Интернет-отношений определяют правовое регулирование как помощь в защите людей, особенно детей, от сетевых рисков, таких как воздействие на их психику посредством «образовательного» контента (контент – это любое информационное содержание чего-либо: картинки, текст, видео и т. д.). Применительно к Интернету часто подразумевают содержание сайта, то есть все, что появляется перед глазами пользователя, что он может читать, смотреть или слушать. В этом контексте важно, чтобы каждая страна постоянно улучшала правовое регулирование отношений в Интернете, особенно участвуя в очистке киберпространства в качестве меры защиты от негативных киберинцидентов, в частности, когда каждый пользователь индивидуально предпринимает определенные шаги и действия для обеспечения своей собственной кибербезопасности. В связи с этим все заинтересованные стороны в глобальном Интернете должны работать вместе и помогают друг другу, выполняя обязанности, соответствующие их роли в обществе.

Теория правового регулирования содержит множество проблем, которые активно обсуждались и продолжают обсуждаться в отечественной и зарубежной научной литературе. Можно выделить несколько ключевых изменений в сфере отношений в Интернете:

1. Конец эпохи вирусов и антивирусов. Если раньше антивирусы были почти синонимом продукта кибербезопасности, то сегодня их доля на рынке значительно уменьшилась. Если в конечном итоге все недостатки программного обеспечения существуют только на логическом уровне, без возможности использования ошибок кода, тогда концепция вредоносного ПО уйдет в прошлое. Это станет концом целой технологической эры кибербезопасности и, возможно, некоторых поставщиков, которые не структурируют свой бизнес прямо сейчас.

2. Увеличение объемов мошенничества (фрода) и фишинга. Хуже всего то, что новая технологическая эра хоть и ведет к снижению уязвимостей программного обеспечения, но увеличивает ресурсы для обмана пользователей. Уже есть решения, позволяющие использовать искусственный интеллект (AI) и машинное обучение (ML) для создания фишинговых писем и автоматически, подобно гипотезам, проверять их эффективность. Развитие современных NLP-технологий (NLP – Natural Language Processing, обработка естественного языка) уже позволяет создавать диалоговые системы, успешно проходящие тест Тьюринга. В то же время тот же стек технологий можно использовать для создания

фишинговых писем. Однако существует и обратный процесс – использование NLP для обнаружения фишинговых писем (например, PhishNetd-NLP). Уже сейчас мы видим здесь ту же траекторию противостояния, что и при генерации фейковых фото и видео (Deepfake).

3. Создание аватарок и реализация атак с помощью социальной инженерии. Если человеку удастся собрать большой объем текстовых данных своих фактически написанных сообщений в социальных сетях и на других ресурсах, то можно будет воспроизвести чат-бота с «характеристиками» определенного пользователя и тем самым повысить успешность психологические манипуляции.

4. Трансформация модели угроз приведет к повышению значимости инструментов, позволяющих отслеживать правильность логики функционирования различных процессов в информационных системах. Сюда входят решения для фоновой аутентификации пользователя (модели поведения, почерк на клавиатуре и т. д.), брандмауэры для веб-приложений (брандмауэры веб-приложений), которые позволяют построить «карту сайта» и «понять» правильность работы пользователя, а также различные инструменты «искусственной иммунной системы» [3, с. 9].

В совокупности можно прогнозировать, что в долгосрочной перспективе мы будем все больше уходить от проблем безопасности а сети Интернет, связанных с ошибками в программном коде, до тех пор, пока устранение асимметрии информации не сведет эту проблему к нулю. Но это не решит всех вопросов правового регулирования отношений в Интернете. Чем сложнее системы, тем больше вероятность наличия логических ошибок в их функционировании и влияния человеческого фактора.

Список источников

1. Калугина Н. Г., Киселева Е. Ю. Механизмы правового регулирования интернет-отношений: проблемы теории и практики // Наука Удмуртии. – 2022. – № (97). – С. 117-122.
2. Латыпова Л. Л. Гражданско-правовое регулирование отношений в сети Интернет // Молодой ученый. – 2022. – № 21 (416). – С. 567-568.
3. Ефремов К. Н. Актуальные проблемы правового регулирования Интернет-отношений // Научный Лидер. – 2022. – № 25 (70). – С. 9-11.

УДК 340

LEGAL DESIGN – ЧТО ЭТО И С ЧЕМ ЕГО ЕДЯТ?

ПИВЦАЙКИН АРТУР ВАСИЛЬЕВИЧ

студент

ФГБОУ ВО «Волгоградский государственный университет»

Научный руководитель: Кононенко Даниил Валерьевич

к.ю.н., доцент

ФГБОУ ВО «Волгоградский государственный университет»

Аннотация: Данная статья посвящена изучению инновационного явления в сфере юриспруденции и юридической техники под названием Legal Design. В статье дается подробное разъяснение тому, что включает в себя данное понятие, в чем заключается его практическая польза и существуют ли реальные кейсы подобного успеха.

Ключевые слова: Legal Design, Юридический дизайн, эстетика права, информатизация права, модернизация права, совершенствование юридической техники, повышение правовой грамотности населения.

LEGAL DESIGN - WHAT IS IT AND WHAT IS IT EATEN WITH?

Pivtsaikin Arthur Vasilievich*Scientific adviser: Kononenko Daniil Valerievich*

Abstract: This article is devoted to the study of an innovative phenomenon in the field of jurisprudence and legal technology called Legal Design. The article provides a detailed explanation of what this concept includes, what its practical benefits are and whether there are real cases of such success.

Keywords: LegalDesign, Legal design, aesthetics of law, informatization of law, modernization of law, improvement of legal technology, improvement of legal literacy of the population.

Ни для кого не секрет, что современный мир юриспруденции является достаточно закрытым и огороженным от постороннего вмешательства сектором общественной жизни. Правовая система практически любого государства в мире является весьма непрозрачной, устанавливающей довольно высокий порог вхождения в нее. Многочисленные законы, устанавливаемые государством трудны для понимания среднестатистическому гражданину, не являющимся специалистом в области права. Помимо этого, проблема так называемой “нормативной инфляции”, суть которой заключается в умножении правовых норм, в усложнении уже существующих положений нововведениями, крайне заметно влияет на продуктивность работы государственных органов¹.

Каким образом можно решить вышеперечисленные проблемы, чтобы при этом в выигрыше остались и государство, и граждане и частные юридические фирмы? Лекарство от всех этих недугов уже давно придумано и имя ему “Legal Design”, что дословно переводится как юридический дизайн. Данное понятие объединяет в себя такие полярные категории как “право” и “дизайн”, посредством использования современных информационных технологий.

Legal Design — это деятельность по организации и подготовки юридических документов, при которой информация передается как в классическом виде, с помощью текста, но и графически: через визуализацию данных и понятий, с помощью приемов инфографики и других методов дизайна. По сути

¹ Шнигер, Д. О. Правовая эстетика, или Право как искусство / Д. О. Шнигер // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). – 2020. – № 7(71). – С. 113-120. – DOI 10.17803/2311-5998.2020.71.7.113-120. – EDN PZJLRY.

своей, Legal Design - это производная единица юридической техники, и включает в себя инновационные способы оформления юридических документов частных компаний, которые облегчают понимание сложных правовых положений лицам не имеющим должной квалификации в сфере права. Однако если продолжить развивать эту мысль, можно вывести и более широкое толкование данного понятия, ведь красивое оформление документов это еще не все на что способен Legal Design². Глобально, это явление может открыть нам возможности по модернизации нормотворческих процессов, поскольку дизайн может быть направлен не только на форму но и на содержание.

Говоря об истоках данного явления, стоит сказать, что впервые этот термин получил широкое распространение, после выступления Маргарет Хаган, преподавателя Стэнфордской школы права в 2016 году. Точкой отправления развития Legal Design в мире можно также определить выпуск и распространение комикс-контрактов в Южно-Африканской Республике, от фирмы Creative Contracts³. Подобные контракты заключались с малограмотными и низкоквалифицированными сборщиками фруктов, для того чтобы они имели общее представление об их правовом статусе в трудовых отношениях с работодателем.

Однако, стоит упомянуть что Legal Design по своей природе должен затрагивать не только интересы частных юридических фирм, стремящихся привлечь клиентов за счет хорошего дизайна документов, с которыми компания ведет работу, но и целого населения страны. Речь сейчас идет о внедрении технологий Legal Design в законотворческие и законодательные процессы органов государственной власти. Весьма разумным было бы начать подобную кампанию в сторону повышения правовой грамотности населения с основного закона страны - конституции.

Дело в том, что весьма неказистые по своему дизайну источники основных законов государства (сайты, печатные издания), это проблема повсеместная и встречается практически в любой современной стране⁴. Вполне очевиден тот факт, что нелюбимые носители столь ценной для любого гражданского общества информации ослабляют правовую грамотность среди населения, в то время как эстетично и лаконично сделанный носитель идентичной информации является более эффективным.

Весьма интересный и наглядный кейс применения технологий Legal Design случился совсем недавно. Известный блогер и дизайнер Артемий Лебедев представил версию сайта Конституции РФ, сделанную в стенах его собственной дизайн-студии. Лебедев был крайне недоволен тем, насколько некачественный в данный момент официальный сайт российской конституции, поэтому решил сделать свою весьма креативную вариацию, веб-страницу - "конституция.сайт". На данной странице расположены все положения Конституции РФ с изменениями 2020 года, в крайне стильной форме, с соблюдением всех догматов юридического дизайна. Считаем подобную форму Legal Design крайне эффективной, поскольку в первую очередь эта инициатива была рассчитана на молодое поколение России, у которого сформировался запрос на упрощение многих процессов жизни, весьма отличающийся от старшего населения РФ⁵. На наш взгляд, именно в таком направлении следует двигаться отечественному законодателю.

Подводя итог вышесказанному, следует еще раз отметить, что Legal Design - это инструмент будущего, созданный для того чтобы упростить функционал давно устаревших процессов. Это ответ на запрос общества о необходимости повысить правовую грамотность и расширить правовое сознание, путем принятия удобоваримых дизайнерских решений. Считаем, что институт Legal Design должен не переставать развиваться в нашей стране, и чрезвычайно важно чтобы органы государственной власти обратили внимание на столь инновационную развивающуюся технологию, ведь от этого будет зависеть то, насколько граждане смогут доверять тем кому они передали часть своих прав.

² Гатилова, М. М. Перспективы, риски и практика применения технологии "юридический дизайн" / М. М. Гатилова, Я. В. Лысова // Гражданин. Выборы. Власть. – 2021. – № 3(21). – С. 175-188. – EDN VOAXW.

³ Царев, М. А. Legal design в современных правоотношениях: вопросы применения / М. А. Царев // Правовая позиция. – 2021. – № 7(19). – С. 13-16. – EDN ETANOG.

⁴ Янковский, Р. М. Legal design: новые вызовы и новые возможности / Р. М. Янковский // Закон. – 2019. – № 5. – С. 76-86. – EDN FYCRFW.

⁵ Махачеева, Е. Ю. Legal design: современный способ подготовки документов / Е. Ю. Махачеева, О. А. Шелюгина // Труды молодых ученых Алтайского государственного университета. – 2022. – № 19. – С. 145-147. – EDN EUSXUS.

Список источников

1. Гатилова, М. М. Перспективы, риски и практика применения технологии "юридический дизайн" / М. М. Гатилова, Я. В. Лысова // Гражданин. Выборы. Власть. – 2021. – № 3(21). – С. 175-188. – EDN VOAAXW.
2. Шнигер, Д. О. Правовая эстетика, или Право как искусство / Д. О. Шнигер // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). – 2020. – № 7(71). – С. 113-120. – DOI 10.17803/2311-5998.2020.71.7.113-120. – EDN PZJLRY.
3. Царев, М. А. Legal design в современных правоотношениях: вопросы применения / М. А. Царев // Правовая позиция. – 2021. – № 7(19). – С. 13-16. – EDN ETANOG.
4. Янковский, Р. М. Legal design: новые вызовы и новые возможности / Р. М. Янковский // Закон. – 2019. – № 5. – С. 76-86. – EDN FYCRFW.
5. Махახеева, Е. Ю. Legal design: современный способ подготовки документов / Е. Ю. Махახеева, О. А. Шелюгина // Труды молодых ученых Алтайского государственного университета. – 2022. – № 19. – С. 145-147. – EDN EUSXUS.

ГРАЖДАНСКИЙ ПРОЦЕСС. АРБИТРАЖНЫЙ ПРОЦЕСС

УДК 340

ИСТОРИЧЕСКАЯ ЗАМЕТКА О ПРОФЕССИОНАЛЬНОМ СУДЕБНОМ ПРЕДСТАВИТЕЛЕ В ИМПЕРСКОМ И СОВЕТСКОМ ПРАВЕ

КОЛОМИЕЦ ВИКТОР АЛЕКСАНДРОВИЧ

аспирант

Новосибирский государственный университет экономики и управления

Аннотация: В данной статье рассмотрены тенденции исторического развития института профессионального судебного представительства в период проведения судебной реформы Российской Империи, а также послереволюционных реформ. Понятийно-категориальный аппарат данного института на протяжении длительного времени претерпевал существенные изменения, процессуальные возможности профессионального судебного представителя то расширялись, то сужались. Для правильного понимания фундаментальных основ данного процессуального института, нужно обратиться к истокам его возникновения.

Ключевые слова: Российская Империя, Россия, судебный представитель, права, закон, доверитель, присяжный поверенный.

HISTORICAL NOTE ABOUT A PROFESSIONAL JUDICIAL REPRESENTATIVE IN IMPERIAL AND SOVIET LAW

Kolomiets V.A.

Abstract: This article examines the trends in the historical development of the institute of professional judicial representation during the judicial reform of the Russian Empire, as well as post-revolutionary reforms. The conceptual and categorical apparatus of this institution has been undergoing significant changes for a long time, the procedural capabilities of a professional judicial representative have been expanding and narrowing. For a correct understanding of the fundamental foundations of this procedural institution, it is necessary to turn to the origins of its origin.

Keywords: Russian Empire, Russia, judicial representative, rights, law, principal, sworn attorney.

Основой института профессионального судебного представительства являлся институт адвокатуры, который по своей природе являлся крайне демократическим, чего самодержавная Россия принять не могла.

Император Николай I, на вопрос о возможности создания института профессиональных судебных представителей (адвокатов) давал исчерпывающий ответ, в том числе князю Д.В. Голицыну: «Нет, князь, пока я буду царствовать, России не нужны адвокаты. Проживем и без них» [1].

В свою очередь, не только государство, но и само население на тот момент не было готово к принятию данного института. В дореформенной России судебным представительством на постоянной основе занимались люди, зачастую не обладающие даже начальным уровнем образования, что негативно сказывалось на качестве оказываемой помощи и на доверии населения к так называемым «судебным представителям».

Отмена феодально-крепостнической системы, состоявшаяся 1861 году послужила объективной

предпосылкой для распространения полноценной правосубъектности, как следствие, необходимости профессиональной защиты прав большего количества лиц.

Актом «Учреждение судебных установлений», утвержденным Александром II, был учрежден институт присяжных поверенных, который был создан в качестве особой корпорации при судебных местах (палатах) [2].

Судебная реформа 1864 года, именуемая также как «Судебная Реформа Александра II» носила комплексный характер и существенно изменила «староимперское право». «Учреждение о губерниях» 1775 года утратило свою актуальность. Становление прокуратуры, как обособленной ветви судебного ведомства ознаменовало появления противовеса в виде института присяжных поверенных.

Присяжными поверенными могли быть лица: имевшие аттестаты университетов или других высших учебных заведений об окончании курса юридических наук или о выдержанном экзамене в таких науках; прослужили не менее пяти лет в судебном ведомстве на таких должностях, в рамках которых могли приобрести практические сведения в производстве судебных дел, или также не менее пяти лет состояли кандидатами на должности по судебному ведомству, или же занимались судебной практикой под руководством присяжных поверенных в качестве их помощников [3]

Принятие столь прогрессивной реформы существенно повлияло на развитие гражданского и уголовного судопроизводства.

Прогрессивное развитие института профессиональных судебных представителей было прервано принятием Декрета Совнаркома от 24.11.1917г. «О суде», который упразднил судебную систему, убрав институт присяжных поверенных, не оставив ей какой-либо замены. После принятия декрета, защитником в суде могли быть любые неопороченные граждане, без ограничений по половой принадлежности. О наличии юридического образования и специальных познаний речи уже не шло.

Данный Декрет откинул развитие института судебных присяжных к дореформенным временам.

По прошествии непродолжительного времени с момента принятия Декрета о суде № 1 стало понятно, что функционирование правовой системы не может обеспечивать установленные государством гарантии, как следствие, была нужна новая преобразовательная реформа, которая получила закрепление в постановлении ВЦИК от 7 марта 1918 в Декрете о суде № 2 года, состоящем из 12 частей, включающих 39 статей, направленных на раскрытие и дополнение положений Декрета о суде № 1.

Далее, Декрет ВЦИК от 30 ноября 1918 года, утверждает Положение «О народном суде РСФСР» [4]

Данным актом было введено понятие «Коллегий защитников, обвинителей и представителей сторон в гражданском процессе». Данные коллегии учреждались «при Уездных Исполнительных Комитетах Советов Рабочих и Крестьянских Депутатов (включая и уездный город) и при Губернских Исполнительных Комитетах Советов Рабочих и Крестьянских Депутатов».

Как отмечает И.Н. Куксин принятые «новые акты заложили основу включения будущей адвокатуры в механизм государства. [5]

Таким образом, институт профессионального судебного представительства, получивший серьезный виток развития после реформы 1864 года, в советский период переживал серьезные испытания, конечным итогом которых стало неизбежное понимание его незаменимости и необходимости оформления данного института уже в новых реалиях социалистического государства.

Список источников

1. Гессен И.В. История русской адвокатуры. Адвокатура, общество и государство, 1864 – 1914 гг. Т. 1 – М.: Изд. Советов Присяж. Повер., 1914. С. 38
2. Черкасова Н. В. Образование и развитие адвокатуры в России // Закономерности возникновения и развития политико-юридических идей и институтов. – М.: Изд-во АН СССР, 1986. С. 257
3. URL: <https://parf.ru/on-bar/history/prisyazhnaya-advokatura-po-sudebnym-ustavam-1864/>
4. URL: <http://docs.historyrussia.org/ru/nodes/10148-30-noyabrya-polozhenie-vtsik-o-narodnom-sude-rsfsr>
5. Куксин И.Н. Социалистическая революция и становление адвокатуры // Национальные интересы. 2007. №5 (52). С.17.

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ СОВРЕМЕННОЙ ЮРИСПРУДЕНЦИИ

УДК 340

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ РОССИИ И ДАНИИ В ОБЛАСТИ АНТИКОРРУПЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ

ПОПОВА ВЛАДА ВЛАДИМИРОВНА

студентка

ФГАОУ ВО "Волгоградский государственный университет"

Научный руководитель: Иванова Наиля Ахетовна

к.с.н., доцент

ФГАОУ ВО "Волгоградский государственный университет"

Аннотация: в статье рассматривается сравнительный анализ антикоррупционной политики России и Дании. Авторы отмечают, что актуальность проведения антикоррупционной политики состоит в том, что коррупция остается одной из самых острых проблем общества. Антикоррупционная политика воздействует на все сферы жизнедеятельности человека. Авторы анализируют опыт, доказавший свою эффективность и обосновывают возможность его применения в законодательстве Российской Федерации.

Ключевые слова: коррупция, антикоррупционная политика, антикоррупционное законодательство, противодействие коррупции.

Основными нормативными актами, которыми регламентируется данный правовой вопрос являются Конституция РФ, федеральные конституционные законы, федеральные законы, нормативные акты Президента РФ, нормативно правовые акты иных федеральных органов государственной власти [1]. Антикоррупционная политика государства является непосредственно её основной деятельностью, так как коррупция несёт за собой угрозу не только моральной составляющей гражданского общества, но и угрозу жизни и здоровью гражданину нашей страны. Антикоррупционная политика проводится не только в России, но и в других странах, например, согласно рейтингу стран, Россия занимает 139 место, по состоянию отсутствия коррупции в стране, в то время, как Дания занимает в рейтинге 1 место. Для построения правового гражданского общества необходимо использовать опыт других государств, которые уже прошли свой путь к демократии и достигли некоторых успехов в построении развитого общества [2]. Таким образом, для того, чтобы создать максимально действенную антикоррупционную политику, по нашему мнению, необходимо обратиться к странам у которых данный показатель почти на «0», таким образом, мы сможем получить опыт и воссоздать его в нашей стране, при этом анализируя менталитет наших граждан, а также состояние коррупции в нашей стране.

Оставляет неразрешимые трудности. Достаточно «чистыми» в отношении коррупции странами, сформировавшими на государственном уровне антикоррупционную стратегию, являются Финляндия, Дания, Новая Зеландия, Исландия, Сингапур, Швеция, Канада, Нидерланды и т.д [3].

Проанализируем разницу между российским законодательством и законодательством Дании по борьбе с коррупцией.

Срок наказания за коррупционные правонарушения. В Дании в публичном секторе вырос с трех до шести лет лишения свободы, в частном секторе – с одного до четырех лет, в России возьмём за пример статью 290 УК РФ «Получение взятки», данное преступление наказывается штрафом в размере до одного миллиона рублей, ..., либо лишением свободы на срок до трех лет со штрафом в размере

от десятикратной до двадцатикратной суммы взятки или без такового. Таким образом, мы видим, что срок, например, лишения свободы в Дании в 2 раза выше, возможно, если бы в нашем государстве срок отбывания наказания за данный вид преступления был бы выше, то мы можем спрогнозировать, что у наших граждан был бы страх оказаться в местах лишения свободы на более длительный срок, то они бы не совершали такие преступления.

Политика «абсолютной нетерпимости». В Дании такая политика применяется в каждой фирме, в каждом государственном органе, она проявляется в следующем: в случае, если у человека появляется склонность, желание, либо он совершил прямое действие к тому, чтобы произошло противоправное деяние, то его немедленно увольняют, а также передают органы власти, тем самым они убирают любую возможность общества создать коррупционную ситуацию, в России, мы видим, что не производится такая яркая борьба с коррупцией в, например, в юридических фирмах, чаще всего начальство поощряет сотрудников, которые находят любые выходы из трудной ситуации, не обращая внимание на то, каким способом сотрудник решил стоявшую перед ним задачу. Скорее всего данная проблема заключена в менталитете граждан нашей страны, поэтому, мы предлагаем вводить уроки в школе для детей, которые будут создавать внутреннюю борьбу с таким видом преступлений и как следствие у будущих поколений не будет и в мыслях прибегнуть к такой возможности, так как она будет осуждаться со стороны общества, которое его окружает. На данный момент в России отсутствует закон, который бы регламентировал антикоррупционное воспитание [4]. Сейчас ведется очень активная политика, в которой детям стремятся объяснить, что экстремизм является очень существенной проблемой. но при этом государство забывает о том, что экстремизм и коррупция связаны между собой, так как из-за коррупции возникает ярко выраженная социальная несправедливость, данное социальное явление провоцирует за собой неприязнь к власти со стороны общества, что в свою очередь приводит к экстремизму, таким образом государство отучая детей *только* от экстремизма совершает ошибку.

Финансовая открытость органов власти перед гражданами. Пункт 20 Конституционного регламента датского парламента гласит о том, что любой депутат имеет право на получение информации о позиции любого министра по тому или иному вопросу, входящему в его компетенцию. В связи с этим в парламенте регулярно проводятся заседания, на которых министры отвечают на запросы своих коллег относительно подозрений в получении взятки или лоббирования интересов какой-либо компании. В России мы видим, что происходит стремительное развитие данного вопроса, так Правительство должно к 15 октября 2021 г. представить предложения о совершенствовании отчета чиновников о своих доходах, расходах и имуществе. Об этом говорится в Национальном плане противодействия коррупции на 2021-2024 годы, утвердил президент Владимир Владимирович Путин. Таким образом, мы можем предположить, что данные о зарплатах чиновников будут более открытыми, тем самым предоставят гражданам большую уверенность в том, что в нашем государстве все открыто и «прозрачно», тем самым, общество избавится от 2 проблем: желание местных властей осуществлять коррупционные действия, так как их доходы/расходы видны населению, граждане смогут доверять органам власти, тем самым, мы сможем ликвидировать не только высокий уровень коррупционных преступлений, но и также другие преступления, которые скрывает населения ввиду своих внутренних переживаний и недоверия органам власти, например насилие в семье по отношению к мужчинам, небольшое количество людей знают о том, что и мужчины могут относиться к жертвам домашнего насилия. В нашей стране мужчина, столкнувшись с таким видом причинения по отношению к нему вреда, не пойдет в органы полиции, так как в связи со сложившимся мнением в обществе по отношению к таким видам преступления полиция «как правило» не реагирует. Таким образом, открытость финансового состояния чиновников перед гражданами способствует не только уменьшению коррупции в стране, но и также доверию граждан к своему правительству.

Проведя сравнение между антикоррупционными политиками России и государства, которое занимает 1 место в мире по борьбе с коррупцией, то мы можем сделать следующий вывод, что наше государство стремится повысить свой уровень при борьбе с коррупцией, также создаются законопроекты, которые могут способствовать уменьшению коррупционных преступлений.

Список источников

1. Лях, Ю. С. Антикрупционная политика в Российской Федерации и правовые формы ее реализации / Ю. С. Лях. — Текст : непосредственный // Молодой ученый. — 2021. — № 15 (357). — С. 211-214. — URL: <https://moluch.ru/archive/357/79800/> (дата обращения: 17.01.2023).
2. Боков Юрий Александрович К вопросу о необходимости государственного противодействия деятельности некоторых общественных объединений в России: исторический опыт Германии и США // Пробелы в российском законодательстве. 2009. №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-neobhodimosti-gosudarstvennogo-protivodeystviya-deyatelnosti-nekotoryh-obschestvennyh-obedineniy-v-rossii-istoricheskiy> (дата обращения: 20.01.2023).
3. Ахметова Наиля Ахметовна Международный опыт противодействия коррупции // Власть. 2009. №12. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mezhdunarodnyy-opyt-protivodeystviya-korrupsii> (дата обращения: 25.01.2023).
4. Павлинов Андрей Владимирович Антикрупционное воспитание подрастающего поколения как основное средство профилактики коррупции // Журнал российского права. 2018. №5 (257). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/antikorrupsionnoe-voospitanie-podrastayuschego-pokoleniya-kak-osnovnoe-sredstvo-profilaktiki-korrupsii> (дата обращения: 18.01.2023).

УДК 347.77

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ РЕГЛАМЕНТАЦИИ РЕЗУЛЬТАТОВ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

ПАВЛОВ НИКИТА СЕРГЕЕВИЧ

студент

Сибирский государственный университет науки и технологий имени академика М.Ф. Решетнева

Научный руководитель: Фарафонтова Екатерина Львовна

ст. преподаватель

Сибирский государственный университет науки и технологий имени академика М.Ф. Решетнева

Аннотация: в настоящей статье изучены нормы правового регулирования интеллектуальной собственности, а также закреплённое законом временное исключительное право. Обсуждаются тонкости правового регулирования на территории Российской Федерации, а также выявлены проблемные аспекты использования открытых лицензий по российскому законодательству.

Ключевые слова: результат интеллектуальной деятельности, открытая лицензия, лицензионный договор, авторское право, произведение.

SOME ASPECTS OF REGULATION OF THE RESULTS OF INTELLECTUAL ACTIVITY

Pavlov Nikita Sergeevich*Scientific adviser: Farafontova Ekaterina Lvovna*

Abstract: this article examines the norms of legal regulation of intellectual property, as well as the temporary exclusive right secured by law. The subtleties of legal regulation on the territory of the Russian Federation are discussed, as well as problematic aspects of the use of open licenses under Russian legislation are identified.

Key words: result of intellectual activity, open license, license agreement, copyright, work.

Результаты интеллектуальной деятельности являются одним из итогов корпоративных исследований и разработок. Без этого аспекта практически невозможно осуществить технологический прорыв и качественное повышение ценности жизни на основе разработок отечественного происхождения. В результате проведения научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ формируется производственная интеллектуальная собственность, которая является охраняемым объектом исключительных прав. Права интеллектуальной собственности представляют собой интеллектуальные активы, которые защищаются авторским и патентным правом, и являются результатом интеллектуальной деятельности человека. В целом, интеллектуальные активы позволяют при их успешном внедрении и использовании в предпринимательской деятельности получать прибыль, которая будет выступать своеобразным инструментом страхования рисков правообладателя.

Интеллектуальные активы, как правило, создаются в результате трудовой деятельности работников компании, которые оформляются соответствующими трудовыми соглашениями. Работодатель со своей стороны должен обеспечить для них условия труда, позволяющие эффективно осуществлять

интеллектуальную деятельность, а также провести ряд мероприятий по закреплению и использованию интеллектуальной собственности в составе нематериальных активов компании. На сегодняшний день использование интеллектуальных активов возможно разными способами, в том числе и свободно, без согласия автора. Перечень таких способов приведен в ст. 1274 ГК РФ и имеет ограниченный состав, что позволяет защитить правообладателя и его результаты интеллектуального труда [1].

Отдельного рассмотрения требуют положения ст. 1286.1 ГК РФ, где урегулированы основы получения открытой лицензии на результат интеллектуальной деятельности. Открытая лицензия представляет собой лицензионный договор, который позволяет использовать интеллектуальный актив другому лицу, то есть лицу, которое не является автором, на условиях неисключительной лицензии (п. 1 ст. 1286.1 ГК РФ). Кроме того, согласно п. 1 ст. 1286.1 ГК РФ, данный вид лицензии является договором присоединения, который может быть расторгнут в одностороннем порядке, в соответствии с п. 4 ст. 1286.1 ГК РФ, в том случае, если лицензиат нарушит условия, предусмотренные открытой лицензией, выйдя за рамки прав, предусмотренных договором.

Так называемая лицензия Creative Commons позволяет свободно распространять защищенные авторским правом произведения науки, литературы и искусства. Creative Commons (CC) – это особый вид лицензии, которая используется для охраны разнообразных произведений человеческого творчества (это могут быть картины, музыкальные композиции, фотографии, аудиовизуальные произведения и проч.). Так, размещая то или иное произведение по лицензии CC, автор позволяет его использовать любому заинтересованному лицу при условии соблюдения требований, установленных лицензионным договором. Иными словами, CC позволяет автору в разумных пределах отойти от принципа «все права защищены», вследствие чего произведения распространяются более свободно и широко [2, с. 58].

В то же время ст. 1286.1 ГК РФ не содержит определения открытой лицензии, вследствие чего возникают некоторые сложности при разграничении данного вида лицензии от иных способов предоставления неограниченному кругу лиц права на использование произведения. Кроме того, в определении открытой лицензии должны найти отражение реальная возможность создания нового результата интеллектуальной деятельности на основе уже существующего произведения, а также пределы, касающиеся использования произведений литературы, науки и искусства.

В этой связи представляется целесообразным дополнить п. 1 ст. 1286.1 ГК РФ следующим определением: «открытой лицензией является лицензионный договор, по которому автор или иной правообладатель (лицензиар), своей волей действуя в частных и публичных интересах, направленных на развитие творчества и инноваций, предоставляет или обязуется предоставить право использования произведения науки, литературы или искусства, в том числе для создания нового результата интеллектуальной деятельности на основе данного произведения другой стороне (лицензиату) в предусмотренных договором пределах с сохранением за лицензиаром права выдачи лицензий другим лицам».

Следует отметить, что по общему правилу ст. 1286.1 ГК РФ все открытые лицензии являются по своей природе неисключительными. В соответствии с подп. 2 п. 1 ст. 1236 ГК РФ, недопустимо заключать лицензионные договоры в момент действия исключительной лицензии, следовательно, открытая лицензия при таких обстоятельствах будет считаться недействительной. Главная проблема реализации упомянутых правовых норм состоит в том, что в сети Интернет практически невозможно установить все стороны отношений (как правило, из-за использования псевдонимов и никнеймов) [3, с. 97].

Соответственно, введение категоричного запрета на использование произведения по неправомерно выданной открытой лицензии повлечет, с большой долей вероятности, непреодолимые сложности при изъятии такого произведения из доступа неопределенного круга лиц.

Нельзя также оставить без внимания проблему, касающуюся определения территориального действия открытых лицензий. Так согласно п. 3 ст. 1286.1 ГК РФ в случае отсутствия указания в открытой лицензии территории ее действия, использование соответствующего произведения допускается на территории всего мира.

При этом в п. 3 ст. 1235 ГК РФ, регулирующей положения о лицензионном договоре, предусмотрено действие лицензионного договора на территории РФ в случае отсутствия об этом условии в самом договоре [4, с. 110]. Необходимо заметить, что предусмотренные гражданским законодательством

положения о территориальном действии, о сроке и возмездности открытой лицензии не вступают в противоречие с общей нормой о лицензионном договоре. Тем не менее, ст. 1235 ГК РФ, закрепляющая положения о лицензионном договоре, должна определять возможность подобных изъятий.

Подводя итоги настоящему исследованию, можно сделать следующие выводы:

1) Предлагается под открытой лицензией считать любую свободную лицензию (например, Creative Commons), которая соответствует требованиям статьи 1286.1 ГК РФ. Согласно действующему законодательству открытая лицензия является правовым механизмом, в котором находят отражение и частные, и публичные интересы, направленные на реализацию одной цели. Открытую лицензию можно рассматривать как альтернативный способ предоставления права на использование произведения, который максимально ослабляет монопольный характер исключительного права. В связи с отсутствием соответствующей терминологии, предлагается ст. 1286.1 ГК РФ дополнить определением открытой лицензии.

2) Открытое лицензирование имеет большой практический и коммерческий интерес для предпринимателей, которые смогут значительно больше выкладывать цифрового контента в сети Интернет, что позволит развивать информационное общество, применять цифровые технологии и соблюдать баланс прав и интересов правообладателей. В настоящее время продолжает существовать проблема определения территориального действия открытых лицензий, решение которой требует внесения уточнений в ст. 1235 ГК РФ.

Список источников

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ (ред. от 05.12.2022) // Собрание законодательства РФ. – 2006. – № 52. – Ст. 5496.
2. Чувствинов И. В. Правовые проблемы использования производных произведений, созданных на основе открытых лицензий // ИС. Авторское право и смежные права. – 2022. – № 3. – С. 57-66.
3. Чурилов А. Ю. Правовое регулирование интеллектуальной собственности и новых технологий: вызовы XXI века: монография. – М.: Юстицинформ, 2020. – 224 с.
4. Спиридонова Н. Б. Исключительное право как возможность запрещать использование нематериального объекта по усмотрению правообладателя: анализ и критика концепции // Вестник гражданского права. – 2022. – № 3. – С. 103-117.

© Н.С. Павлов, 2023

УДК 343.140.02

К ВОПРОСУ О КРИТЕРИЯХ ДОПУСТИМОСТИ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

САДОВСКАЯ КСЕНИЯ АНАТОЛЬЕВНА

студент, 4 курс

ФКОУ ВО «Самарский юридический институт ФСИИ России»

Научный руководитель: Родионова Ольга Рениславовна

старший преподаватель

ФКОУ ВО «Самарский юридический институт ФСИИ России»

Аннотация: В статье рассматривается влияние нарушений, возникающих при сборе доказательств, на их допустимость. Автор отмечает, что практика допускает признание доказательств допустимыми при несущественных нарушениях закона. Автором предлагается закрепить в УПК РФ новый критерий допустимости, согласно которому, если при сборе доказательства были нарушены права участников уголовного судопроизводства, то такое доказательство необходимо признавать недопустимым

Ключевые слова: доказательство, недопустимость доказательства, судебная практика, права подозреваемого и обвиняемого, ответственность органа предварительного следствия.

TO THE QUESTION OF THE CRITERIA FOR THE ADMISSIBILITY OF EVIDENCE IN CRIMINAL PROCEEDINGS

Sadovskaya Ksenia Anatolievna*Scientific adviser: Rodionova Olga Renislavovna*

Abstract: the article examines the impact of violations arising during the collection of evidence on its admissibility. The author notes that the practice admits evidence admissible in case of insignificant violations of the law. The author suggests to fix in CPC RF a new criterion of admissibility according to which if during evidences gathering there were violated rights of participants of criminal proceedings then such evidences should be declared inadmissible.

Keywords: evidence, inadmissibility of evidence, court practice, rights of the suspect.

Любое обвинение в уголовном процессе должно быть основано на допустимых доказательствах. Без этого невозможно представить обоснованное привлечение лица к уголовной ответственности. Институт допустимости доказательств в уголовном процессе играет ключевую роль в защите прав обвиняемого подозреваемого, наряду с презумпцией невиновности и правом не свидетельствовать против себя и своих близких. Поэтому изучение толкования норм о допустимости доказательств играет важную роль в развитии уголовно-процессуального права.

Верховный Суд РФ в Постановлении Пленума от 31.10.1995 № 8 «О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия» указывает, что доказательства признаются полученными с нарушением закона, если они были получены:

- с нарушением конституционных прав человека и гражданина;
- с нарушением порядка, установленного уголовно-процессуальным законодательством;

– ненадлежащим лицом или в результате действий, не предусмотренных процессуальными нормами.

Однако, более новое Постановление Пленума ВС РФ от 05.03.2004 № 1 «О применении судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» устанавливает, что доказательства признаются недопустимыми в случаях существенного нарушения уголовно-процессуального законодательства. И в то же время не конкретизирует другие случаи, когда доказательство может быть признанным недопустимым.

Именно благодаря таким недосказанностям Верховного суда допускается сложившиеся в судах практику признания недопустимыми доказательствами только тех, которые получены с существенными нарушениями закона. Вследствие чего создается неблагоприятная для стороны защиты с точки зрения соблюдения норм УПК РФ судебная практика. Например, судами 1 и 2 инстанций было признано существенным нарушением, которое заключалось, в том, что допрошенная в качестве свидетеля понятая сообщила, что в прослушивании фонограммы она не участвовала, а лишь подписала протокол следственного действия, при этом она также работала в следственном отделе уборщицей [1]. В другом деле встречается ситуация, когда в протоколе выемки следователь неправильно указал данные о юридическом лице, в чьем помещении проводилась выемка, также не были конкретно перечислены изъятые документы, в протоколе лишь было указано общее число листов в папке [2].

В качестве такого примера можно привести проведение судебной экспертизы на стадии предварительного расследования. Положения ст. 195 УПК РФ устанавливают обязанность следователя ознакомить подозреваемого, обвиняемого, защитника с постановлением о назначении судебной экспертизы. Однако, в статье не конкретизирован момент, когда это необходимо сделать: обязательно ли ознакомить установленный законом круг лиц, до начала проведения экспертизы или можно ознакомить уже после получения результатов. При этом положения ст. 198 УПК РФ позволяют предположить, что ознакомление с постановлением должно происходить не только до начала проведения судебной экспертизы, но и еще до того, как следователь передаст необходимые материалы в учреждение, которое будет проводить экспертизу. Такое положение дел возможно объяснить тем, что вышесказанная статья устанавливает ряд прав лиц, которых необходимо ознакомить с постановлением о назначении судебной экспертизы: ходатайствовать о проведении экспертизы в другом учреждении, присутствовать при ее проведении и т.д. Однако, следователя пользуются недоказанностью в ст. 195 УПК РФ и уведомляют одновременно с экспертным заключением, при этом суды не стремятся признавать такие экспертные заключения недопустимыми доказательствами. В то же время, Конституционным судом РФ давно сформированы позиции по данному вопросу, которые указывают на обязанность следователя ознакомить с постановлением о назначении судебной экспертизы до ее проведения, так как участники процесса не смогут воспользоваться предоставленными ст. 198 УПК РФ правами, вытекающие из таких принципов уголовного судопроизводства, как состязательность и равноправие сторон [3].

Таким образом, можно говорить о том, что существуют доказательства, которые не позволяют отдельным участникам уголовного судопроизводства реализовать свои права, но при этом практика правоприменения допускает их использование, несмотря на позиции вышестоящих судов.

Приведенные случаи свидетельствуют о возможных злоупотреблениях со стороны следственных органов. Поэтому считаем целесообразным согласиться с мнением И. А. Колдиной и А. В. Шигурова, которые утверждают, что такое состояние дел представляет собой «опасное явление современной практики уголовного судопроизводства» [4, с. 53]. В связи с этим необходимо внедрение и развитие правовых механизмов направленных на привлечение должностных лиц к ответственности за допущенные ими процессуальные нарушения, например, путем внедрения штрафов. В то же время необходима также и законодательная работа, направленная на ликвидацию неточностей в уголовно-процессуальном законодательстве, которые позволяют следственным органам и судам не уделять должного внимания так называемым несущественным нарушениям. В связи с тем, что правоприменительные органы злоупотребляют объемами формулировок, которые содержатся в Постановлениях Пленума ВС РФ, считаем необходимым закрепить в УПК РФ критерии недопустимости доказательства. По нашему мнению, для достижения указанной цели возможно внести поправки в ст. 75 УПК

РФ, согласно которым любое доказательство, полученное с нарушением требований УПК РФ следует признавать недопустимым, если такое нарушение лишило сторону уголовного судопроизводства возможности реализовать свои права, которые предусмотрены УПК РФ. Такие доказательства не могут быть использоваться в целях доказывания обстоятельств, которые предусмотрены ст. 73 УПК РФ.

Список источников

1. Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Ростовского областного суда от 24.02.2016 по делу № 22-820/2016 [Электронный ресурс] // СПС «Консультант Плюс» (дата обращения: 20.01.2023).
2. Апелляционное постановление Верховного Суда Республика Саха (Якутия) от 19.03.2015 по делу № 22-820/2016 [Электронный ресурс] // СПС «Консультант Плюс» (дата обращения: 21.01.2023).
3. Определение Конституционного Суда РФ от 18 июня 2004 г. № 206-О «По жалобе гражданина Корковидова Артура Константиновича на нарушение его конституционных прав статьями 195, 198 и 203 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» [Электронный ресурс] // СПС «Консультант Плюс» (дата обращения: 16.03.2022).
4. Колдина И. А., Шигуров А. В. Несущественные нарушения уголовно-процессуального закона // XIV Державинские чтения в Республике Мордовия. – 2018. – С. 51-54.

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ: АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

Сборник статей

Международной научно-практической конференции

г. Пенза, 5 февраля 2023 г.

Под общей редакцией

кандидата экономических наук Г.Ю. Гуляева

Подписано в печать 6.02.2023.

Формат 60×84 1/16. Усл. печ. л. 7,7

МЦНС «Наука и Просвещение»

440062, г. Пенза, Проспект Строителей д. 88, оф. 10

www.naukaip.ru

Уважаемые коллеги!

Приглашаем Вас принять участие в Международных научно-практических конференциях!

Дата	Название конференции	Услуга	Шифр
5 марта	XXVII Международная научно-практическая конференция АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ СОВРЕМЕННОЙ НАУКИ И ОБРАЗОВАНИЯ	90 руб. за 1 стр.	МК-1638
5 марта	IV Международная научно-практическая конференция БОЛЬШАЯ СТУДЕНЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ	90 руб. за 1 стр.	МК-1639
5 марта	IX Международная научно-практическая конференция ЭКОНОМИКА ПРЕДПРИЯТИЙ, РЕГИОНОВ, СТРАН: АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ И СОВРЕМЕННЫЕ АСПЕКТЫ	90 руб. за 1 стр.	МК-1640
5 марта	II Международная научно-практическая конференция ОБРАЗОВАНИЕ, ВОСПИТАНИЕ И ПЕДАГОГИКА: ТРАДИЦИИ, ОПЫТ, ИННОВАЦИИ	90 руб. за 1 стр.	МК-1641
5 марта	XII Международная научно-практическая конференция ЮРИСПРУДЕНЦИЯ, ГОСУДАРСТВО И ПРАВО: АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ И СОВРЕМЕННЫЕ АСПЕКТЫ	90 руб. за 1 стр.	МК-1642
10 марта	II Международная научно-практическая конференция СОВРЕМЕННАЯ НАУКА И ОБРАЗОВАНИЕ: АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ	90 руб. за 1 стр.	МК-1643
10 марта	III Международная научно-практическая конференция АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ СОВРЕМЕННЫХ НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ	90 руб. за 1 стр.	МК-1644
15 марта	II Международная научно-практическая конференция ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ И ПРИКЛАДНАЯ НАУКА: АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ	90 руб. за 1 стр.	МК-1645
15 марта	XLII Международная научно-практическая конференция НАУКА И ОБРАЗОВАНИЕ: СОХРАНЯЯ ПРОШЛОЕ, СОЗДАЁМ БУДУЩЕЕ	90 руб. за 1 стр.	МК-1646
17 марта	XVII Всероссийская научно-практическая конференция МОЛОДЫЕ УЧЁНЫЕ РОССИИ	90 руб. за 1 стр.	МК-1647
17 марта	X Международная научно-практическая конференция НОВЫЕ НАУЧНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ	90 руб. за 1 стр.	МК-1648
20 марта	IV Международная научно-практическая конференция АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ОБЩЕСТВА, НАУКИ И ОБРАЗОВАНИЯ	90 руб. за 1 стр.	МК-1649
20 марта	XVI Международная научно-практическая конференция СТУДЕНЧЕСКИЕ НАУЧНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ	90 руб. за 1 стр.	МК-1650
23 марта	II Международная научно-практическая конференция НАУЧНЫЙ ФОРУМ	90 руб. за 1 стр.	МК-1651
23 марта	VII Международная научно-практическая конференция НАУКА И СОВРЕМЕННОЕ ОБРАЗОВАНИЕ: АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ, ДОСТИЖЕНИЯ И ИННОВАЦИИ	90 руб. за 1 стр.	МК-1652
25 марта	VII Международная научно-практическая конференция РАЗВИТИЕ СОВРЕМЕННОЙ НАУКИ И ОБРАЗОВАНИЯ: АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ, ДОСТИЖЕНИЯ И ИННОВАЦИИ	90 руб. за 1 стр.	МК-1653
25 марта	XVI Международная научно-практическая конференция ЭКОНОМИКА И СОВРЕМЕННЫЙ МЕНЕДЖМЕНТ: ТЕОРИЯ, МЕТОДОЛОГИЯ, ПРАКТИКА	90 руб. за 1 стр.	МК-1654
25 марта	XIX Международная научно-практическая конференция ПЕДАГОГИКА И СОВРЕМЕННОЕ ОБРАЗОВАНИЕ: ТРАДИЦИИ, ОПЫТ И ИННОВАЦИИ	90 руб. за 1 стр.	МК-1655

www.naukaip.ru